

Раиса Кузьмина

*Эти чистые и
светлые образы...*

Вместо предисловия Чувство Родины

Чувство Родины живет в нас.

Как, когда, в какую счастливую или, наоборот, невеселую минуту приходит оно к нам, неизвестно, но каждый хотя бы раз в жизни испытывал это чувство щемящей нежности к родному дому, природе, людям, месту, стране, где ты родился.

На вопрос «С чего начинается Родина?» давным-давно полно и красноречиво ответил известный поэт Михаил Матусовский в своей знаменитой песне. Все, что дорого и близко душе, что любится и помнится – все это и есть Родина. А вспоминается многое...

Апрель. Весеннее половодье. Река Тара, летом тихая и светлая, стала бурной и неуправляемой, и домик наш бревенчатый на берегу скоро затопит. И вот мы всей семьей (папа, мама, я и брат Сергей), спасаясь от большой воды (так думала я, четырехлетняя), а на самом деле по другой причине – чтобы родителям жить было ближе к работе – переезжаем в соседнее село, на центральную усадьбу сельсовета. Дорога уже почти затоплена, мост через речку тоже. Мне страшно, но одновременно и интересно: что там, в черной пучине многоводья? И я, тайком от родителей, нарушаю строгий наказ: из окна кабины не высовываться. Смотрю на мост, что качается под напором стихии и колхозной машины, на которой мы едем, на бурлящий поток внизу, и мне становится страшно весело.

А дорога меж тем поднялась выше. И вот перед нами другое, новое для меня, село. Дома, как по лестнице, взбегают вверх на пригорок. Возле домов в палисадниках – черемухи и тополя с не раскрывшимися еще до конца почками, вечно зеленые ели. В центре села, возле школы, где работает мама – тополиная роща. Напротив школы – сельский клуб, небольшой и неказистый. Это место работы отца.

А вот и наш новый дом. Суетятся какие-то люди. Наверное, соседи и мамыны сослуживцы. Отец, высаживая меня из кабины, говорит: «Ну вот, это и есть твое новое место жительства, еще одна Родина». Мама смеется: «Как будто не километр проехали, а целую область или страну. А Ургуль и Остяцк совсем рядом».

С кошкой в руках, по русскому обычаю, поднимаемся по высоким ступенькам в дом и оглядываемся. Все, как обычно в сельской избе 60-х годов прошлого столетия: печь посреди кухни, лавки вдоль стен, широкие половицы и высокий потолок... Соседи помогают грузить нехитрый скарб и немногочисленную мебель.

А вечером в доме состоялось новоселье. За столом не было особых яств, зато народу было видимо-невидимо: и вся многочисленная родня, и соседи, и коллеги по работе. Поздно вечером, засыпая на жарко натопленной печке, думала: «Вот мы и дома».

Деревенское босоное детство... Разве сравнишь его с жизнью городских ребятешек?! Сколько простора для фантазии, сколько забав, хороших и разных! Зимой – снежки, лыжи и санки, а летом – чего только нет! Можно прыгать с крыши сарая в крапиву на парашюте. И ничего, что в качестве него используется мамин шелковый платок, важно испытать это, ни с чем несравнимое чувство полета, когда аж дух в груди захватывает. Можно бегать по лужам, по зеленой травке возле дома, можно играть в «чижика» или «из круга вышибало» с соседскими ребятами.

А лес! Поспевает душистая земляника, краснеет гроздьями костяника, прячутся в кустах грибы. Но главное летом – это речка. Весной – неукротимая стихия, летом наша Тара становилась тихой и задумчивой, расцветая кувшинками и лилиями, отражая в светлой воде берега с нежной зеленью травы.

«Купальных» мест на Таре было два: «за молоканкой» и «за электростанцией». Купаться было удобнее «за электростанцией» - местной ГЭС, подававшей ток на два села, где хозяйничал фронтовик дядя Вася Сидоров. Для кого-то инвалид, потерявший ногу на войне и теперь ходивший на протезе, а для нас – настоящий волшебник, извлекавший из каких-то механизмов чудо – свет, который по традиции горел до 12 часов ночи.

В школьные годы, прочтя знаменитые рубцовские строчки: «Ласточка, что же ты, милая, его не уберегла?», я плакала навзрыд и, вспоминая о том, как мы с девчонками спасали ласточек, гордилась собой и подружками.

Иногда прямо с речки мы бежали смотреть на другую достопримечательность Остяцка – столетнего деда Макарчика, что жил недалеко от магазина. Всей своей внешностью этот столетний человек напоминал мне, уже умеющей читать, другого старца – писателя Льва Толстого. Весь седой, с длинной белой бородой и белыми усами, в белой холщовой рубахе и белых штанах, босой, он сидел на лавочке возле своего дома и наблюдал за всеми, кто проходил мимо. Мы, ребятишки, побаивались деда, как любая молодость боится старости, и потому близко к нему не подходили, лишь издали наблюдали за ним. В школьные годы я узнала, что человек этот, проживший огромную и сложную жизнь, как и Лев Толстой, был Великим, хоть не для всей страны, а для Остяцка точно. Когда-то, в начале 20 века, пришел он первым за сотни верст из России в Сибирь и основал здесь поселение. Макар Стрельцов был поистине мудрым, если выбрал для своего села место, омываемое со всех сторон рекой, среди лесов девственных, нетронутых, полных зверья, ягод, грибов.

В школьные годы мы слышали от стариков и легенду о том, почему село носит название Остяцк. Оказывается, когда-то в землянках на берегу реки жили остяки – суровый и смелый народ. Особенно выделялась остячка Марфа, имевшая недюжинную силу и природную смекалку: Марфа одна ходила с рогатиной на медведя, могла одной рукой уложить любого мужика. Остяцкие пещеры и в наше время еще существовали по Таре и по речке Ича, и мы ходили специально в лес, чтобы посмотреть на жилища легендарных предков.

Школьные годы. Время познания различных наук, время приобщения к азам культуры, время становления личности, время крепкой дружбы и первой любви, время взросления и рождения гражданственности и ответственности перед людьми и тем местом, где ты родился.

Вспоминаю первый класс. Все в школе для меня светло и радостно, ведь я прихожу сюда теперь не гостьей, как было раньше, когда я приходила к маме, учительнице начальных классов, а полноправной хозяйкой участвую в учебном процессе. И пусть я уже умею писать и считать. Ничего, все равно все вызывает восхищение: и строгое школьное форменное платье, и звонки, и уроки, и новые подружки-одноклассницы.

О Родине, великой и святой, говорят нам на уроках наши школьные учителя. И не только о стране, чей авторитет так велик в мире, но и о нашем родном крае, о его истории. А история – вот она, рядом, не за семью горами. Не сама отвлеченная наука История с цифрами и фактами, а люди, творившие ее. Еще были живы очевидцы Гражданской войны, коллективизации, еще стояли плотной стеной на митинге 9 Мая те, кто выиграл Великую Отечественную, и совсем молодыми были те, кто поднимал целину.

Из рассказов старожилов мы узнали, как искали Великую правду в 20-е годы мужики-крестьяне, как метались из лагеря «красных» в лагерь «белых», и наоборот. Когда-

то здесь проходил адмирал Колчак со своим войском. Жестокие бои проходили недалеко от нашего села, о чем свидетельствовал памятник, стоявший в школьном саду, и крест в четырех верстах от села.

В народе ходили легенды о трех партизанах, замученных колчаковцами. На памятнике фамилии – Никулин, Пьянков, Онуфриев. И больше ничего. Очевидцы много рассказывали о руководителе партизанского отряда Мацуке, который вместе с женой основал в Остяцке начальную школу.

Памятник – крест, да еще вековая лиственница, неизвестно как появившаяся в суровых сибирских краях, являлись какой-то путеводной звездой для моих односельчан. Прямо, как у Бунина. Люди возвращаясь из района или области, говорили: «Только подъехали к кресту, и дождь пошел». На месте Креста давным-давно стоит памятник, а красавица Листвянка погибла во время урагана в 2007 году.

О роли ветеранов Великой Отечественной войны в жизни нашего села можно говорить бесконечно. Свои боевые регалии – медали и ордена – они надевали один раз в год в Праздник Великой Победы, когда по селу разносились из динамиков марши и песни военных лет. А в остальное время года честно трудились на общественном поприще. Большинство – в колхозе «Борьба за мир». Думаю, что название колхоза было тоже символичным. Как еще может называться колхоз и село, отдавшее в свое время на благо Победы лучших своих героев! Имена их высечены на Памятной Доске в школьном музее: Санниковы, Лукашovy, Егоровы, Гламаздины... Здесь же фотографии тех, кто вернулся в Остяцк после войны и ушел из жизни в мирное время.

Я помню этих людей красивыми и молодыми. У каждого за плечами свой боевой путь, своя фронтовая история. И.Г. Егоров на войне был офицером, В.А. Коваленко – медсестрой, И.Г. Гламаздин служил в конном полку.

Каждый из ветеранов не единожды побывал в школе, не единожды выступил перед молодежью с рассказами о Великой войне, о людях, отстоявших мир на земле. У многих ветеранов, помимо общественной работы, было свое хобби. Иван Галактионович Гламаздин делал бочонки, Александр Иванович Кокорин – саночки и корзинки. Их самобытный талант рукодельцев радовал не одно поколение моих земляков.

Хочется сказать о том, какую роль внесли наши педагоги в воспитание чувства патриотизма. А.Н. Петухова, Т.Н. Крюшклина, Г.Д. Федорова, А.С. Лаврова, Т.В. Кривенко, М.К. Сидорова, Т.Т. Коваленко, М.И. и А.И. Ликаровские, М.В. Стрельцова, Р.И. Никулина, В.П. Крячова были людьми высокой культуры. И они несли эту культуру в массы: читали лекции и доклады на фермах и полевых станах, устраивали беседы на местном радио, организовывали выступления детской самодеятельности и сами выступали с концертами.

Но учительский хор отличался высокой слаженностью. Пели под баян, под гитару. Будучи учительским ребенком, я практически выросла в школе, потому что детского сада в те годы в селе не было. И часто присутствовала на репетициях школьного хора. Учителя, строгие и серьезные на уроках, во время репетиций становились раскованными и веселыми, смеялись и шутили, как дети, рассказывали всякие смешные истории из жизни и с уроков. А после тщательных репетиций были концерты.

Один из них был на 7 ноября. Тесный зал сельского клуба забит до отказа. Все места в зрительном зале заняты взрослыми, и нам, ребятишкам, ничего не остается, как разместиться рядом со сценой. Кто стоит, а кто сидит прямо на полу. Я забила в самом уголке возле закрытого занавеса. А так хочется подойти поближе, ведь сегодня выступает моя мама! И вот, наконец, мои ожидания сбылись. Нетерпеливая публика

начинает уже аплодировать, так как начало концерта просрочено, но он еще почему-то не начат. И вот поплыл занавес. И в первом ряду хора, в самом центре сцены мама – в новом платье, с красивой прической. Звучат первые аккорды, и мамин голос взметнулся ввысь: «Веет свежестью ночь сибирская...» Галина Денисовна, мамина коллега, такая же красивая, как мама, вступает альтом, а затем гремит весь хор. «Прокати нас, Петруша, на тракторе», «Песня о Родине», украинские и русские песни – репертуар хора большой. Зал аплодирует каждой песне.

Учителя не только поют, но и танцуют, ставят спектакли – взрослые и детские. Они организовали школьный музей, где представлено множество экспонатов, начиная от старинных кружев и монет и заканчивая стендами о современной жизни села.

Но не только самодеятельностью славилось село в 60-80гг. оно славилось тем, что приглашало в гости многих знаменитых людей страны и области. В разное время в Остяцке побывали Герой Советского Союза Михаил Девятаев, знаменитые летчицы Надежда Попова и Мария Раменская, группа сибирских писателей, Геннадий Прашкевич и Виктор Лихоносков. Виктор Лихоносков под впечатлением своего пребывания в Остяцке написал повесть «Чалдонки», посвященную жителям села.

... Я вспоминаю май 1975. После большого очередного половодья цвела черемуха. Цвела пышно, обильно, усыпая землю обильным ковром. В каждом дворе, в каждом палисаднике, в школьном саду и в лесу за околицей. Терпкий черемуховый аромат носился вокруг, сводя с ума молодые и старые сердца. Хотелось петь, любить, смеяться и плакать одновременно. А в школе проходили мои первые экзамены. Как сейчас, помню разложенные на синем учительском столе белые билеты, запись на доске, сделанную моей рукой: «Я люблю свою малую родину, потому что она у меня одна, и нет больше такой на свете».

Впереди была жизнь, большие жизненные экзамены, разлука с близкими и родиной. Все еще было впереди, хорошее и плохое. Но это болезненное чувство первого отрыва от земли, где ты родился, и сейчас ощущается, как будто наяву. Как будто корни свои рвешь откуда-то из глубины, из недр... И черемуха мне часто снится.

2006 год

Эти чистые и светлые образы...

Ольга пишет рассказы.

Писать Ольга начала поневоле: несколько лет назад попала в аварию, и врачи вынесли вердикт – работать не сможет. Жизни без любимой школы, учеников, Ольга не представляет, и, чтобы хоть в чем-то не отстать от своих коллег учителей, не закиснуть от тоски и скуки, Ольга пишет.

И потому постоянно витает в облаках, в образах, самой же ей, Ольгой, созданных.

Образы эти то реальные, теперешние, сиюминутные, то фантастические, непонятно из каких галактик в Ольгину голову забредшие. Но чаще всего, как это случается у людей опытных, достаточно поживших на Белом свете, это образы Прошлого: Образы Светлого Детства, Радостной Юности, Образы первых Открытий, Сомнений, первой Любви...

Состояние свое душевное в такие моменты Ольга называет красивым французским словом «ностальжи».

Слово французское, а переживание – чисто русское. О ностальгии еще в 20 веке писатели-эмигранты говорили. Состояние тоски по родине, по людям, что были рядом

когда-то... Но тоска ностальгическая по прошлому не муторная, не темная, потому что все, что пережито нами однажды кажется лучше и красивее, чем то, что сейчас нас окружает и происходит с нами...

Там, в прошлом, молодые и красивые родители, живая бабушка, веселая и нестарая крестная тетя Настя, Шурка... И даже его невеста Таня, хотя о ней взрослая Ольга вспоминать не любит. Прежде всего из-за того, что образ Танин напоминает ей, Ольге, о ее дурном поступке, пусть и неосмысленном, совсем детском.

Но речь вести Ольга будет в первую очередь об Александре или Шурке, как его называла вся бывшая Ольгина деревня, от мала до велика.

Шурка – обычный парень, который старше ее лет на 14-15. Маленькая четырехлетняя Ольга знакомится с ним, когда приходит на работу к отцу, сельскому киномеханику. Шурка проходит у отца практику, и потому все время задает вопросы: о том, как лучше вставлять киноленту, чтоб она не портилась, как лучше переключать аппаратуру, чтоб сеанс был непрерывным. Учится, одним словом.

Увидев Ольгу, Шурка широко улыбается:

- О, невеста пришла! Привет, невеста!

Ольге почему-то слово «невеста» не нравится, и она отвечает Шурке:

- Я не невеста, я Ольга вовсе.

- Правильно, не невеста, потому что маленькая. А когда вырастешь, будешь невеста.

- А ты уже вырос, ты невеста? – допытывается Ольга.

Шурка смущается:

- Ну, я еще не совсем... И я не невеста. Я скорей буду жених.

- Же-них, - Ольга по слогам произносит еще одно непонятное слово. А потом, хитренько прищурившись, говорит:

- А ты уже вырос... Вон какой-ка-ку-щий! До самого потолка, до самого неба!

Шурка залиvisto смеется, кружит Ольгу, взяв своими крупными руками за тонюсенькую девчоночью талию.

Вечером, после сеанса, Шурка учит маленькую Ольгу танцевать. Просто берет ее на руки и кружит в вальсе: «Раз-два-три! Раз-два-три».

Ольга счастлива, чувствует себя взрослой девушкой, такой, как все танцующие вокруг нее в маленьком деревенском клубе.

- Я уже танцую, я большая, я невеста? – донимает она Шурку.

- Если каши много будешь есть, то быстрее вырастешь, - воспитывает ее Шурка.

Рядом танцуют родители. Мама, наблюдая за Ольгой, спрашивает Шурку:

- Шура, тебе не тяжело ее кружить? Отпусти, а то замучает.

- Своя ноша не тянет, - шутит Шурка, улыбаясь широкой белозубой улыбкой.

- Все равно, Шура, отпусти. Ей спать пора. Все, Оля, идем домой, - приказывает мама Ольге.

Ольга капризничает:

- Не хочу домой! Хочу к Шуре!

Но мама увещевает разбуянившуюся дочь:

- И без того парню покоя от тебя целый день нет. Пусть хоть сейчас от тебя отдохнет.

Шурка что-то пытается возразить, но мама непреклонна. Ольга, надутая, отправляется с родителями домой.

Идет она по деревенской улице. Пыль дорожная, еще не остывшая от дневного

зняя, согревает Ольгины босые ноги. Тапочки Ольга сняла, идет, помахивая ими в руках. Ольга все время думает о Шурке. Ей кажется, что никого в селе нет лучше него. Она спрашивает маму о нем: где он учится, где живет, сколько ему лет и, главное, жених он или еще нет.

Мама смеется над вопросом маленькой Ольги:

- Жених, жених, любопытная ты наша. Посмотри вон лучше, какое небо там, где солнышко село.

Небо, и правда, очень красивое. Розовое, румяное, как Шуркины щеки.

Наконец Ольга с родителями приходит домой. Моется и ложится спать. Ночью ей снятся дальние страны, которые она видела на киноэкране из окна папиной кинобудки, и капитан Шурка, везущий ее, Ольгу, туда, где живут красивые женихи и невесты...

В кинобудку папа Ольгу больше не берет. Чтобы не отвлекала от трудового процесса молодые кадры, как говорит папа. И Ольга сильно скучает по своему жениху. Даже ненавистную манную кашу ест тарелками, чтобы побыстрее вырасти, везде бывать и встречать там Шурку.

Мама, глядя, как Ольга уплетает очередную порцию манки, беспокоится:

- Что это с тобой? Ты последнее время много ешь. Нужно тебя врачу показать. Может, заболела...

- Нет, - отвечает Ольга. - Я расту.

- Ну, расти, расти. Ты уже и так подросла.

Ольга, обрадованная, бежит к зеркалу, чтобы убедиться, подросла ли она, но видит там все ту же тоненькую девчущку с выгоревшими волосами и большими удивленными глазами.

«Интересно, а какие волосы у невест? – думает Ольга. – Наверное, черные, густые, длинные до пола? Эх, мне бы такие!»

Шурку больше летом маленькая Ольга не видит. Он, закончив практику, уезжает в город доучиваться.

А Ольга всю долгую зиму осваивает премудрости наук: учится считать, изучает буквы, рисует... Опять же, чтобы быстрее подрасти. И хотя папа против, считает, что еще рано ребенка пяти лет мучить грамотой, мама идет на поводу у дочери, стремящейся к образованию немедленно: «Если ребенок хочет, нужно учить».

Зимой же мама, учительница и одновременно студентка-заочница, отвозит маленькую Ольгу на целый месяц к бабушке в соседнюю деревню. Бабушка, как все бабушки на свете, рассказывает Ольге сказки: про Кокованю, про Ивана-царевича, Гвидона и прочих принцев... Поскольку в глубоком детстве красота в нашем сознании чаще всего ассоциируется с добротой, Ольге кажется, что все бабушкины принцы похожи на Шурку. Белобрысый, веснушчатый Шурка кажется Ольге писанным красавцем, и она в сотый раз уговаривает бабушку:

- Бабуленька, ну еще разик про Шурку Гвидона расскажи.

- Про Гвидона расскажу, - смеется бабушка. - А про Шурку не знаю. Лучше сама расскажи.

Ольга взахлеб тараторит, какой Шурка умный, как красиво танцует, и как она скоро, через годик, вырастет, и как он возьмет ее в невесты.

- Возьмет, возьмет, бабуленька, не смейся. Он так меня и зовет...

А потом Ольга опять, закрыв глаза, слушает бабушку. Слушает и видит, как Шурка плывет в бочке вместе со своей матерью – старой учительницей, что живет на другой

улице их деревни, возле речки, под горкой, как Шурка управляет островом, как она, Ольга, оборачивается Царевной-Лебедем... Так, под звуки размеренного бабушкиного голоса она засыпает...

Приходу весны маленькая Ольга радуется несказанно. Не будет, наконец, воюющих, ведущих свою тягучую песню, метелей-вьюг, обжигающего ветра, мороза, так и норовящего щипнуть Ольгу за нос и щеки. И только по мягкому пушистому снегу она будет скучать потом, жарким летом. Да еще по новогодней елке и салазкам.

А пока Ольга веселится. Бегает напропалую по лужам в своих резиновых сапожках, улыбается солнышку, разглядывает птиц, уже вернувшихся с юга. И ждет Пасху. На Пасху Ольгу пообещали отпустить в гости к крестной, а еще посулили, что она пойдет играть на полянку, где взрослые ребята соорудили качели.

Вот она приходит, эта счастливая пасхальная неделя. Счастливая еще и потому, что совпала с майскими праздниками, на время которых многие студенты из города приезжают домой навестить родных и близких. Ольга надеется, что и Шурка приедет.

И предчувствия маленькую Ольгу не подвели. Накануне Пасхи Ольга как обычно гуляет возле дома, шлепая по огромной луже. И вдруг вдалеке на дороге видит что-то знакомое. Человек направляется к их дому. Ольга, сломя голову, мчится Шурке навстречу, хватая его за ноги, прижимается: «Шурочка, миленький, хорошенький, приехал, приехал!!!»

Шурка, наклонившись, берет Ольгу на руки и поднимает высоко над своей белобрысой головой. «Невестушка моя, как выросла-то... А я тебе подарок привез...». Шурка достает из кармана пальто кулечек городских конфет, каких нет у них в сельпо.

- Вкуснятина! Вкуснятина! – восторгу Ольгиному нет предела.

- Подожди. Вот еще. Смотри! – Шурка вынимает из кармана что-то еще, маленькое, с дырочками, берет его в рот, и штучка издает мелодичный звук.

- Это свисток. Когда будет плохо, только свистни, невеста моя, - шутит он.

Проходящие мимо две любопытные бабушки-соседки, наблюдая за сценой Ольгиного и Шуркиного свидания, смеются:

- Жди, жди, невеста, вырастешь, он тебя замуж возьмет.

Ольга, теперь грамотная, не то, что год назад, и потому отвечает на ехидство старушек фразой, услышанной во взрослом фильме:

- Я женщина свободная и замуж не хочу. А вы, бабушки, лучше помолчите со своими советами.

Бабушки, удивленные наглостью и находчивостью маленькой Ольги, уходят, качая укоризненно головами. А Шурка почему-то сердится:

- Ты почему старушек обидела? Ай-ай, нехорошо, старость нужно уважать.

- А что они... - Ольга надувает губы и отворачивается от Шурки. Вот тебе, ждала, а он ее ругает.

- Ну, ладно, не дуйся, Ольга, ну, ладно, с кем не бывает... Лучше расскажи, как ты зимой жила.

Ольга быстро, чтобы успеть, рассказывает Шурке, что она считает до ста и обратно, что знает сказочку про него Шурку-Гвидона, а еще читает умную книжку «Букварь», где сказано про все на свете... И опять же про него, Шурку, написано. Только как-то непонятно: «Мама мыла раму. А Шура мыла Машу».

- Шур, а ты разве в куклы играешь?

Шурка смущен:

- Нет, конечно. Я же мальчик, а там про другую Шуру написано, про девочку. Поня-

ла, Ольга?

Ольга поняла и глупых вопросов больше не задает. Шурке нужно срочно идти по делам, и он уходит. А Ольга остается одна на весенней улице, которая вдруг без Шурки становится неуютной и пустынной. Даже птицы почему-то молчат, не поют, не щебечут, словно понимают Ольгину внезапно нахлынувшую грусть.

Придя домой, Ольга первым делом прячет свисток на самое дно своей заветной коробки с игрушками, чтобы никто не увидел и не забрал. А то, как иначе она Шурку будет звать на помощь. А сама мечтает: «Хоть бы быстрее этот случай представился! Вот уж я тогда свистну Шурку-Бурку-Вещую Каурку!» И случай не заставил себя ждать.

Утро следующего дня выдалось красивым и жарким, как летом, сияющее солнце и голубизна неба перемешались с прозрачностью воздуха и первой зеленью травы и листиков на деревьях в палисадниках. Пели птицы, вчера немо молчавшие. Пела душа. Душа Ольгиных родителей, с утра уже сказавших ей: «Христос воскрес!».

Времена хоть и были атеистические, но святая Пасха всегда была святой в деревне, да и в городе тоже. И люди радовались празднику, как радуются приходу весны, каждый раз несущей что-то новое. Они радовались не только Воскресению Спасителя, но и вечному обновлению природы и жизни.

Пела и Ольгина наивная, еще не омраченная большими заботами и печалью, душа.

С утра Ольгу приодели: красивое голубое, шелковое платье, огромный красный бант на голове, белые носочки – все говорило о том, что юная красавица пойдет в гости. Но главной гордостью Ольги были новые башмачки, кожаные, тоже красные, блестящие, как ее радостные глаза. Башмачки Ольге разрешили одеть вместо сапожек, потому что дорога, вчера еще вся в лужах, высохла. А до дороги Ольгин папа положил две широкие доски, чтобы Ольга ножки не замарала.

Вот по этим доскам, а потом по дороге и бежит маленькая Ольга в гости к своей крестной тете Насте, что живет у речки, под горкой, там, где живет и Шурка со своей матерью-пенсионеркой. Гостинцев пасхальных унести и самой угоститься.

Бежит радостная Ольга и поет вполголоса, ей самой же сочиненную песенку, нескладную с точки зрения стихосложения и музыки, но точно передающую ее восторженное состояние: «Ура! Весна пришла! Ура! Пасха наступила! Ура! Шурка приехал! А я к тете Насте иду».

Так, с песенкой на губах и добежала почти до тети Настиного дома. Осталось только перейти малюсенький промежуток от дороги до ворот. Обочиной что называется. Но досок возле дома крестной нет, и Ольга, еще не имеющая опыта как перебираться через грязь по маленьким сухим островкам, задумывается: «Что же делать?» А потом решает: «А, будь, что будет! Пойду прямо. Тем более, грязь вроде везде и высохла, вот кое-где корка даже потрескалась».

Откуда было знать малоопытной юной сельской жительнице, что под треснувшей коркой таятся самые настоящие ловушки с жирной, вязкой, почти болотной грязью. Очень опасные для нее, Ольги, и ее глянцевого башмачка.

Разбежавшись, Ольга прыгает. И все. Ноги Ольги выше колена увязли так, что она с места двинуться не может. Ольга минуту молчит, потом издает такой дикий ор, что, наверное, ее слышно на другом конце села. Но только не в доме тети Насти. «Помогите! Спасите! Тону! Умираю», - вопит Ольга, глядя с ужасом на измазанные руки, черное от грязи платье, еще недавно такое нарядное... Про башмачки и носочки она и не думает, потому что их не видно под толстым слоем грязевой трясины.

И вдруг Ольга вспоминает о Шурке, о его волшебном свистке. Но горю Ольгиному вовсе нет предела: свисток она оставила дома.

- Шурочка, миленький, неужели и ты меня не услышишь? – причитает Ольга, повернувшись к Шуркиному дому, что стоит через дорогу.

И чудо происходит: из-за ворот мелькает Шуркина белая голова, сначала медленно, потом – быстро-быстро. Шурка мчится ей на помощь.

- Бедная моя невестушка. Подожди, я сейчас, - говорит Шурка, поднимая отвороты резиновых сапог. Он с силой тянет Ольгу из грязи. Ольгу достает, а башмачки так и остаются в жидкой каше.

- Шурочка, там башмачки, - всхлипывает Ольга.

- Подожди, сначала тебя отнесу домой...

- Я к крестной, - плачет Ольга.

- Ну, хорошо, хорошо, - говорит Шурка, - к крестной, так к крестной, только не плачь.

Шурка берет Ольгу под мышку, чтобы окончательно не вымазаться самому и несет на крыльцо тети Настиного дома. Крестная, увидев все перемазанную племянницу, ахает:

- В баню ее быстрее, в баню. Там еще вода теплая со вчерашней помывки. Ах, ты Господи, беда-то какая...

Пока тетя Настя моет Ольгу в бане, Шурка спасает Ольгины туфельки. Ольга плачет: новых туфелек почти не видно, одна сплошная грязь.

- Как же я домой пойду?

- Ничего, мы тебя переоденем, - обещает крестная. - У девчонок моих и одежда, и обувь есть.

- Я не хочу девчонок, я хочу свое. А постирать? - спрашивает она тетю Настю.

- Стирать сегодня нельзя. Грех великий.

И опять выручает Шурка.

- Я греха не боюсь. Я постираю. Оно быстро сегодня высохнет. Где тут у вас...?

Ольгу уносят в дом, к двоюродным сестрам, и она не видит, как мучается Шурка, не боящийся грехов, отстирывая стопудовую грязь с ее платья, носочков, тапочек...

...Летом Шурка работает в клубе кинемехаником вместо папы, ушедшего в отпуск. Ольга, выбрав минуту, когда не видят родители, потому что они ее постоянно ругают, чтоб не мешала Шурке, мчится к нему. Шурка, готовясь к вечернему сеансу, рассказывает маленькой Ольге о неведомых странах, путешественниках, космосе, собаках Белка и Стрелка, других экзотических животных, которых Ольга никогда не видела. Ольга, в свою очередь, говорит Шурке, что нашла зеленое стекло и в него можно смотреть на солнце. А вчера она подралась с рыжей Каткой, за то, что она вредная и дразнится.

- Ольга, ты дерешься?! Я разве тебе не говорил: правоту умом доказывают. Аргументами.

Опять он ее озадачил.

- Какими а-аргу-ментами? - Ольга не может выговорить непонятное для нее слово.

- Ну, не кулаками, а словами. Понимаешь, драться некрасиво.

- А красиво, это как?

И Шурка рассказывает Ольге, как многие великие люди писали книжки, чтоб доказать правоту, шли на каторгу, были смелыми, но никто не обижался зря, тем самым давая маленькой Ольге первые представления о нравственности, о законах чести...

... Однажды Ольга, в очередной раз придя к Шурке на работу, видит там незнакомую девушку, красивую, стройную, модно одетую, совсем не похожую на деревенских девчат.

- Знакомься. Это Таня. Она студентка. Приехала из города помогать урожаем убирать, - говорит Шурка каким-то прерывистым, необычно высоким, срывающимся голосом. И Ольга понимает: с Шуркой что-то происходит. Что-то экстраординарное, не поддающееся ее сознанию.

Таня наклоняется к Ольге, берет ее за руку и произносит:

- Так вот ты какая, Ольга! А Шура много о тебе рассказывал.

В другое время Ольга полубила бы Таню всей своей открытой душой, так красива и улыбчива она была. Чернобровая, с длинными ресницами и кудрявыми волосами, Таня постоянно рассказывала интересное о городской студенческой жизни, рассказывала про цирк и театр, где Ольга никогда не была. В другое время, но не теперь, когда маленькая ревнивица вдруг поняла: Таня явилась сюда, чтобы забрать ее самое драгоценное сокровище – ее Шурку. Да и Шурка вел себя с Таней странно, по-другому, не так, как с ней, Ольгой. Если на Ольгу он смотрел доверчиво, улыбался и говорил с ней ласково, то на Таню еще и восторженно, а говорил еще и смущенно. Поняв это, Ольга обиделась на Таню и Шурку. Обиженная, она перестала наносить свои ежедневные визиты в кинобудку, не ходила на просмотр детских фильмов в клуб. Шурка через знакомых мальчишек узнавал, не заболела ли она, передавал Ольге подарки, конфеты, семечки в кулечке, открытки и фотографии с лицами его любимых актеров. Но Ольга на мальчишечьи вопросы о ее, Ольгином, самочувствии, отвечала еще одной фразой из взрослого фильма:

- Я такого что-то не припомню.

Это она о Шурке так. Маленькая Ольга хоть и была маленькой, а все же женщиной. Гордой и самолюбивой. И характер у тогдашней Ольги был куда упрямее и непреклоннее, чем у Ольги теперешней, много пережившей и повидавшей, более требовательной к себе и терпимой к людям, научившейся прощать и мелкие обиды, и крупные людские ошибки.

Кто мы такие, не единожды грешные, чтоб судить других, выносить людям приговор? Есть другой судья, который выше нас и чище.

В церковь теперешняя взрослая Ольга не ходит, но то, что есть высшая особая сила, называемая Богом ли, судьбой ли, или еще каким-то словом, верит.

Маленькой Ольге философские рассуждения Ольги теперешней были, конечно, неизвестны, и она поступала так, как ей подсказывал ее гордый характер. За что взрослая Ольга сама теперь себя и корит. Если б не ее характер, сохранила бы дружбу с Шуркой навсегда.

А меж тем прошел уже месяц с того момента, как Ольга не видела Шурку. Она, как все 5-6-летние дети, которые все быстро решают и забывают, реже и реже стала вспоминать его. Может быть, так и забыла бы, если бы не одно событие. Ольга увидела Шурку с Таней на дороге. Шли они, радостные и взволнованные, взявшись за руки, никого и ничего не замечая вокруг.

Ольга, выскочив из ограды своего дома, бежит к дороге, чтоб ее увидел Шурка. Потом, вспомнив про обиду, хочет вернуться назад, но Шурка, уже вместе с Таней, приблизившийся к ней, кричит:

- Оля, подожди! – И потом тише Тане: - Танюша, ты иди, ладно? Я тебя догоню!

Шурка садится перед Ольгой на корточки. Вид у него виноватый: веснушки стали

совсем красные, глаза опущены вниз, и голос тихий-тихий:

- Олюшка, милая! Ты на меня обижаешься? Прости, не дождался я тебя... Встретил Таню... Вот идем в совет, расписываться...

Ольга, как всегда не поняла половину того, о чем он говорил. Поняла только одно: Таня отняла, все-таки, его.

Ольга плачет:

- Шурочка, а я уже не твоя невеста? Ты меня совсем не любишь?

Шурка еще больше краснеет:

- Прости ты меня, дурака стоеросового, как мама говорит. Не знал я, что девочек, даже маленьких, нельзя просто так «невестами» называть. Слово это святое, мама говорит... Его только раз и можно... Но, я тебя все равно люблю, как младшую сестренку. У меня ведь одни братья старшие.

Шурка впервые за два года целует Ольгу в щеку. И Ольга чувствует, что Шурка, как и она, Ольга, чуть не плачет.

- Шурочка, я тебя тоже люблю! Я тебя прощаю, прощаю...

Ну вот, на этом месте можно бы было поставить точку в рассказе о первой детской Ольгиной любви. Хоть и нет счастливого конца, а все довольны, прощены.

Но нужно было знать Ольгин характер, противоречивый и непреклонный, потому что дальше Ольга чуть не сотворила такое, за что ей и сейчас стыдно и перед Таней, и перед Шуркой, и перед родителями, а больше всего перед собой, взрослой Ольгой. Шурку-то Ольга простила, а вот Таню... Бедную Таню, ответившую на Шуркино взрослое чувство, Ольга в этот момент возненавидела всей своей душой. За то, что она, Ольга, плачет, за то, что Шурка расстроен и чувствует себя виноватым.

И в Ольгину горячую голову приходит чудовищный план: отомстить злой разлучнице Татьяне. Способ и орудие мести нашлись тут же, на месте. Возле чьего-то чужого забора валялась маленькая стеклянная полулитровая баночка, на дороге толстым слоем лежала августовская пыль. Ольга, долго не раздумывая, набрала пыли в баночку и встала на обочине, спрятав руки за спину.

По дороге то и дело сновали одна за одной колхозные машины, вывозившие хлеб с полей от комбайнов в зерносклад... В колхозе была уборочная страда. Но Ольга не думала о страде, ни о том, как опасно находиться возле дороги, в клубах пыли и выхлопных газов. Ольга ждала Таню, понятно, зачем: чтобы засыпать сопернице глаза пылью, так, что она больше никогда не увидит ни Шурку, ни ее, Ольгу, ни солнце, ни день, ни весь мир вообще...

И вот, наконец, Таня и Шурка выходят из здания сельсовета и идут по обочине, как раз по той стороне, где стоит Ольга. Ольга уже приготовилась совершить свое чудовищное злодеяние, размахнувшись баночкой, как чья-то сильная рука схватила ее тоненькую ручонку и отвела в сторону. А потом Ольга слышит строгий папин шепот:

- Ты что это удумала, в такой день людям настроение портить!

Слухи по деревне распространяются быстро, и люди уже знают о предстоящей Шуркиной женитьбе, в том числе и папа.

Ничего не понявшие Шурка и Таня, поравнявшись с Ольгой и папой, счастливо улыбаются. Папа говорит:

- Ну, совет вам, молодые, да любовь!

Шурка, проходя мимо, машет Ольге рукой. И все, навсегда уходит из ее жизни, ее Шурка-Гвидон...

А вечером папа рассказывает маме про Ольгин дурной поступок.

- Иду по дороге с работы (папа уже вышел из отпуска), вижу: стоит. Кричу: «Ольга, домой, там машины!» Не слышит. Подхожу, смотрю: в баночке пыль... Ишь, до чего додумалась, чуть акт вандализма над новобрачными не учинила. Нет, пора в деревне садик открывать, пока они совсем не разболтались... И не забудь извиниться перед Таней.

Мама почему-то Ольгу не ругает, а, прижав к себе, гладит по голове. Наверное, своей женской интуицией и материнским сердцем понимает, что поступок свой Ольга совершает не со зла, а лишь из огромной жалости к Шурке...

А потом на целых две недели Ольга выпадает из действительности. Перепуганные Ольгиной высокой, под 40 градусов, температурой, мама и папа срочно вызывают врача из участковой больницы в соседнем селе. Врач, опытная пожилая женщина, разводит руками: «Ничего не могу понять. Видимых признаков заболеваний не нахожу: горло здоровое, хрипов нет, живот безболезненный». И делает вывод: «Скорей всего, это нервы... Острых ситуаций никаких не было? (слово «стресс» тогда еще не было известно широкой публике, поэтому Ольгино тяжелое состояние врач именуется другим словом – «ситуация»). Мама с отцом переглядываются...

Больная, температурающая Ольга не знает, как отгуляла-отшумела по селу Шуркина веселая свадьба, какой серьезный он был: в темном костюме и галстук, как хороша была Таня в подвенечном наряде... Об этом Ольге, уже здоровой, долго рассказывала соседская Катька.

Живого, свадебного Шурку Ольга в те дни не видела, зато в бреду Шурка приходил к ней постоянно: злой, с перекошенным лицом, кричащий Ольге прямо в лицо: «Ты подлая, подлая, проси прощения!» Шурка из сна совсем не походил на Шурку настоящего, такого, каким Ольга его не знала...

Шурка и Таня после свадьбы некоторое время еще оставались в селе: Таня со своими студентами помогала колхозу на зернотоке, а Шурка работал со старшим братом на комбайне, тоже участвуя в важном деле уборки урожая. Потом, когда уборка и в колхозе, и на домашних огородах закончилась, они засобирались в город. И перед отъездом они навещают родственников и друзей.

Приходят они в гости и к Ольгиным родителям. Ольга, к том времени уже почти выздоровевшая, услышав, как кто-то в сенцах говорит с отцом, причем очень знакомым голосом, теплым баритоном, бросилась бегом в горницу, на постель. Прикинулась, будто ей опять плохо.

Лежала, плотно закрыв глаза, не шевелясь, громко дыша, словно снова впала в беспамятство. А сама слышала, как Шурка делится своими планами на будущее с отцом, как Таня приглашает родителей в гости, рассказывает, как лучше к ним будет добратся, если Ольгины родители вдруг попадут в Город.

Потом Шурка спрашивает, наконец, про нее, Ольгу... И мама, видимо, показывает на дверь горницы...

Шурка потихоньку входит, наклоняется над постелью: «Сестренка моя милая, что ж ты так заболела-то? А я вот тебе принес...».

Ольге страшно любопытно, что там принес Шурка, навсегда уезжающий из села. Любопытно, но и боязно, вдруг Шурка и впрямь ее не простил, и она терпит, не выдает себя все время, пока Шурка возле ее постели, смотрит нежно на нее. Тепло его взгляда Ольга и взрослая помнит, хотя и лежала с закрытыми глазами в тот момент. Просто чувствовала.

Когда Шурка и Таня уходят, Ольга, наконец, оживает в своей постели. Поднимает

глаза и видит: на столе, возле кровати, лежит кукла, вся в белом, красивая, какой у Ольги никогда не было.

«Невеста, - думает маленькая Ольга, - неужели простил?!» Наверное, да, потому что о ее необдуманном поступке Шурка даже не вспомнил...

Шурка, женившись на Тане, уезжает жить в город. Через несколько месяцев туда же перебираются его мать, старая учительница, и братья с семьями. Так что Шурку больше в своей жизни повзрослевшая Ольга никогда не встречала.

Подарки Шуркины: фотографии артистов и свисток – куда-то потерялись. А куклу Ольга бережет, переезжая из одной квартиры на другую. Как всю сознательную жизнь помнит Шурку. Как все мы вспоминаем, повзрослев, тепло маминых рук, красоту бабушкиных сказок, мудрое отцовское слово...

Если бы не эти светлые образы, согревающие нас в самые трудные моменты взрослой рациональной нашей жизни, смогли бы мы вообще жить, существовать, мыслить? Смогли бы преодолевать препятствия, которые то и дело готовит нам судьба? Думаю, нет...

Ведь память как субстанция существует не для того, чтоб мы помнили чужое зло. И не только для того, чтобы мы помнили о своих грехах и ошибках и никогда их больше не повторяли. Память существует, чтобы мы помнили о добрых людях и их добрых делах. Чтобы, вспоминая, лечили свои израненные души, верили в лучшее, чтобы не черствели сердцем, умели удивляться, любить, сопереживать. Чтобы мы всегда оставались людьми, в любой, даже самой безвыходной, ситуации. Способность, которой владел простой деревенский парень Шурка, похожий на князя Гвидона, о психологии и философии никогда не слышавший...

Машкина любовь

Машка Сизова влюбилась. Машка, отъявленная отличница, закомплексованная тихоня, зубрилка, которая не то что на уроке, на перемене боится сделать лишнее движение. Все стоит себе в уголке коридора с книжкой, готовит на сто раз приготовленные задания, читает читанные-перечитанные тексты параграфов и разделов учебника.

В классе Машка явная «белая» ворона: на переменах не бегаёт, с мальчишками не дерется, снежками и записками не бросается, да и с девчонками сильно не общается. Только с подругой Галкой иногда о чем-то шепчется. Наверное, боится испортить свою безупречную репутацию, подорвать авторитет первой ученицы класса, вот и держится от всех отстраненно, вызывая тем самым праведный гнев мужской половины класса. «Букварь! Зубрилка!» - дразнят ее мальчишки. Особенно бесит их, что Машка списывать не дает: ни задачки, ни сочинения. «Если хотите, я вам объясню... А списывать как-то нехорошо... Еще чего!». «Нужна ты нам со своими объяснениями!» - негодуют пацаны. И опять дразнят. Больше других старается Васька Крутов.

Он не просто дразнит, издевается. Не было и дня, чтоб не учинил какой пакости: то воды в портфель нальет, то мышонка дохлого в парту засунет, то кнопку на стул подложит, пока Машка не видит.

Машка Васькины издевательства переносит гордо, стоически. Молча убирает мышонка из парты, молча выливает воду из портфеля... Сама при этом дрожит от страха и плачет про себя от обиды. Внутри, так, чтоб никто не видел.

Машка ведет себя так, как ведут себя героини ее любимых романов. Да, в отличие от своих одноклассников тринадцатилетняя Машка уже не читает книг про животных, войну и разведчиков. Машка читает толстые произведения Майн Рида, Вальтера

Скотта, а по ночам тайком от родителей – Мопассана и «Очарованную душу» Ромена Роллана. Если родители заходят в комнату, срочно прячет книгу под подушку. Однажды не успела, была застигнута на месте преступления. «Не рано ли?» - спросила мама. И помолчав, добавила: «Ладно, уже раз начала, дочитывай до конца. Что с тобой делать?!»

И музыку Машка слушает не ту, что остальные ее сверстники. Откроет летним днем окно в сад, поставит старинную ридиолу на стол и заведет классику: Шопена, Чайковского, а то и оперу какую-нибудь, «Кармен», например. Сельские жители, проходя мимо Машкиного дома, с удивлением оглядываются: «Ишь ты, не хор им. Пятницкого, не частушки, не ансамбль «Песняры», - «Лебединое озеро». Прямо Большой театр на гастролях». Машке все нипочем: «Лучше этого ничего нет. Титаны, признанные человечеством. Мама любит», - говорит она закадычной подруге Галке.

Маму, сельскую учительницу, и отца, колхозного инженера, Машка уважает, потому и прислушивается к их мнению. Одним словом, правильная во всех отношениях девочка.

И вот правильная Машка влюбилась. Она и до сих пор помнит день и час: 23 сентября на большой перемене.

А накануне Машке приснился сон. Прямо, как Татьяне Лариной, вещей. Легла Машка 22-го вечером в десять ноль-ноль, как обычно, и видит: любимая их деревенская речка, а на ней дорожка мраморная белая, до самого противоположного берега идет. Что-то Машка не припомнит, чтоб такая в реальности была. Ивы, наклоненные к воде, помнит, белые кувшинки тоже, даже желтый песок и кусты красной смородины с того берега помнит... А вот дорожки отродясь не было. И никогда она, Машка, по таким белым и звенящим не ходила. А тут во сне нужно идти. А дорожка звенит и звенит, будто тысячи невидимых колокольчиков в нее вмонтированы и при каждом ее движении начинает свой волшебный перезвон. Так звенит, аж в ушах больно. А Машка еще и половины реки не преодолела. И вдруг – раз! Дорожка превращается в тонкий луч света. А он тает, тает под Машкиными ногами... И все. Машка тонуть начинает. Барахтается, барахтается, а выплыть не может. Чувствует, как задыхается, как силы покидают ее. И опять чудо! Машка вдруг видит, как рядом с ней оказываются двое: один высокий и стройный, второй низкий, наглый и лохматый. И оба кричат ей: «Цепляйся за меня! Я тебя вытяну!». Машка, конечно, выбирает высокого и красивого. Хотя лица не видит, но вот нутром своим понимает: очень красивый, прямо герой из книги. Красивый дает ей руку, и они с ним бегут по белой дорожке, которая вновь откуда-то появилась на речке...

Машка просыпается в ожидании чуда. Того самого чуда, которое произошло с ней во сне. Неужели и в жизни так бывает? Пришел красивый и сильный и подал руку помощи? С этим благостным чувством Машка отправляется в школу. Не идет, а летит, мчится. Как сказали бы в прочитанных ее романах: «Несется на крыльях...». Только еще не понятно, чего: любви или ее предчувствия.

Школьный день шел, как обычно: уроки по расписанию, Машкины выученные ответы, мальчишеские дразнилки. А на большой перемене и впрямь случается чудо.

Наглый и лохматый, с длинными почти до плеч волосами Васька Крутов требует от Машки в очередной раз, чтоб дала списать. Не тут-то было! Машка теперь уже немножко другая, не та тихоня-отличница, что была вчера, еще до волшебного сна. «Решай сам, ничего не получится!» - резко бросает она в Васькино, почти ненавистное в этот момент, лицо. Ненавистное, потому что Васька отвлекает ее от светлых

мыслей о Нем, еще не известном, но уже любимом. «Ах, так!» - Васька дергает Машку за косы, а потом сильно толкает в плечо. Машка, едва устояв на ногах, хватается в руки учебник и лупит им Ваську по голове. Вот она, школьная потасовка. Сейчас завяжется кровопролитная драка. Васька почти обезумел. Какая-то зубрилка, его, по голове! Развернулся, чтобы ответить, как следует, и... И вдруг Васька и Машка оба, как по команде, замирают. Потому что слышат голос со стороны: «Что это у вас ребята с девушками сражаются? Еще раз увижу, что девчонок обижаете, будете иметь дело со мной...». Сказал тихо, но твердо. Оба, Машка и Васька, опешили. Васька, от того, что кто-то возымел наглость советовать ему, Ваське, как себя вести. Машка... Машка, подняв глаза, теряет дар речи. Такого не бывает, нет! Это же он, красавец из сна! Пашка – старшекласник, самый высокий и красивый в школе парень.

Вторая половина учебного дня проходит, как в тумане. Машка не помнит, что объясняют у доски учителя, что она отвечает, когда ее спрашивают.

Дома Машка перед зеркалом тщательно изучает свою внешность. Машка не красавица, но вполне симпатичная девочка. Темные брови, большие глаза, длинные, темно-русые волосы заплетены в косы... Но в зеркале Машка видит другое отражение. Неуклюжего уродца с гладко зачесанными прядями. Куда ей до Павла, от которого все девчонки без ума! Решившись, Машка достает из стола мамину косметику и принимается за дело. Ярко насурьмленные брови, накрашенные ресницы, кроваво-красные губы придают ей вид знойной южной красавицы. Да, такая бы свела с ума любого мачо, не то, что бедного Павла.

Радостная Машка бегает по комнате на цыпочках, как балерина, кружится в вальсе, поет. За эти занятия застает ее мама, пришедшая с работы чуть раньше времени. «Марья, Боже ты мой, ты же себя изуродовала. А ну мыться!». Мама берет Машку за руку и ведет к умывальнику. «Мама, я ... Выглядеть... Я некрасивая...» - лепечет что-то несвязное Машка. «Хочешь выглядеть, занимайся самоусовершенствованием. Вон там литература, почитай на досуге. И что за конфликт у тебя сегодня был в школе?». «Донесли», - подумала Машка.

Машка после подготовки домашнего задания отправляется в чулан, где хранятся стопками старые мамыны учительские журналы по воспитанию и психологии. Пособий по усовершенствованию лица и тела Машка не находит, зато находит старинную книгу о том, как завлекать особ противоположного пола. Книга старая, почти истлевшая от времени, наверное, осталась от бабушки с прошлого, 19 века.

«Если объект Вашего интереса не обращает на Вас внимания». А дальше на нескольких страницах – советы, как строить глазки, улыбаться, писать любовные письма.

Любовные письма Машка писать стесняется, а вот обратить на себя внимание красивого Павла хочет. Для этого и ходит мимо открытых дверей его класса каждую перемену. Не одна ходит, с Галкой. Чтоб подозрений не было. Добродушная и рассудительная Галка недоумевает: «Что это мы весь день ходим?». «Галка, да стоять уже надоело. Давай еще один разок пройдемся».

Бесполезно. Павел даже ни разу из класса не вышел. Все перемены сидел там, шутил со своими одноклассниками. Особенно с одной. Чернобровой пышнотелой Веркой. «Тоже мне, сделал выбор», - корит про себя Павла Машка.

Поняв, что пустопорожними коридорными хождениями ничего не добьешься, Машка принимает другое решение: чаще появляться там, где бывает Павел.

Спортивный Павел чаще всего бывает в лыжной секции. Туда и идет Машка, отро-

дьясь спортом никогда не занимавшаяся.

«Маша, а что скажет мама? Ты ведь даже на физкультуру не ходишь. Освобождена по причине слабого здоровья», - пытается остановить машин порыв руководитель секции. «Хочу», - говорит Машка. «А здоровье?» - спрашивает физрук. «Мы сами в ответе за свое здоровье», - парирует невесть откуда набравшаяся смелости Машка.

Не все гладко идет в Машкиных тренировках. Падает, не может дышать. Но она неустанно движется к поставленной цели – достичь хотя бы на школьном спортивном поприще успехов. «Упорная, - хвалит ее учитель. – Смотри, уже в норму укладываешься. Так дело пойдет – возьму тебя на соревнования в район.»

И впрямь берет. И Машка всех удивляет: выигрывает главный приз. Учителя и одноклассники поздравляют, мама рада: «Молодец! И горло за зиму ни разу не болело». Но что – мама, что – папа, что – ребята? Главное – Павел. А он как воды в рот набрал. Встретит на тренировке, молча кивнет головой. И пошел.

Машка не сдается: «Не видит, какая я спортсменка, запишусь в театр.»

И опять учительское удивление. На сей раз любимой Нины Николаевны, учительницы литературы: «Маша, я же столько раз тебя просила, нет, даже уговаривала. Ты не хотела. А тут вдруг сама...». «Передумала, Нина Николаевна, передумала», - Машка, соврав, краснеет до самых ушей. «А назад опять не передумаешь? Нет? Смотри!».

Нет, Нина Николаевна, Машка не передумает, она в погоне за счастьем готова горы свернуть.

Машка получает роль партизанки Тани, Зои Космодемьянской. Дома, опять перед зеркалом, учит слова, жесты, повороты. Нина Николаевна на репетиции так же, как физрук, хвалит Машкино рвение: «Боже! Откуда это у тебя? Истинная актриса!».

Приходит день премьеры. Машка на сцене. Руки связаны, старое платье на плечах порвано, на лице – грим, изображающий побои и издевательства фашистских солдат. Машка перед выходом дрожала, как осиновый лист. Это же в первый раз в жизни – играть на сцене. Да еще такую героиню. А на сцене появляется отчаянная храбрость. Она в ударе. Играет так, что у односельчан слезы на глазах выступают. Осталась последняя сцена. Самая ответственная. Сцена казни Зои. «Выдержу или нет?» - беспокоится Машка. Выдерживает. И только не понимает, почему в момент самого главного страстного ее монолога по залу прошелся неуместный смешок. Гадкий такой, ядовитый, отвратительный хохоточек.

За кулисами Машка негодует: «Как они могут, почему они смеются? Это же Зоя, народная героиня...». Галка, верная подруга, успокаивает: «Маш, они не хотели, честное слово. Само вышло. Понимаешь, когда грима много, он плывет... Вот, глянь». Машка не понимает, о чем говорит Галка. Смотрит в зеркальце и ужасается – грим, который должен изображать синяки, превратился от яркого и горячего сценического света или под воздействием ее неукротимой энергии в сплошную черную массу. Так что Машка похожа вовсе не на героическую Таню-партизанку, а на негритянку из американского фильма. «Провал, провал, полное фиаско». Слезы сами собой катятся по Машкиным чумазым щекам. «Опять, уже не впервые, позор! Хоть бы Павел не узнал. Разведать бы у Галки, был он на спектакле или не был?».

Оказалось, нет. И в школе на следующий день Павла не оказалось. Машка все перемены напрасно гуляла мимо дверей старшего класса, то и дело бросая тайные взгляды на его парту. Пашка бесследно исчез. Впрочем, не один он. Половина Машкиного класса тоже. Грипп. Эпидемия.

Три дня Машка была в трауре. Проклинала зиму, простуду, врачей, за то, что не могут вылечить этот страшный вирус. На четвертый день, чтобы окончательно не свихнуться от тоски по Павлу, пошла в сельскую библиотеку. Машка уже сделала свой выбор и подошла к старенькой Ольге Васильевне, чтобы она записала в карточку «Поднятую целину» и томик Есенина, когда стукнула входная дверь. Кто-то потихоньку вошел и встал рядом с ней. Машка подняла глаза и опять, как в сентябре, сердце у нее покатило вниз в пятки и, наверное, даже глубже, в темное подполье библиотечного здания и оттуда, снизу, гроыхало, как весенний гром. На пороге стоял Он, как пишут в романах. Павел, бледный и осунувшийся после болезни, но такой же красивый - да что там! - ставший еще лучше, стоял перед ней. «Здравствуйте, Ольга Васильевна!» - уважительно библиотекарше. И покровительственно - ей: «Привет! А что это мы читаем? О, Шолохов! Ну ты, Марья, даешь!». Машка, окончательно убитая его снисходительным тоном, тоном, каким разговаривают с малыми детьми, пыталась разлепить онемевшие от страха губы: «Это социальный роман. Про классовую борьбу...». В школьный курс восьмилетки Шолохов не входит, его изучают в средней школе, и про классовую борьбу Машке на уроках не говорили. Это она сама вычитала в маминых умных книжках. Пусть знает, какая у нее эрудиция! (Это слово тоже было заимствовано из маминого лексикона.)

- «Поднятая целина» про классовую борьбу, а это о чем? «Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег...». Что они, мячики, что ли, чтобы кататься?». И это так о любимых стихах лучшего в мире поэта! Машка уже готова была расплакаться. В душе ее смешалось несколько чувств. Шла борьба, по силе накала и напору в несколько раз превышающая ту борьбу, что вели на страницах романа Шолохова неутомимые коммунисты Нагульнов и Разметнов, борьбу с антиреволюционными, чуждыми советской власти элементами. С одной стороны, Машка до безумия была влюблена в Павла и хотела, чтобы их жизненные позиции, их взгляды на окружающий мир и людей совпадали, ведь по-настоящему любящие друг друга мужчина и женщина всегда смотрят «в одном направлении» (цитату она запомнила из книги «Мудрые мысли»). С другой стороны, ей было очень обидно за своих верных и добрых друзей - писателей-классиков, чьи книги она читала с раннего детства. Конечно, Пашка не был чужеродным элементом, но вот так, одной фразой, разрушил ее, Машкины, представления о правильном круге чтения.

Машка огромным усилием воли поборолла свои неуместные слезы, набрала побольше воздуха в легкие и бросилась на защиту Есенина. Громким, как ей казалось, голосом, она начала: «Паша, ну как ты можешь? У Сергея Есенина такие красивые стихи... Вот послушай...». Она открыла первую страницу и прочитала: «Выткнулся на озере алый цвет зари, на бору со звонами плачут глухари...». Пашка сказал: «Понятно. А ты дальше, дальше читай». И посмотрел на нее в упор своими красивыми бархатными глазами. В глазах у него искрились смешинки-чертики, и сам он улыбался во весь рот открытой белозубой улыбкой. (Только через много лет взрослая Мария Сергеевна, вспоминая этот случай, поняла: Пашка тогда специально дразнил ее, чтобы она поспорила с ним, осмелела, что ли...). Машка, поняв, что стихотворение вовсе не предназначено для чтения вслух, во всяком случае сейчас, замолчала, осеклась на полуслове. И тут на помощь ей пришла библиотекарша, Ольга Васильевна: «Паша, да что ты, в самом деле? У Есенина не только о любви стихи. Главная тема его творчества - Родина...». Ольга Васильевна подняла очки на лоб, сбросила с плеч пуховую шаль, встала во весь рост за стойкой и прочитала глубоким трепетным голо-

сом: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!». Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою!». Ой, как Машка была ей благодарна в тот момент! А Пашка опять засмеялся: «Убедили, убедили. Только все равно стихотворчество – пустое дело. Ольга Васильевна, вы хорошо читаете, прямо как актриса. Только это не мое. Дайте мне, пожалуйста, энциклопедию, том 4, и «Технику – молодежи» за прошлый год».

Эх, Пашка, Пашка. Молчал пять месяцев, а потом заговорил... И практически одним словом, одним ударом уничтожил в ней всякую надежду. Обиднее всего был его тон. По тону Машка поняла: совсем малышкой ее считает, даже и наметок на роль своей единственной не имеет.

Зато Машка теперь точно знала, что он любит, чем интересуется. И чем его наконец -то взять.

Оставшееся до весны время Машка, к маминому великому гуманитарному ужасу и к отцовскому удовольствию («Мать, Машка у нас в «технари» никак пойдет?») читает толстые технические словари, журналы, разбирает схемы. Мама, отродясь в гайках и машинах ничего не соображавшая, удивляется тому, что Машка не только термины запомнила, но еще знает, где находится двигатель, карданный вал, как устроено крыло самолета и что такое «первая космическая скорость».

В апреле Машка с отцом, колхозным механиком, ремонтируют старенький мотоцикл. Отец то и дело командует: «Ключ, отвертку, свечу...». Машка безошибочно подает. А сама потихоньку намеком каждый день вызнает у отца: посадит ли он ее за руль в мае, когда дороги высохнут. Отец долго не соглашается, потом дает «добро», при этом шепотом добавляет: «Только это секрет. Маме – ни-ни...». Заляпанные мазутом, они приходят в дом. Мать ахает: «Девочки должны рукоделием заниматься, стихи читать, играть на фортепьяно...». Машка ей в ответ улыбается: «И транспортом управлять». «Не вздумай. Это опасно», - чуть не плачет мама Елена Александровна.

Но Машка теперь уже ничего не боится. Ждет, когда же придет теплый май, чтобы ей проехаться на мотоцикле по селу. Мимо Пашкиного дома, а он увидит и оценит.

Приходит весь в цветах и звуках май. Деревенская улица освобождается от непролазной весенней грязи. И Машка умоляет отца: «Пап, может, сегодня? Сегодня мама из школы поздно придет. У нее педсовет». Машка нетерпелива еще и потому, что знает: у Павла, выпускника восьмилетки, в конце мая последний звонок. Вот закончит школу, поступит в техникум, уедет в город насовсем и так никогда и не узнает о Машкиной великой любви. О том, что она знает и умеет.

Наконец Сергей Петрович, отец, садит Машку за руль, давая последние наставления: «Скорость резко не увеличивай, держи руль ровно, смотри на дорогу внимательно, везде ямы...».

Куда там! Машка с места в карьер срывает мотоцикл, мчится, как угорелая по деревне к дому Павла. Вот и поворот. Сейчас аккуратненько развернуться – и домой, лишь бы он в окно на нее глянул. Глянул, как мастерски она сидит за рулем. Машка, повернув голову в сторону Павловых окон, совершенно забывает о том, что она водитель транспорта. И на полном ходу врезается в электрический столб. «ДТП! У нас ДТП! - кричит соседский семилетний мальчишка. – Машка разбилась!»

На крик выбегают соседи, в том числе и Пашкины родители. Они ахают, видя Машкину исцарапанную, с большой шишкой на лбу, физиономию. «Сейчас Павлик выйдет, он тебе поможет мотоцикл до дома докатить», - говорит сердобольная тетья Лиза. Господи, только не это! Машка, сильно прихрамывая на правую ногу, ретируется с места происшествия. Сбегает, как последний трус. Очередного позора в глазах

Пашки она не вынесет. И сесть за руль она тоже не решается.

Эх, Машка, Машка, какая же ты нескладеха! За что ни возьмешься, ничего толком не выходит. Ни театр, ни техника.

Вечером Машка с отцом виновато стоят перед мамой. Она непреклонна: «Ну, все, хватит! Весь год деревня только о нашей дочери и говорит. Мое терпение иссякло. Я, конечно, понимаю: переходный возраст, становление личности, противоречия, желание утвердиться и так далее. Но сил моих нет, я забираю у вас ключи от гаража. И буду выдавать, когда только мотоцикл по хозяйству понадобится». Отец разводит руками. Мама, мол, права, а сам подмигивает Машке правым глазом: «Ничего, пробьемся». То есть научимся ездить.

Машка и в самом деле научилась ездить. Правда, не сразу. Летом, потихоньку от родителей, когда они отправляются на покос, по ягоды или еще куда по неотложным делам, Машка снимала ключ с гвоздя и шла в гараж. Потом выводила мотоцикл за околицу и здесь, вдалеке от людских глаз, на широкой поляне осваивала премудрости водительского искусства. Вначале все было плохо. А потом, к концу лета, Машка уже довольно сносно держала руль в руках. Но удовлетворения от достигнутого не ощущала. Потому что с самого конца мая она не видела Павла. Павел в июне сдавал выпускные экзамены, в июле уезжал в гости к городской тетке, а потом и вовсе подался в техникум, стал абитуриентом. Информацию о Павле ей приносит Галка. Она узнает о нем от девчонок из бывшего Пашкиного класса.

Машка скучала. Ни любимые книжки, ни походы в лес, ни летние деревенские пейзажи ее не радовали. Яркое, солнечное, жаркое, всегда долгожданное лето проходило без веселья и душевного подъема, как это бывало раньше. Нет, Машка не носит черных платков и платьев, просто на душе у нее черным-черно, сплошной траур. Оживлялась она лишь тогда, когда запиралась в своей комнате, открывала толстую общую тетрадь, Дневник ее девических грез. Делая записи в тетради, она как бы общалась с Ним. Целые страницы долгих откровенных разговоров с Павлом. Бесед обо всем на свете. Тех разговоров, которых не было в реальности...

Родители иногда отвлекали ее: просили к столу, просили выполнить какую-нибудь работу по дому или прополоть грядки в огороде, окучить картошку. Она безропотно шла, делала работу качественно, но и там, за бесконечными деревенскими делами, продолжала думать о Павле. «Надо всю траву выдрать, а вдруг он в гости придет?» или «Цветы-то как разрослись, Павлу бы понравилось».

А за окном уже стоял ароматный август. Сгибались под тяжестью разноцветных головок георгины в палисаднике, созревали ягоды на болоте, и падали по ночам звезды, освещая свой последний небесный путь и над Машкиной деревней, и над всей Вселенной... Но Машке было не до лирики, не до звезд. Она ждала. И вот на последней неделе августа потянулся назад в деревню сельский молодой люд. Одни, ставшие студентами, приехали на короткое время, чтобы собрать чемодан и вновь, уже теперь на целый год, уехать в город, в суетную толчею людей, машин, быстротечной активной жизни. Учиться. Другие, никуда не поступив, возвращались домой, чтобы на следующий год опять отправиться попытать судьбу. Поступать в ВУЗ, техникум или училище. Образование-то необходимо. Третьи приехали в деревню насовсем, поняв, что суматоха города не для них...

Павел вернулся за вещами. Об этом Машке поведала вездесущая Галка. «Мальчишки хорошо вступительные сдали: и Сережка, и Димка, и Мишка... А Пашка Светлов лучше всех, на одни «пятерки». Что с ним такое, не пойму. Вообще другой

стал. Я его вчера в клубе видела. Моднючий, в джинсах, с прической... И такой раскованный!!! С круга не сходит...»

Машка искренне порадовалась за Павла. Умница, она всегда это знала! Но и огорчилась тоже. На самом деле, если уже быть честной с собой, то она втайне надеялась, что Пашка экзамены провалит, вернется в село, и она, Машка, еще целый год будет лицезреть его. А потом, когда она закончит школу, они вместе отправятся в город... Будут учиться и встречаться. От этой смелой мысли у нее аж дух захватывало...

Но мысль была слишком смелой, а мечта несбыточной. Она это понимала, и потому, спустившись с небес своих фантазий на грешную землю, начала думать о том, как ей попасть в клуб на взрослые танцы, где Павел так ярко блистает.

Весь день Машка ходила следом за мамой, упрасивала, чтобы та отпустила вечером в сельский клуб. «Мала еще», - отвечала мама. «Мне уже 14, все девчонки уже ходят», - канючила Машка. Но мать была непреклонна. Машка, как всегда, позвала в союзники отца, вернувшегося с работы. «Ладно, мать, пусть сходит, охоту собьет, - добродушно сказал отец. - Там ведь все равно малолеток в 11 часов выгоняют». Машка глянула на часы. Без двадцати восемь, нужно срочно собираться. Выгладила самое красивое голубое платье, завязала в пушистый хвост пепельные волосы, достала мамины выходные босоножки. «Мам, можно?» Елена Александровна улыбнулась: «А налезут? Ты ведь нынче вон какая у нас вымахала...» Машка померила. Едва-едва налезли, но терпеть можно.

И вот они, счастливые, идут по деревенской улице к клубу. Возле каждого палисадника на скамейке сидят женщины. Они ведут свои неторопливые разговоры, лузгают семечки, а сами при этом оглядывают каждого проходящего с ног до головы. «Любопытные Варвары!» - ворчит Галка. А вслух здоровается, уважительно кивая головой. И Машка здоровается, почти раскланиваясь перед каждой скамейкой. Галка тычет ее в бок: «Хватит перед ними расшаркиваться. Сейчас кости нам мыть будут». А Машке абсолютно безразлично, кто и что о ней скажет. Она идет на встречу с Павлом, и сердце ее отстукивает громче, чем каблучки маминых босоножек на ее ногах.

...В сельском клубе дым коромыслом. В зрительном зале диваны сдвинуты, свет погашен, лишь слабая его полоска падает из фойе, из прихожей. Гроыхает музыка, так что даже на улице слышно. «Перемена мала, я смолчу, как всегда, вот какая беда...» Машка, в комочек сжавшаяся от волнения, страха, от предчувствия встречи с Павлом, вместе с подружками-ровесницами стоит в уголке зрительного зала. Не танцует. А в центре взрослые парни и девчата такое выкомаривают. Особенно один старается, высокий и стройный. Машка вглядывается в темноту: Павла нигде нет. А незнакомец с длинными волосами, кажется, сейчас пол проломит, так прыгает. «Кто это?» - спрашивает Машка у Галки. Галка, которая знает все на свете, крутит пальцем у виска: «Ты что, сумасшедшая? Пашку не узнала? Я же тебе говорила... Совсем городской стал». Не может быть. Машка не верит. Ждет, когда кончится песня на пластинке и включат свет, чтоб постараться увидеть новый Пашкин образ. Свет, наконец, загорается. И Машка превращается в неподвижный столб: новый образ ее возлюбленного так прекрасен, что ей кажется, она и впрямь сошла с ума от любви к этому новому Пашке. Машка так и стоит несколько минут с открытым ртом, пока меняют пластинку. А Павел все танцует и танцует. На медленные танцы приглашает взрослых девчонок, по всей видимости, рассказывает им что-то веселое, потому что они заразительно смеются. «На старух позарился. Им уже, наверное, лет по двадцать», - знакомое доселе чувство пронзает Машкину измученную безответной

любовью грудь. Ревность. Девчонки-одноклассницы, наконец-то осмелевшие, идут на круг. Галка тянет и ее. Но ей совсем не хочется.

В 11 часов разочарованная Машка тащится домой. Как всегда, ни слова, ни взгляда, ни даже поворота головы в ее сторону. За целых 3 часа... Зато с этими, Бабками Ежками... Боже, а что раньше делали с соперницами? Мужчины на дуэли стрелялись. А женщины? Может, тоже на дуэль? Нет, Машка до такой низости не дойдет. Пусть живут и наслаждаются. А ей, значит, не судьба...

Спать Машке не хочется. И она, расставшись с подружками, падает на скамейку возле их палисадника. Галка, давным-давно догадавшаяся, что, а точнее, кто является причиной ее грусти, кричит на прощание: «С потерей Москвы не потеряна Россия! Мы еще поборемся, Машка!»

Как хорошо на улице! Угасающее лето ощущается и в том, что в 11 часов стало уже темно, и в том, что нет изнуряющей даже ночью духоты, как было в июле. А еще остро, дурманяще пахнет цветами и плодами: флоксами, георгинами, резедой, малиной... Над головой у Машки ветка созревающей черемухи. Наклонилась, тяжелая, влажная от росы, упавшей прямо с вечера. Раньше Машка обязательно попробовала бы черных, терпких, вяжущих рот, набивающих оскомину, ягод. Попробовала бы сладкую малинку, еще не собранную мамой. Она такая ароматная. Раньше все это очаровывало, казалось неизъяснимо прелестным: и август, и цветы, и запахи. А самое главное, падающие звезды. Она так любила августовский звездопад. Всегда гадала, чье желание полетело вниз, чье сбылось или не сбылось. И ждала, ждала звездного полета.

А сейчас... Звезд еще не было, но Машка о них даже и не думала. Она вроде бы и видит, и слышит, а все как-то отстраненно, будто и поздний вечер, и цветочный бал наблюдает не она, а другая девчонка, чем-то похожая на нее. Так и сидит Машка до глубокой темноты неподвижно, до появления первых звезд на небе. Каким-то притупленным слухом слышит, как смолкает музыка в клубе, каким-то неярким зрением видит, как проходят стайками мимо ее дома парни и девчата, как бредут, взявшись крепко за руки или обнявшись, влюбленные... Люди, обретшие счастье.

И вдруг что-то случается на широкой деревенской дороге. По улице, далеко впереди идут двое, о чем-то неистово споря. Нет, это не влюбленная парочка. Это два парня: один высокий, другой гораздо ниже.

С Машкой, уже в который раз за сегодняшний длинный вечер, как и за нынешний долгий год происходит что-то загадочное, сверхъестественное. Слух, только недавно бывший тупым, почти старческим, обостряется до предела. зрение, пять минут назад бывшее совсем слабым, становится кошачьим.

Двое говорят о ней. Один мягким высоким тенором, другой – срывающимся мальчишеским баском.

- Ну, и что ты в ней нашел?

- Красивая она. Волосы такие...

- Волосы, волосы... Да таких в городе. Подумаешь, волосы. Подумаешь, Машка – гордость школы... (О ком, как не о ней?)

- Она хорошая.

- Хорошая? Чем же?

- Всем. Отличница, спортом занимается.

- Скажи еще, «комсомолка». Как в кино. Если она такая хорошая, почему ты ее лупил?

- Дурак был, вот и лупил. А если она такая плохая, почему ты за нее заступался?

- Дурак был, вот и заступался.

Машка пытается по голосам угадать, кому принадлежат слова, хочет вмешаться в разговор, но понимает, что нельзя, ведь говорят о ней, Машке. Получается, что она подслушала чужие мысли.

А мальчишки уже не говорят, а почти кричат. И Машка узнает ночных спорщиков. Это Васька Крутов и Павел. Причем Васька ее защищает, а Павел за что-то на нее нападает. Только опять онемевшая Машка понять не может, за что. Как и то, почему, кому нет 16 из клуба ушли рано, а Васька – нет.

Между тем диспутанты почти поравнялись с Машкиным домом, и она отчетливо слышит фразу, брошенную Павлом в ее адрес: «Эгоистка она, Машка твоя. Людей вокруг себя не замечает. Вещь для себя, как нам в техникуме говорили...»

Говорит серьезно, без издевок, и Машка понимает: вот, значит, кем он ее считает, а она для него была готова мир перевернуть. Машка чувствует, как внутри нее все холодеет, как бежит пот по ее девчачьей спине, прижатой к штакетнику палисадника. Чтоб не закричать от внутренней душевной боли, которая гораздо сильнее синяков и шишек, полученных ею при падении от неудачной езды на мотоцикле, Машка закусывает до крови кулак правой руки.

Крутов в ответ на Павлов приговор о Машке, приговор окончательный и бесповоротный, что-то бубнит. Машке уже безразлично, как, какими словами, добрыми или не очень, защищает ее Васька, первый школьный враг ее.

Она на цыпочках, чтобы не увидели ребята, крадется к калитке, потом потихоньку проходит к веранде и открывает входную дверь.

Дома назревает скандал. Отец встречает Машку на кухне с ремнем, хотя никогда до того к подобного рода воспитательным мерам не прибегал. Мама из-за плеча отца смотрит укоризненным взглядом.

- Значит, ровно в 11, как обещала?

- Папочка, мамочка, ну, пожалуйста...

- Ты знаешь, который час? Три часа ночи! Три! – кричит отец. – Я не сплю, мать валидол глотает, а нам, между прочим, рано вставать...

Машка, вся дрожа, как осиновый лист, начинает громко, навзрыд плакать. Господи, и родители против нее! И село, и весь мир! Почему же она такая несчастная? Никто ее не любит, не понимает, не жалеет!

- Отец, ты что, спятил? Совсем ребенка перепугал! Машенька, девочка, кто тебя обидел? Кто, солнышко мое?

Машку наконец-то прорвало. Вся боль, все обиды, все сомнения, все волнения, пережитые ей за этот странный год ее 14-летней жизни, вылились наружу. Уткнувшись носом маме в грудь, причитая и всхлипывая, Машка лепечет:

- Мамочка, папочка! Простите, я на улице, на скамейке... Там звезды, крупные, как яблоки на юге! И падают, падают, падают!!!

Измученная, Машка засыпает в своей постели под утро. Мама сидит рядом. Гладит теплыми руками Машкины волосы, щеки, спину. Нежными руками ласкает свою повзрослевшую дочь. Как ласкает Машку теплая речка, опять приснившаяся ей...

Просыпается Машка к обеду. Долго не встает, решая, как она теперь будет существовать без Павла, без любви к нему... Потом поднимается, разыскивает в тайнике под матрасом дневник – пристанище ее мыслей. Находит страницы, посвященные Пашке, его жизни, его уму, красоте... Вырывает листки из тетради с корнем и бежит к печке...

Бумага горит весело, не оставляя ничего, кроме серого, легкого пепла. Вот и все. Сгорела Машкина первая любовь синим огнем, жарким пламенем.

... В сентябре Машка идет в школу. За своими личными делами она как-то совсем забыла об одноклассниках и не заметила, что они очень изменились. Что девчонки похорошели, а мальчишки из озорников превратились в воспитанных молодых людей. Списывать они уже не требуют, а, наоборот, вежливо просят объяснить непонятное. Машка с удовольствием помогает, рассказывает про закон Ома и про Онегина с Печориным... И Ваське Крутову тоже.

... Прошли годы. Машка, Мария Сергеевна, закончив педвуз, работает в райцентре. Преподает любимую литературу. Личная жизнь у Марии Сергеевны не сложилась. Красивый, но сильно пьющий муж счастья ей не составил, и она с ним развелась. Поэтому детей двоих, сына и дочь, воспитывала одна. Теперь они далеко, в городе, студенты.

Каждый год в конце августа, в пору звездопада, закончив летние дачные дела, едет она в родную деревню – повидать родителей, соседей, навестить учителей, встретиться с одноклассниками.

В один из таких приездов на вечеринке у закадычной подруги Галины Петровны, сельского фельдшера, Мария Сергеевна встречает Пашку, Павла Андреевича, степенного усатого мужчину. Он приглашает Марию Сергеевну на танец. Павел, хоть и грузный, но танцует также легко, как в юности.

Мария Сергеевна едва за ним успевает. Павел вспоминает о прошлом: «А я ведь тебя, Маша, можно мне Вас так называть? Любил, да. Ревновал страшно. К любому, кто только хоть на шаг к тебе приближался, убить был готов». Мария Сергеевна сомнительно качает головой: «Тогда почему себя так вел?» «Хамил? Недоступная ты была, лучшая во всем: и в учебе, и в спорте, и на сцене...» Мария Сергеевна, вспомнив свой неудачный дебют в местном клубе, просит: «Только о сцене не надо, хорошо?» «Хорошо. Я же тянулся за тобой. Даже Есенина читал тайком от друзей, чтоб не засмеяли. А ты не замечала... ничего».

Мария Сергеевна хотела сказать, что замечала, еще как замечала, но передумала, потому что прошлое назад не вернешь.

... На следующий день Мария Сергеевна идет к речке. Глядя на вечное одностороннее движение воды, она вдруг вспоминает давний странный сон и думает: «А если б я тогда подала руку вихрастому, что бы было?»

Мария Сергеевна, тысячу раз отвечавшая на самые каверзные ученические вопросы, не знает ответа на этот, самый простой. Тем более Ваську после школы она не видела ни разу. Уехал куда-то далеко-далеко.

Как ушли далеко и безвозвратно светлое детство, мятежная юность. Мария Сергеевна думает, что всем хорошим в себе она обязана людям: родителям, соседям, друзьям, учителям... И... Ваське с Павлом. И любви своей первой, неудачной. Ведь если б не люди, не чувства, не события, пережитые нами когда-то, разве смогли бы мы стать, кем мы стали? Разве стала бы она хорошей учительницей, подняла бы самостоятельно двоих детей? Любила бы спорт, музыку, стихи? Играла бы в самодеятельном театре? И технику домашнюю ремонтировала бы, как раньше с отцом ремонтировала мотоцикл? Всему научилась она благодаря этому первому, пусть и несложившемуся, чувству. Ведь только любовь способна отпетого хулигана сделать благородным рыца-

рем, а тихую отличницу с первой парты превратить в отчаянную амазонку, способную на любой героический поступок.

Апельсины в январе

И все-таки интернет – это нечто! В этом Наталья убедилась еще раз под Новый год 31 декабря, в тот самый момент, когда до боя курантов осталось, как в известной песне, 5 минут.

Все в этот новогодний день было, как обычно. С утра она затеяла генеральную уборку, чтобы, по приметам, в следующем году в доме была чистота («Видимость порядка», - отметила она про себя, усмехнувшись). Потом занялась приготовлением блюд к новогоднему столу. И опять про себя заметила с иронией: «Стол! Фрукты и конфеты! Чтобы создать видимость праздника...»

К вечеру посыпались поздравления, телефонные и электронные. Звонков и писем, на удивление, было много. Наталья не успевала отвечать. Родные, знакомые, коллеги, бывшие ученики звонили и писали неустанно в течение нескольких часов. Когда, наконец, все утомилось, она включила телевизор и села к столу, чтобы под речи официальных лиц и бой часов встретить свой очередной одинокий год жизни.

И тут будто какая-то неведомая сила заставила ее вернуться назад, к компьютеру, от которого она только что отошла. Наталья зашла на один из социальных сайтов, автоматически навела «мышку» на слово «люди», размещенное на самом верху экрана. На экране сразу же появилось несколько фотографий. Она глянула и онемела. С экрана монитора на нее смотрел Он... Слегка постаревший, возмужавший, но Он. То же умное лицо человека, умеющего понимать, сострадать и ценить людей, та же лукавая улыбка, тот же восторг в глазах. И тот же водопад синих брызг из его очей, ведь интернет и в самом деле – чудо, раз и цвет глаз может передать.

И все. Больше Наталья ничего не видела и не слышала: ни поздравлений президента, ни праздничной музыки, льющейся из телевизора...

Воспоминания охватили ее душу, давно забывшую, что такое состояние влюбленности. И потекли, как кадры в старом фильме, картины прошлого: кадр за кадром, год за годом...

... С самого раннего детства Натка знала, что она человек нелепый, невезучий и смешной. Как сказала про нее бабушка: «Эх, сердечная, видно родила тебя мамка, да не облизала, как коровка теленочка!» Судите сами.

В дошкольном периоде Натка постоянно ходила с переломами, ушибами и царапинами. Полезут ребятишки через забор, и все перелезут, как надо, а она обязательно зацепится новым платьем так, что ноги и голова окажутся на одной стороне, а платье – на другой. Снимут ее старшие ребятишки – на спине огромные ссадины, на новом платье – дыра, не подлежащая ремонту.

Играют дети в мяч: всем ничего, а ей мячом обязательно в лоб ударят так, что на следующий день синяки под обоими глазами расцветут лилово-багровыми красками.

Идет орава на экскурсию в старый заброшенный дом, где никто уже давно не живет. Натка плетется сзади и молит Бога, чтоб на нее ничего не упало: «Господи, пожалуйста, сделай так, чтоб все было хорошо, а то мама опять заругает». И на тебе, пожалуйста, старый подоконник под тяжестью Наткиного почти невесомого тела, рушится и падает прямо ей на ногу. Врач в больнице ворчит: «Это же надо так умудриться! Двойной перелом...», хотя до Натки вся компания благополучно перебралась, человек 6 или 7, а там были люди потяжелее в два-три раза...

И в лесу Натка блудила, и в речке родной деревенской мелководной несколько раз тонула, и в трубе водосточной застревала.

В школьные годы она не раз падала тогда, когда этого делать совсем не стоило. Однажды это случилось, когда ее принимали в пионеры. Каким образом Наткины ноги подкосились, она не знает. То ли от волнения, то ли от важности момента, то ли кто сзади ее легонько подтолкнул, как ей показалось.

Второй раз она упала на уроке, стоя у доски, споткнувшись об указку. Ситуация осложнилась тем, что все это видел мальчик, в которого она в тот момент была влюблена, он зачем-то в это время заглянул в класс. И падений подобного рода было множество...

В школьные и студенческие годы Наткина невезучесть приобрела размах вселенского масштаба. На уроках в школе и на семинарах в институте ей доставались самые сложные вопросы, на экзаменах – регулярно вопросы под номером 13. В городских автобусах, переполненных людьми, ей вечно отрывали пуговицы и каблук, а однажды даже облили подсолнечным маслом. В студенческом магазине, где продавались дефицитные по тем временам продукты по низкой цене, колбаса и сгущенка заканчивались именно на ней. И Натка, отстояв огромную очередь, плелась в комнату общаги ни с чем. Девчонки возмущались: «Опять! Завтра сами пойдем!»

Конечно, все эти события вызывали смех, окружающих и беспокойство родных. «Господи, ну куда, куда тебя несет? Что же ты бедовая-то такая? – говорила ей мам в детстве. – Сказала же: от дома ни шагу!» А отец возражал: «И взрослая возле твоей юбки сидеть будет? Ничего, дочь, все заживет до свадьбы. И свадьба у тебя будет, и на ноги крепко встанешь...»

Впрочем, мама ворчала зря. Натка, несмотря на свои художества, росла покладистой, воспитанной и никогда со взрослыми не спорила. И кстати, терпеть не могла тех, кто не уважает старших и людей вообще. Так родители ее учили.

И учебы Натка не боялась, потому что училась она вполне прилично и в школе, и на своем любимом филфаке. Только в школе не любила ботанику, а в институте – семинары по анализу поэтического текста.

Ботанику не любила, потому что не понимала, как можно цветок, эталон красоты, расчленить на тычинки и пестики. Анализ стиха не любила, потому что не понимала, как можно расчленить стихи на содержание и форму. Ведь вдохновение – вещь стихийная, рассуждала она, непредсказуемая, оно либо есть, либо его нет. И думает ли поэт, когда к нему приходит это самое вдохновение о том, какие художественные средства ему нужны в данный момент и в данном произведении, никто не знает.

Своими сомнениями Натка поделилась с преподавателями в вузе. И получила суровую отповедь. Преподаватель намекнул ей в ненавязчивой форме, что она слишком восторженна и слишком много думает о том, о чем не нужно. И был, конечно, прав.

Восторженность и влюбчивость были вторым ее безмерным недостатком. Натка влюблялась пылко и страстно во все, что ее окружало: в березы, растущие возле дома в родной деревне, в красивую музыку и картины художников, помещенные в школьных учебниках, в умные книги, в спектакли, впервые увиденные в городе, в одноклассников и однокурсников, в учителей и преподавателей вуза, читающих лекции по фольклору или философии.

Состояние восторженности было обычным состоянием того периода жизни. И если бы не оно, Натка, наверное, не выжила бы от бед, что достались в наследство от ее невезучести. Один недостаток компенсировал другой, и получалась гармония.

К другим Наткиным качествам следует отнести любовь к наблюдению за жизнью в разных существующих ракурсах, неумную фантазию, страсть к самоанализу и вечные сомнения по поводу принимаемых решений. Делать или не делать? Поступать или не поступать? Правильно или не правильно? Хорошо или плохо? А что за всем последует? И будет ли это справедливо?

Нет, Натка не была трусихой и Фомой неверующим не была, и после мучительных бессонных ночей она, как правило, решение принимала. Она называла данный поступок «шаг с обрыва в омут». Часто это действительно так и было. В противовес своим колебаниям, в противовес самой себе совершала поступки, никак не соответствующие своему внутреннему «я». Девчонки-подружки называли ее «сумасбродкой», мама упрекала: «Ну, что это? Ты о чем думала? И вообще думала ли ты?» А она очень много думала, просто в тот момент, когда решение принималось, логика ее куда-то пропадала. Напрочь. Зато эмоции перехлестывали.

И еще. Когда Натку незаслуженно обижали и хамили, (а это случалось довольно часто, и не важно, где – в общественном транспорте или в очереди в магазине), она совершенно не умела отвечать на грубость. В груди и горле у нее тут же появлялся комок, глаза моментально наполнялись слезами. Так она и стояла, как столб. А люди продолжали на нее кричать. Боже, как она это ненавидела: хамство, жлобство, неискренность, лицемерие, несправедливость! А бороться со злом совсем не умела. Проклятые эмоции все время мешали.

И тут произошло событие, в корне изменившее ее жизнь. Событие произошло много лет назад, в такой же новогодний вечер. А было Наталье в ту благодатную пору 20.

20 лет. Самые лучшие годы. Большой город с огромным потоком машин, с заводами и фабриками, широкими проспектами и площадями, с музеями и выставками, с концертными залами и театрами. Вуз, где ни день, то новое открытие. Любимые преподаватели, друзья студенческой поры. Самостоятельная жизнь в общежитии, где нужно было отвыкнуть от маминой заботы и самой думать о том, что варить, что и где покупать, и как тратить деньги, чтобы дотянуть до очередной «стипендии» или родительского перевода.

Именно с дежурства в студенческом общежитии и началась Наткина любовь, не похожая ни на ее предыдущие сумасшедшие влюбленности, ни на последующие ее отношения с мужским полом.

... Натке вместе со всей их 2-ой комнатой выпало дежурить по этажу накануне Нового года. Кто не знает, что такое дежурство по общежитию, да еще в праздник, расскажу. Нужно помыть длинный общежитский коридор, по обеим сторонам которого находятся жилые комнаты. Из дверей комнат то и дело снуют студенты по своим делам: то на кухню, то вниз на улицу, то в соседнюю комнату за конспектом по истории КПСС. Потом нужно тщательно отмыть кухню с залитыми пищей плитами и умывалку. Апофеозом этого действия является торжественный вынос бака с пищевыми отходами с пятого этажа на первый, а потом – на улицу, чтобы вывалить его содержимое в помойную урну. Это и в обычный день делать не очень приятно. А уж в такой-то праздник и тем более!

По коридорам носятся разодетые девчонки, парни в авоськах проносят шампанское, с кухни доносятся аппетитные запахи, из дверей звучит музыка. Мыть коридор просто невозможно.

Возмущенные тем, что это событие случилось (дежурство-то было не по графику, просто тот, кто должен был это сделать, уехал домой), девчонки из комнаты мчатся

сначала к старосте этажа, а потом к коменданту общежития. «Почему мы? Почему не другие?» Ответ был однозначным: «Выпало дежурить – дежурьте и не нойте! Первого дежурить после всеобщей студенческой гулянки еще страшнее!»

Понурился головы, Натка вместе с подружками взялись за тряпки и ведра. С грехом пополам во всеобщей предпраздничной суматохе помыв коридор и надраив кухню, они решили посчитаться, кому выполнять самую ответственную и грязную функцию – выносить бачок. «Камень, ножницы, бумага...» И без считалок было ясно, что Натке. Второй оказалась Лена, самая старательная и правильная девочка из их комнаты. Она вечно сидела за учебниками и ходила на все семинары и лекции.

И вот они, две несчастные, невезучая Натка и примерная Лена, тянут этот бак вниз. Идут по запасной лестнице, чтоб не увидел никто из знакомых. Ведь одеты-то они совсем не как на праздник. Спортивные костюмы, косынки на головах, на руках длинные резиновые перчатки. Вид, прямо скажем, не респектабельный.

Поход вниз, несмотря на неподъемность бака, оказался удачным. Ни одной живой души. Ни на лестнице, ни внизу у входа в общежитие. Задыхаясь от тяжести, от обиды, останавливаясь на каждой лестничной клетке, выволокли они свой тяжелый груз на улицу и летели, обрадованные (вот оно, свершилось наконец-то, свобода!), вверх. Как на крыльях летели! И вдруг – бац! На третьем этаже – осечка! Лена и Натка остановились, как вкопанные. Еще недавно, буквально 5 минут назад, ни вверху, ни внизу никого не было. А теперь с лестничной клетки четвертого этажа доносились звуки гармошки и два мужских голоса слаженно пели: «И снится нам не рокот космодрома...» Какая нелегкая их занесла на «черную лестницу», непонятно. Что делать? Девчонки испуганно переглянулись... «Может, назад побежим?» – спросила Лена громким шепотом. Натка вдруг неожиданно для себя ответила резко: «Куда, на улицу? Мы в чем-то виноваты? Вверх, и только вверх!»

Волнуясь, неверно ступая от неудобства случая (ладно, если бы еще девчонки, а то парни!), они медленно поднялись на четвертый этаж, пряча злосчастный бак за спину. Поднялись и обомлели. Парни стояли, не дальше, не ближе, прямо на их пути. Опять пришлось остановиться, чтобы решить, как их обойти. Тем более, что один из парней, красивый, усатый, с кудрявыми волосами, с гармошкой в руках, одетый в синий нарядный свитер, ехидно улыбнувшись, сказал: «Ой, какие девочки! Вы, видно, уже с карнавала? В таких необычных костюмах! А что это у вас сзади?!»

Натка, будучи человеком миролюбивым по натуре, в критические моменты, что бывало крайне редко, становилась злой и непредсказуемой. И готова уже была ответить этому усатому, глядя в его наглые зеленые глаза, кто он такой и что она о нем думает. И уже открыла было рот, как заговорил второй, гораздо моложе первого, с нежным лицом, более скромно одетый: «Сережа, что же ты девчонок пугаешь? Им и так сегодня не повезло. Все гуляют, а они дежурят». И посмотрел Натке прямо в глаза. Натка ахнула: «Синий водопад!» Ахнула, и больше уже ничего не помнила. Не помнила, как они добрались до кухни, как оставили многострадальный бак, как переодевались в комнате, как мчались в душ. И только во второй раз придя в комнату, Натка очухалась.

Спектр чувств, испытываемых Наткой в тот момент, был широким и разнообразным: от вселенского всепоглощающего позора до ступора во всем теле, от неизбежной нежности к его синим глазам до обличения и негодования в адрес судьбы-злодейки, что свела их в неурочный час. «Это же надо, как всегда!»

...А меж тем веселье в общаге набирало темп. Все чаще хлопали двери, все громче становилась музыка и шум в коридоре. После проводов старого года люди спешили

на первый этаж, на дискотеку. Засобирались и Наткины подружки. «Придем, стол накроем. Давай вставай, делай прическу. Натуся, я кому говорю!» - Ольга, самая близкая ее подружка, тянула ее за ноги с кровати.

После всего пережитого Натке вообще ничего не хотелось, тем более она помнила особенности танцев в «женском» вузе: девочек – море, парней – по пальцам перечесть, парни ходят гоголем, поглядывая на девчат свысока. Было даже противно об этом думать.

Зная, что Натка думает по поводу местных танцев, Ольгуша сказала: «А ты не думай, просто танцуй для себя и все». «Не хочу», - пробормотала невнятно Натка. Но вдруг какая-то невероятная сила, как будто ветром, сдула ее с кровати. «А вдруг там он будет? А стоит ли еще раз позориться?»

И все же она начала собираться. Наскоро погладив платье, расчесав свои стриженные волосы и одним мазком накрасив ресницы, она сказала Ольге: «Я готова» (косметику в те далекие годы Наталья презирала и к ее услугам прибегала крайне редко). «А губы?» - спросила Ольга. «Не хочу», - у Натки вдруг резко испортилось настроение. «Оль, я, наверное, не смогу. Не хочется что-то...» «Здрасьте, пожалуйста. У всех праздник, а она, как Царевна Несмеяна, будет дома сидеть, слезы лить, - увидев, как задрожало Наткино лицо, Ольга погладила ее по волосам. – Подумаешь, какой-то идиот не то ляпнул...»

И тут вступила в разговор Лена: «Там еще второй был. Такой хорошенький! И так на Наташу смотрел!» Ольга, самая опытная в делах любви, уже не раз бегавшая на свидания к мальчишкам, поглядывая на обоих, хитро улыбнулась: «Так вот в чем дело! Натка опять у нас влюбилась. Как всегда, всей душой и на всю жизнь! Тем более пойдем. Мы его там с тобой поближе познакомим».

«Болтушка, - думала Натка про Лену. – А еще отличница!» Теперь и вовсе идти неудобно. Будут думать, что идет специально из-за него. «Не пойду я никуда! - закричала она. - Не зовите, нет. И все». Но девчонки, как она не упрямылась, вытащили ее на танцы. «Ну и ладно, будь что будет», - решила она. И пошла.

Едва спустившись на первый этаж, где было полутемно и играла громкая музыка, девчонки – Оля, Лена и другие из их группы – подключились к общему веселью. Натка забилась в дальний угол, к самому окну, думая: «Вот сейчас забудут обо мне, и я потихоньку сбегу назад в комнату»,

Она нарисовала на замерзшем стекле солнышко и три подснежника и собиралась уже потихоньку уходить, как услышала голос, который бы не спутала ни с каким другим голосом в мире.

- Извините, а можно Вас?

Натка от страха пробормотала что-то невразумительное в ответ, но танцевать все же вышла, точнее, проковыляла на окаменевших ногах.

- А Вы всегда ходите на танцы, чтобы на стекле рисовать? – в словах – ирония, и взгляд синий, прямо на Натку устремленный.

Натка совсем растерялась. Казалось, окаменели не только руки и ноги, но и язык. А он между тем говорил и говорил, не останавливаясь.

- Меня зовут Олег. А Вас, я знаю, Наташей. Вы с Олей в одной комнате живете. Я как-то к вам в комнату заходил по делам профсоюза. Только Вы меня не видели. Вы читали «Мадам Бовари»... Любите французскую литературу?

Натка про себя отметила: «Вот балаболка. Наверное, Дон Жуан. Привык лапшу на уши девчонкам вешать».

Он, как будто подслушав ее мысли, сказал:

- Вы не подумайте, я не болтун какой-то. Вот Вы, когда смущаетесь, молчите, а я наоборот...

Натка, наконец, взяла себя в руки и смело посмотрела ему в глаза.

- Ничего я не смущаюсь. Я Вас слушала.

Он почему-то обрадовался Наткиным словам и без всякого перехода предложил:

- А давайте удерем на улицу. Там такой снег мягкий падает. Пойдем, ты оденешься, а я тебя подожду...

Натка засомневалась, вспомнив, как мама ее учила: «Никогда в первый вечер не соглашайся на провожанье и гулянье...»

- Ой, я не знаю... Новый год... Мы сейчас с девчонками пойдем в комнату Новый год встречать.

- Ну, если не хочешь... А хочешь, поедем в город на елку?

Натка возразила:

- Так автобусы уже, наверное, не ходят.

- Успеем на последний.

Они не заметили, что медленный танец уже давно закончился, и все танцуют уже по отдельности. А они стоят вдвоем посреди зала.

- Наташа, ну, давайте, соглашайтесь.

Натка махнула рукой. Была не была. Не в ЗАГС же она с ним идет.

Потом они бежали, как сумасшедшие, на остановку, успели сесть в автобус, в котором, кроме них, никого не было. Заскочили и, взглянув друг на друга, начали смеяться. У Олега шапка сбилась на бок, у нее на руке была одна перчатка, вторая где-то в сумочке завалилась. И шапка тоже на бок...

А потом они катались с горки, водили хороводы возле елки на городской площади, играли, пели под руководством Деда Мороза и Снегурочки. А когда окончательно замерзли, забежали в чей-то подъезд и поболтали до самого рассвета.

Вокруг них сновали люди в праздничных нарядах, в карнавальных костюмах, с гитарами, баянами, абсолютно веселые, в подпитии и трезвые. Люди ходили из подъезда в подъезд, из квартиры в квартиру. Все праздновали Новый год, и никто не обращал внимания на двух озябших студентов, прижавшихся к батарее возле окна в подъезде.

А они узнали друг про друга все: про детство, про школу, про родные места, про любимые книги и музыку. Оказалось, Олег, хоть и учился на историческом, литературу классическую знал в совершенстве. Читал ей Шекспира, а она ему отвечала: «Моя, как море, безгранична нежность...» И глаз не опускала. Потому что никаких попыток объятий-поцелуев (о чем так любили шептаться девчонки по ночам) Олег не делал. Они просто говорили. И Натка впервые ощутила себя не Наткой-неудачницей, а человеком. Потому что любые слова ее, даже самые пустяковые, он воспринимал серьезно, разве что чуточку иронизировал. Но делал это не обидно, а ласково, и потому Натка на это внимания не обращала.

В общежитии они появились в 7 утра, когда жильцы, отпраздновав, как следует, Новый год, крепко спали. Они проскользнули мимо вахтерши, вспомнив, что впопыхах оставили пропуска в комнате. Расстались перед дверью Наткиной комнаты, договорившись, что вечером поедут на каток. Натка, правда, растерялась: «Я же кататься не умею!» «Научимся. Ты мне веришь?» - и посмотрел так, что Натка от смущения спряталась за дверью своей комнаты, и уже оттуда, из-за полуоткрытой двери, помахивала

ла ему рукой.

Переполненная впечатлениями, Натка долго не могла уснуть. А когда, наконец, уснула, ей приснился Олег с аленьким цветочком в руках. Он просил ее взять цветочек, но Натка боялась обжечься и отказывалась.

Проснулась она от странного шума, который царил в комнате. За окном были уже сумерки, и в комнате горел свет. Девчата смеялись. Натка хотела возмутиться подобного рода наглости: сами выпались, а ей не дают. Хотела, но вовремя остановилась. Она увидела Олега в легкой куртке и спортивной шапке.

- Кто-то обещал мне каток, - улыбаясь, сказал он, заслоняя что-то лежащее на столе своим телом.

Натка натянула одеяло по самые уши.

- Ой, выйди, пожалуйста, я встану.

- Хорошо, я выйду, только ты глаза закрой на некоторое время, а потом откроешь.

Олег вышел из комнаты. Натка зажмурилась и наощупь натянула платье. А когда открыла глаза, вскрикнула от удивления: на столе лежали оранжево-красные апельсины. И не простые, а с листочками. «Когда же он успел?» - подумала она.

Девчонки галдели: «Вот это да! Такой подарок!»

Потом они были на катке. Впрочем, катался больше он, а Натка постоянно падала под смех окружающих. Олег ее старательно поднимал, отряхивал и начинал опять терпеливо объяснять, как ставить ноги, чтобы не упасть. У Натки ничего не получалось. Тогда Олег сказал ей: «Представь, что ты не едешь, а летишь к звездам, высоко-высоко...» Натка представила и поехала. И оба обрадованно засмеялись.

... Сессию они встретили окончательно влюбленными. Каждое утро Олег встречал ее около двери комнаты, и они бежали в читальный зал. Набрав огромную кипу книг, они занимали разные места в «читалке». Натка садилась к окну, возле батареи, чтоб было тепло. Олег сидел в среднем ряду, так, чтоб можно было ее видеть. Некоторое время они старательно пытались запоминать то, о чем читали. Но глаза их поминутно искали друг друга. В конце концов, Олег пересаживался к ней. И они начинали переписываться. Часов в 5 вечера спохватившись, что день уже почти прошел, они в который раз опять брались за учебники...

И только одно время было для них «святым». Последний день накануне экзаменов. В этот день они старались не встречаться. Чтоб не было «завалов».

Неизвестно, эти ли «святые» дни, или природные способности, или другие причины, но сессию они сдали почти на одни «пятерки». Как сказал один из Наткиных преподавателей: «Даже если бы вы совсем ничего не знали, я бы поставил вам «5»! Уж такой у вас вид праздничный! Так глаза сияют!»

Перед тем как расстаться на зимние каникулы, они ходили смотреть «Вам и не снилось», очень популярный в ту зиму фильм по повести Галины Щербаковой. Натке особенно понравились магнитофонные письма, записанные героем Ромкой для героини Кати. «Я тебе еще лучше напишу», - пообещал Олег, провожая ее на вокзале и расставаясь аж на целые две недели.

И едва Натка переступила порог дома, как мама ей сказала:

- Посмотри, ты еще не дома, а письма уже идут.

Натка схватила конверт. «Натка, не грусти. В жизни много хороших вещей. Расцветы, звезды, снежинки, которые ты любишь ловить ладошкой. И скоро придет весна. И будут ручьи, а потом черемуха. Ты ведь ее любишь, я знаю. А за весной придет лето. И на лугу за нашей общагой будут цвести цветы – обманщики, одуванчики. Подуешь

на них, а там один стебель. Не грусти, Натка. Впереди у нас так много светлых дней».

Натка читала, смеялась и верила в Вечную любовь...

Через месяц об их отношениях уже ходили слухи не только на их факультетах, но и по всему институту. Знакомые отмечали, как чудно похорошела Натка, как она лучше стала одеваться, выглядеть. Натка и впрямь старалась быть всегда красивой перед Олегом.

А он ко всем этим ухищрениям относился скептически. Однажды она отказалась от факультетского вечера, потому что у нее не было на тот момент нового платья. Олег в первый раз на нее за это рассердился.

- Натка, ну разве дело в одежде? Да и внешность роли не играет. Если человек – пустышка, разве он человек?

И он процитировал ей Заболоцкого: «Что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

- А ты бы смогла влюбиться в пустого, никчемного человека? Хотя знаешь, жизнь такая сложная штука...

И он рассказал ей о ранней смерти отца, о том, как ему несладко жилось при отчине, который унижал их с сестрой и плохо относился к матери.

Натка спросила Олега:

- А как же мама могла выбрать такого?

- Какой же ты еще ребенок, Наташа. Умный, талантливый, неординарный. Но ребенок. Она же его любит.

- Разве можно любить подонков?! – кричала возмущенно Натка.

- История показала, что можно, да еще как!

Он опять грустно вздохнул.

А их собственные отношения никак не вписывались в схему обычной студенческой любви. Все остальные влюбленные каждый вечер стояли возле окон или в холле, именуемом в просторечии «целовальниками». Стояли, обнимались на виду у всех. А они бежали на улицу, барахтались в снегу, считали звезды, сочиняли смешные стихи, пели песни. И голоса их далеко разносились в морозном воздухе.

Как-то Олег заметил:

- Слушай, а тебе никто не говорил, что у тебя голос необычный? Звонкий, чистый. Давай запишемся в хор.

Натка засмеялась:

- А я ходила, меня не взяли, сказали, что не интонирую, а я просто накануне мороженого наелась, вот голос и не слушался...

- Мороженое ты больше есть не будешь, а в хор я тебя завтра отведу.

И он отвел ее в хор, и ее записали.

Конечно, в их союзе влюбленных главным был Олег. Он был старше ее на 2 года, рассудительнее, и Натка чувствовала себя рядом с ним слабой и беззащитной, «моим ребенком любимым», как он ее назвал. Правда, о любви они никогда не говорили. Лишь один раз. Тогда все в институте обсуждали одну и ту же историю про комсомольского лидера, что встречался с первокурсницей и бросил ее. Теперь первокурсница ждала ребенка и писала во все общественные инстанции. Комсомольский лидер отказывался жениться, и вопрос о его отчислении ставился даже на уровне ректората.

Натка возмущалась:

- Как он мог! Как мог!

Олег сказал:

- А мне его жалко. Я бы тоже не смог жить с нелюбимой женщиной, но и ребенка бы бросить не смог. Мне отец завещал: бросать детей – последнее дело!

Тогда Натка не придавала значения его словам, а потом не раз их вспоминала...

Теперь уже некоторые моменты их взаимоотношений ушли из памяти, а многие остались. Наталья помнила, как пришла весна и как они бегали, как дети, по лужам, пускали кораблики и поднимали руки к солнцу, приговаривая: «Солнышко! Посвети! Яркое, посвети!» Как ездили на майские праздники в центр города в парк. Там буйно цвела черемуха. Олег собирал с ветвей ароматные лепестки и осыпал ее волосы ими. А Натка звонко смеялась. Как Олег мог часами рассказывать о своей обожаемой истории, а она толковала ему содержание еще не прочитанных им романов.

Он тоже приучал ее к чтению. Приносил книги по Древней Греции, по истории искусств, про декабристов, про Петра I. Как-то накануне выходного дня принес скрепленные нитками крупно напечатанные страницы. «Что это? Ты пишешь стихи или прозу?» - удивилась Натка. «Мне до этого никогда не дорости... Прочитаешь, когда девчонки уедут на выходные, и сразу мне вернешь...»

Но Натка не могла ждать целые сутки, и той же ночью на цыпочках прошла по коридору в комнату «самоподготовки» и прочитала рассказ. Название у него было интересное «Не живет село без праведника...» Натка читала и уливалась слезами, так поразила ее судьба простой деревенской женщины Матрены, тем более имя у нее было, как у Наткиной бабушки.

Наутро, по дороге в институт, она начала пытаться Олега:

- А чей это рассказ? Кто автор? И почему нужно молчать?

Олег покачал головой:

- Так я и знал! Какая же ты нетерпеливая! Тише. Я же просил. Ты ни с кем еще своими переполняющими душу эмоциями не делилась? (Он улыбнулся).

- Нет.

- И не делись. Этот рассказ крамольный. Запрещенного автора. Он когда-то был напечатан, а теперь изъят из всех библиотек.

Олег наклонился к ней и прошептал:

- Автор – Солженицын, помнишь такого?

Натка быстро-быстро закивала головой. Она помнила, как 2 года назад в институте шли митинги с осуждением личностей антисоветчиков Сахарова и Солженицына. Натка тогда на митинг не пошла. Не из идейных соображений, просто в театр торопилась. И на Ленинской зачете одна из группы получила «4». Все остальные «5».

- Тогда молчи, а вечером мы еще поговорим на эту тему...

Вечером Олег произнес фразу, врезавшуюся в Наткино сознание на всю жизнь.

- Теперешняя современность – будущая история. Да-да, через 20-30 лет мы тоже будем историей, как в одном фильме говорят. И только через 20-30 лет мы узнаем, что на самом деле было в стране, где была правда, а где – ложь. Только история со своей высоты может оценить любой промежуток времени. И только время есть высший судья. Посмотришь, мы узнаем и много имен, и много открытий, о которых сейчас молчат.

Натка засмеялась:

- О, какой ты ученый зануда! Но умный страшно!

... Натка и Олег были вместе уже несколько месяцев. И ни разу за это время она не попала в смешную или несуразную ситуацию. Их просто не было. А если что-то намечалось, он был рядом, поддерживал, успокаивал и воспитывал, учил ее избав-

ляться от нелепых страхов и предрассудков.

- Есть мелочи, не заслуживающие нашего внимания. Они бывают неприятны, но заостряться на них не стоит. Упасть и забрызгаться грязью – отвратительно, но это не трагедия. Трагедия – потерять близкого человека или совершить дурной поступок, за который бесконечно стыдно. Конечно, если у человека есть совесть... Ты же не совершаешь ничего дурного. А если грех какой проскочит по необдуманности, мучаешься, значит, ты настоящий человек, совестливый. А мелочи... плюй на них!

Или:

- Почему ты стесняешься есть в студенческой столовой? Почему боишься спросить прохожего, где находится улица? Почему ты вообще всего боишься? Нет, я знаю, ты себя преодолеваешь, но зачем же столько энергии тратить на пустые страхи? Просто один раз преодолей свое стеснение и выбрось его вон. И жить будет легче.

Его проповеди иногда начинали злить Натку. Она его критиковала. «Товарищ священник! Какой же Вы правильный!» Но потом, поразмыслив, приходила к выводу: он, как всегда, прав.

Несмотря на эти небольшие размолвки, они и дня не могли прожить друг без друга. Все вокруг уже делали глубокомысленные намеки на то, что, наверное, у них скоро свадьба. А они еще даже ни разу не целовались. Но однажды (это было уже в июне, в летнюю сессию) Олег спросил ее как-то очень серьезно, когда они после прогулки стояли возле общежития:

- Нат, а как ты ко мне относишься?

Натка смутилась:

- Хорошо.

- Я не об этом.

И сразу без перехода:

- Давай поженимся. Будем жить в семейном общежитии и учиться. А потом поедем работать в деревню. И у нас будет сын.

Натка от стыда голову не могла поднять. И посмотреть не могла на него.

- О-лег!

- Ты подумай до утра, ладно?

Натка сорвалась с места и полетела к себе в комнату.

- Я жду, - крикнул он ей вслед.

Всю ночь Натка не спала. Мечтала, фантазировала. Представляла, как они будут счастливы. Сначала вдвоем, а потом втроем, или даже вчетвером.

Утром он ждал ее в коридоре общежития. Не успев поздороваться, спросил:

- Наташа, ну что, ты подумала?

Натка молча кивнула.

- Ну, что? Ну, говори...

- Олег, давай потом...

Он обиженно замолчал. Тогда она приподнялась на цыпочки, дотянулась до его уха и тихо прошептала: «Да».

Он поднял ее на руки и закружил так, что спешащие на занятия студенты шарахнулись в сторону. А они никого не видели. Взявшись за руки, бежали, радостные, в институт. На 2 этаже главного корпуса им нужно было расстаться на целых шесть часов, и теперь уже он прошептал: «Я тебя очень-очень...»

После летней сессии Натка отдыхала дома. Целых два месяца без Олега. Он поехал в стройотряд деньги на свадьбу зарабатывать. Как решили они вдвоем. Первый месяц

Натка исправно получала письма от Олега. Что ни день, то письмо. В письмах Олег строил планы на будущее, писал нежные слова. Натке было приятно, она отвечала ему тем же: «Очень тебя жду, возвращайся скорее».

Потом, в начале второго месяца, письма стали приходить реже, и стиль их стал более сухим. А потом и вовсе писем не стало. Натка встревожилась, что случилось? Стала звонить его друзьям по телефону, что Олег ей оставил. Но друзья ничего не знали. Потом Натке позвонила мать Олега. Перепуганная долгим молчанием сына, она интересовалась, не знает ли Натка, что с ним. Они сидели и плакали по разные стороны телефона. Наткина богатая фантазия рисовала ей ужасы один страшнее другого. Чтобы как-то успокоиться, она раньше окончания каникул поехала в общежитие. Может, что-то в городе, на месте, прояснится.

Но и в городе никто ничего не знал. Вернее, все знали, что отряд Олега скоро, буквально через несколько дней, вернется назад, а случилось ли там что-то экстраординарное, никто не знал.

Прошла еще неделя мучительных ожиданий. Начался учебный год, последний студенческий год в жизни Натки. Олег как сквозь землю провалился. Натка не спала, плакала каждый день. И ждала, ждала его.

Однажды (это было уже через две недели после 1 сентября), Натка увидела его друга, того самого Сергея, с которым он был в новогодний вечер. Сергей сам подошел к ней, и, не глядя в глаза, сказал ей: «Наташа, ты не переживай только, Олег жив. Он сам тебе все расскажет, объяснит все. Только вот когда...» И пошел, опустив голову.

- А что с ним? Что? Он в больнице? А может, в тюрьме?

Но Сергей только махнул рукой.

- А через два дня, в субботу, когда девчонки уехали домой на выходные, он сам появился в их комнате. Натка встрепенулась ему навстречу, но он остановил ее жестом. Сел на стул возле ее кровати. Там, на кровати, она, безучастная, проводила все последние дни. Даже на занятия уже ходить бросила.

Тяжело вздохнув, не глядя на нее, Олег, начал:

- Можешь меня презирать, ненавидеть, убить... Но я не могу. Понимаешь, Света... Она ждет ребенка. Моего. Ты помнишь, я дал отцу слово никогда не бросать своих детей. Мои дети не будут расти сиротами. Хочешь знать, как я к тебе отношусь? Я тебя люблю по-прежнему. Свету я просто жалею. Но так получилось. Прости, если сможешь. Я люблю тебя! Но должен быть там.

Натка, как всегда бывало в сложных ситуациях, остолбенела. Хорошо, что она лежала на кровати, а то, наверное, упала бы. За два месяца она уже отвыкла от глубокой сини его глаз, а теперь он стоял и смотрел прямо ей в глаза. Умоляюще смотрел. И произносил слова, так не подходящие к образу ее Олега, к тому образу, который она любила. Чужие слова, убивающие ее душу. Наконец, разлепив мертвые губы, она спросила:

- А я? А как же я? Я как? Что мне делать? Как жить без тебя?

Ей казалось, что она кричит так, что слышат не только соседи за стеной, но и весь город, весь мир. Так больно ей было, так щемило сердце. Такой тяжелой была ее голова, руки, ноги, тело, что, наверное, и миру было больно вместе с ней...

На самом деле, она еле-еле шевелила губами, шептала.

Но он ее услышал.

- Наташа, ты сильная, ты даже не представляешь, какая ты... Ты сильнее всех на свете! Ты справишься, я знаю!

Она опять прошептала. Одни и те же слова:

- А я? Я? Как я?

Олег прикоснулся к ее плечам. Она рванулась к нему, надеясь, что еще можно что-то вернуть...

Но голос его был жестче, чем обычно:

- Не могу я, понимаешь? Не могу... Ребенок. Дети важнее любви. Я, наверное, переведусь на заочное. Уедем работать в деревню. Прости...

И ушел. Дверь за ним почему-то не закрылась. И стали слышны голоса студентов из коридора. Но Натка ничего не видела и не слышала. Потом кто-то из ребят вошел, заботливой рукой набросил на нее одеяло, прикрыл дверь...

Последний год в институте Наталья пережила, как в тумане. Первые недели после разрыва с Олегом никуда не ходила, даже в институт, лежала, вперив пустой взгляд в стену. На попытки девчонок вывести ее из ступора слабо отвечала: «Отстаньте, ничего не хочу». А они старались, как могли: покупали ей сладости, билеты в кино, звали на улицу, где бурлила жизнь. И даже объявили бойкот парням из комнаты Олега: ходили, никого не замечая, не здороваясь. Когда Сергей, самый старший и рассудительный, спросил у Ольги, в чем дело, они-то в чем виноваты, Ольга с присущей ей прямоотой ответила: «Не виноваты они, знали и молчали! И вообще, все мужчины – сволочи!»

Потом Натку вызвали в деканат, и деканша, умная, добрая, участливо заглядывавшая ей в глаза, спросила:

- Наташа, что с Вами? Вы всегда были примерной студенткой. Староста, как я понимаю, без Вашего участия, прикрывала Вас почти два месяца, не отмечала прогулы. Но всему есть предел.

У Натки от укоризненного голоса декана сжалось сердце. И долгожданные слезы, наконец, полились из глаз.

Деканша вскочила из-за стола, начала совать ей в руки стакан с водой, таблетки.

- Наташа, Вы не больны? А родители живы-здоровы?

Натка прошептала сквозь слезы:

- Я не болею... И родители... Все хорошо.

Деканша посмотрела на нее внимательно.

- Понятно... Вечная спутница юности – любовь...

И потом уже твердым начальническим голосом:

- Наташа, что бы ни случилось, нужно жить. На нашем пути бывают потери, трагедии. Но нужно все равно жить. И учиться. Слышишь? Приди в себя!

В себя Натка не пришла, но в институт вернулась. Стала делать все машинально. Машинально ходить на лекции и семинары, машинально читать литературу, не вдумываясь в смысл прочитанного, машинально есть и спать.

Весной, в апреле, на заседании комиссии по распределению, попросила послать ее в самый дальний район, в самую захудалую деревню.

- Хочу прививать любовь к классике в селе. Если бы можно было уехать за Полярный круг или на Чукотку, я бы поехала туда.

Председатель комиссии улыбнулся:

- Ну, к чукчам мы Вас не отправим, а вот в Романовку – пожалуйста, дальше некуда. Дальше только одни болота.

И Натка поехала в Романовку. Подальше от города, где все напоминало ей об Олеге.

Перед отъездом из дома к месту работы она решила и еще один вопрос для себя:

первый, кого она встретит по дороге в загадочную для нее Романовку, станет ее мужем. Пусть даже он будет чуть лучше обезьяны и полный идиот («А если бы дедушка ста лет попался?») - спрашивала ее потом Ольга. «Пошла бы за деда, лишь бы холостой», - отвечала Натка грустно).

Первым встречным оказался ее будущий муж Андрей. Он приехал ее встречать на автовокзал в райцентре. «Учительница в Романовку есть?» - крикнул он, войдя в вокзал. И она ответила: «Есть», подумав про себя: «Участь моя решена. Я женюсь». Как по Пушкину, еще не зная, понравилась ли она этому первому встречному. Но она понравилась, и потому вышла за него. Это был ее очередной «шаг в омут».

... Десятилетняя жизнь с мужем была самой жестокой десятилетней каторгой, на которую она сама себя и обрекла. Муж, человек внешне привлекательный, был ограниченным и пьющим, к тому же еще ревнивым и грубым. И это смешение качеств было взрывоопасной смесью. Скандалы следовали один за другим. В скандалах он не стеснялся слов и средств. Оскорбления в адрес Натальи следовали одно за другим. Иногда в ход шло и то, что было под рукой. И тогда Наталья, сначала одна, а потом вместе с детьми, убегала на улицу, куда глаза глядят: к соседям, знакомым.

И еще одну трагедию пережила Наталья в это страшное для себя десятилетие. Потерю первого ребенка, рожденного в муках. Долгожданной девочки, о которой она грезилась с юности. «Вот рожу девочку, и она будет счастливее меня», - думала Наталья.

Но судьба распорядилась иначе. Девочку, бездыханную, замученную в долгих родах, едва откачали. А через 2 суток она умерла прямо на руках у обезумевшей матери.

Наталья и впрямь будто с ума сошла. Дома после выписки, куда бы она ни пошла, ей чудилась Мадонна с младенцем на руках. Ни спать, ни есть она не могла. И чаще и чаще стала задумываться о том, что нужно уйти от мужа. «Если даже ребенка Бог забрал, значит, брак в самом деле обречен». И совсем уже было собралась пойти в суд для развода. Отговорил муж, который на некоторое время резко поменял свое отношение к ней и к жизни: перестал пьянствовать, стал внимательным. И Наталья осталась, осталась еще на целых 7 лет. За эти 7 лет родились дети – сын и дочь.

А мужа хватило ненадолго. К его четырем пагубным страстям присоединилась пятая – измены. Прощать такое не было сил. И Наталья ушла от мужа.

Первые месяцы после развода она испытала страшное облегчение. А потом накатила тоска. Это была одна из самых трудных страниц в ее жизни. Чувство облегчения от тяжелого бремени сменилось чувством разочарования в мужчинах, в людях вообще. Раздражали любопытство и сочувствие людей, задающих вопросы о причинах разлада в семье. Хотелось покоя, покоя и покоя. После ночных бессонниц Наталья возвращалась в реальность.

А реальность была такова, что в ней не было Олега. Не было взгляда родниковых глубоких глаз, напоминающих водопад. И опять в душе поднималась обида. Не столько на мужа, сколько на Олега: «Что же ты сделал со мной?»

Спасли Наталью работа и дети. Именно дети, умные, любознательные, вечно что-то придумывающие, стали смыслом ее жизни на долгие годы. Родные ее дети, Юра и Алина, и ученики тех школ, где она преподавала. Они были изобретательны, искренни, просты и добры, втягивали ее в свои затеи, и она ощущала себя рядом с ними тепло и комфортно.

Были ли в жизни Натальи мужчины? Конечно, были. Но никогда не было ничего

серьезного. Так, мимолетные увлечения, не идущие дальше милых кокетливых взглядов и загадочных улыбок. Хотя Наталья часто и подолгу размышляла и о женской судьбе, и о любви.

Всех мужчин, так или иначе находящихся рядом с ней (коллег, знакомых, друзей), Наталья, начитавшись книг по семейной психологии, поделила на категории, создала в своем сознании нечто похожее на мужскую иерархическую лестницу, особую градацию противоположного пола. В основании этой лестницы, в самом низу, были Жлоб и Зануда, Хам и Грубиян, Сволочь и Эгоист, Горький пьяница и Тунеядец, чуть выше стояли Качок-Спортсмен и Бабник-Мачо. Потом шли Неумеха, Угодливый, Дурак. Чуть выше Деловой и Интеллигент-Ботаник, (для них общение с женщиной – лишь эпизод, так они были заняты своими делами). Вершину пирамиды замыкал он, ее Принц. Тот, кого она искала постоянно. В ее воображении это был мужчина, совмещающий все положительные качества, а главное – умеющий понимать и ценить ее, такую несчастную и непутевую.

Человечность и общность интересов, отсутствие требований и принятие ее такой, какая она есть – вот, чего ей так хотелось от мужчин и чего она от них так и не получила.

«Ходит где-то по свету близкий мне человек», - пела она иногда дома на кухне и видела его, не красавца и не уroda, с доброй улыбкой, умного, ироничного, готового прийти на помощь, дать совет, по-дружески пожуричь. Она дала ему имя Родная Душа. И все чаще этот воображаемый образ совпадал с тем, что хранился в памяти. Это был образ Олега. Но его не было рядом.

... Крутые повороты судьбы изменили Натальин характер. Не стало блеска в глазах, голос стал другим, в нем появились жесткие нотки, исчезли вечная восторженность и влюбчивость. А вместе с ними пропала и хроническая невезучесть. Конечно, в ее земном существовании по-прежнему были проблемы. Во-первых, она теперь была глава семейства, все решала сама. Работу, и мужскую, и женскую, тоже управляла сама. И хоть выросла она в сельской семье, и труд знала любой, но всегда за спиной были родители: они советовали, помогали, ворчали, если что не так. Теперь они были далеко, а она одна наедине с бытом. Потому и дрова колоть научилась, и огород садить и выкапывать, и гвозди забивать, если понадобится. Постоянно не хватало денег, времени, еще чего-то. Ситуация усугублялась тем, что бывший муж алиментов не платил, а страна переживала дефолты и инфляции. Наталья месяцами не видела в глаза зарплату.

Выручали ягоды и грибы из леса, овощи и картошка с огорода. И Натальина кулинарная изобретательность. Каждое утро, подавая детям завтрак, она говорила: «Посмотрите, какое разнообразное меню! Вчера картошка жареная, сегодня – вареная, завтра будет картофельный суп!» Дети, вздыхая, молча садились за стол.

Что бы там ни было, а Наталья смело смотрела в глаза невзгодам и людям, ее окружавшим. На хамство и злобу она научилась отвечать, хоть и в культурной форме, но твердо. Нет, в ответ на чей-то дурной поступок она не отвечала злом, просто она научилась пресекать зло. Это было очень важное для нее событие. Начальства она не боялась, как раньше. Общалась с ним на равных. Детей дома и учеников в школе учила доброму, читала им книги Великих Мастеров Слова, дивилась их талантам, большим и малым. И себя тоже развивала: ходила в самодеятельный театр, хор, блистала на местной сцене. И пусть Сарой Бернар она не была, но люди ее уважали. А по вечерам Наталья вместе с сыном и дочкой слушала французскую музыку. Волнующий го-

лос Эдит Пиаф проникал в самые потаенные уголки ее души: «нон, р'е де р'е...». И Наталья плакала, прикрыв глаза рукой, чтоб не видели дети. Плакала и повторяла про себя: «И я ни о чем не жалею, и я живу...» А какой-то голос внутри нее возражал: «А как же ты живешь без любви? Без того, кого ты называешь Родная Душа?»

И он опять появился в ее судьбе. Как всегда, неожиданно, свалился, как снег на голову.

... В середине 90-х Наталья наконец-то вырвалась в город на курсовую переподготовку. Детей она отправила к матери, и потому могла спокойно учиться, повышать свой, «слегка отсталый за этот период уровень». Так шутила она про себя.

Был март, самое начало весны. Уже звенела капель, птицы пели по-особому. И люди уже ходили не нахмуренные, злые, как зимой, не кутались в шарфы и шубы, а смело открывали свои озорные лица солнцу. Откуда была эта нечаянная радость и озорство, понятно: от весны, от ее благословенного воздуха. Весна пришла, невзирая на все общественные катаклизмы.

И Наталья вместе со всеми радовалась весне. Заселилась в учительском пансионате и бродила по городу. Благо, приехала на день раньше.

Зашла в парикмахерскую, магазины, где купила не только куклу дочери и сапоги сыну, но и себе (в кои-то веки!) новое модное платье. После покупок решила поехать в институт повышения квалификации.

Легкой походкой, в радужном настроении, поднялась на 2-ой этаж, чтобы узнать план занятий на завтра. Подошла к расписанию, и... «кровь ударила ей в голову, сердце забилось неровно», - как писали в старинных романах.

Первое, что бросилось ей в глаза, было: «Лекции по современной педагогике читает О.Ю. Петров».

«Не может быть, нет, это не он! - вскричала она про себя. – Мало ли Петровых на свете!» А чутье ей зловеще подсказывало: «Он, он, даже не сомневайся!»

И вспомнила, как Олег шутил над своей фамилией: «Фамилия у меня редкая. Встречается у трети населения! Был бы Иванов, была бы более известной! На Ивановых Россия держится...»

Наталья отошла от расписания, проклиная все на свете: «Петров, сволочь красная, когда же твой проклятый образ перестанет меня преследовать?» И осеклась. «Господи, всю жизнь цитирую один и тот же источник! «Красной сволочью» называл себя Олег, когда у него что-то не получалось. «Стал выступать, и забыл все цифры из отчета. Стою, как сволочь красная, и ничего не помню», - рассказывал он про свое выступление на профсоюзном собрании.

Что делать? Вернуться домой? Еще чего! Не для того она сутки добиралась до города, не для того искала деньги на поездку у своих и посторонних людей (зарплату-то опять задержали, да и часть денег уже потрачена!) в конце концов, она приехала учиться, и будет это делать, назло ему и обстоятельствам.

«Раз суждено встретиться, встретимся, - решила она. – В самом деле, раз и навсегда поставим точку над і. А может, все же не он?» - слабый отблеск надежды промелькнул в ее сознании.

Она спросила у преподавательницы института, проходившей мимо, как зовут лектора по педагогике. Та улыбнулась.

- А вы еще не слушали его? Обязательно послушайте. Умница, новые технологии рассматривает. А мужчина какой – обаятельный! А глаза какие – синие-синие!

И пошла своей дорогой.

- А как его зовут? – Наталья не говорила, а уже кричала, почти как сумасшедшая.

Преподавательница остановилась:

- Да что вы так разволновались?! Хороший лектор, хороший! Олег Юрьевич.

У Натальи сердце упало в пятки. Без сомнения, он. Она передразнила про себя пожилую профессоршу. «Глаза у него синие! И эта туда же, песчаная буря!»

И опять была бессонная ночь, сотни вопросов и ненайденных ответов, сотни укоров себе и сотни упреков ему. Если бы тогда не бросил ее, вся жизнь ее была бы другой... «А может, нет? А может, все к лучшему? Вон как бабы его любят! Черт! Натка! Да ты ревнуешь его, его, чужого мужа, чужого для тебя человека! Все, успокойся!»

Но покоя не было. Пришло утро. Натка не вставала, размышляла, идти ей на лекции или нет. Соседка ее по комнате, Александра Петровна, спросила: «Наташа, ну ты что, давай! А то опоздаем, неудобно, первый день». Она вздохнула, поднялась. И опять, как тогда, когда девчонки тянули ее на те ее первые танцы с ним, подумала: «Пойду, будь, что будет!»

В классе для занятий Наталья заняла самое незаметное место. Хотя выглядела на все «сто». Прическа, макияж, сделанный учительницами из соседней комнаты в пансионате, новое платье... «Наталья! Ну, ты даешь! Ты на занятия или куда? На праздник?» - Александра Петровна смотрела подозрительно и ехидно. «А для меня каждый день праздник!» - пошутила она.

Пусть видит, что у нее сложилось все идеально хорошо.

Пять минут ожидания, и в аудиторию вошел он. Наталья, не глядя на Олега, почувствовала, как он вздрогнул, пробежав взглядом по рядам слушателей.

«Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста!»

«И голос тот же, а волосы на висках уже с проседью...» - отметила она про себя, искоса посмотрев на него.

Лекцию его она не слушала и ничего не записала, хотя слышала, как люди вокруг говорили восхищенно: «Интересно! Молодец!»

«Влюбчивые вороны! Все бы хвалили чужих мужиков!» - с неприязнью подумала она и посмотрела на говорившую так, что та под ее взглядом осеклась на полуслове.

А Олег все говорил и говорил, чертил на доске схемы, задавал вопросы, и слушатели с охотой отвечали. Наталья в общих спорах-рассуждениях не участвовала, делала вид, что ей скучно, поглядывала в окно и даже два раза зевнула для вида, прикрыв рот ладошкой.

Когда лекция закончилась, учителя рванулись к Олегу с вопросами, а Наталья пустилась наутек из класса. Увиделись, и ладно. И не надо больше ничего.

Но не тут-то было! Олег, легонько отодвинув жаждущих с ним пообщаться, выскочил за ней вслед.

«А Вас я попрошу остаться», - каким-то детским голосом прошептал он. «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться! – съязвила она. Будете прорабатывать за то, что я Вашу лекцию не писала?! А не нравятся мне Ваши лекции! И проповеди Ваши моральные мне никогда не нравились. Да и Вы тоже!»

Ее несло, она хотела ударить его побольнее, а сама молила Бога: «Господи, хоть бы не глянул своим водопадом дурацким! Сразу упаду и умру!» Но он стоял с опущенной головой. «Наташа! Остановись! Пожалуйста, остановись! Давай поговорим по-человечески...»

- Не хочу я говорить. Да и некогда мне. Тороплюсь на более содержательные лек-

ции.

- Можешь издеваться, сколько хочешь. Только выслушай меня.

- Нет.

И она убежала от него.

Ночью в пансионате она вертелась с боку на бок, не спала, проклинала себя. Почему не дала ему слова сказать? Почему вела себя, как девчонка? Сердце ныло. Но к утру она успокоилась окончательно. И, успокоенная, уснула сном человека, отошедшего от всех проблем, решив сегодня не ходить на его лекции. А во сне опять пришел он. Он опять принес ей аленький цветочек, а она опять боялась обжечься.

Проснулась Наталья от чьего-то пристального взгляда. Не может быть! Она замахала руками, даже подушкой швырнула для верности, что это не привидение из сна.

Олег, в верхней одежде, улыбающийся, стоял с подушкой в руках.

- Ну, ты, Орлова, и дрыхнуть! И занятия пропускаешь, как в институте! Прогульщица!

- Знаешь, что! Сам прогульщик! У тебя же лекция! – прошептала она сонным голосом.

- Была. Я ее честно отработал, не то, что ты. Посмотри на часы, время – половина первого. В твоём распоряжении – полтора часа. Вставай, а то твоя соседка по комнате вернется, будет потом говорить, что ты на курсы приехала, чтобы встречаться с мужчинами.

- Не буду я вставать. А ты – марш из комнаты! И вообще, как ты сюда попал? – Натальиному возмущению не было предела.

- Как обычно, через вахту, а потом через дверь.

- Так она закрыта была...

- Нечего ключи в замке с той стороны оставлять. А вахтершу я шоколадкой подкупил...

- Подлиза, бабник и негодяй! И все в одном лице, - кричала ему она с постели.

Олег расхохотался:

- Нет, я в тебе точно не ошибся, какой темперамент, однако! Поднимайся, пойдем посидим в кафе. Нам обязательно нужно поговорить. Кстати, если вздумаешь удрать от меня, я тебя запру на ключ, а сам буду стоять в коридоре. И все подумают, что я твой любовник... Кафе недалеко на углу... (Олег потряс ключами в кармане, показывая серьезность намерений относительно двери).

- Сволочь красная! Да у меня свой любовник есть! Получше тебя...

Наталья пыталась, как могла, бороться с его наглостью.

- Говори, говори. Я все про тебя знаю. Ты рождена для семьи, а не для любовников. Умрешь от омерзения, если разделишь постель с чужим мужем!

«Ну, вот, не все мне его цитировать!» - пронеслось в ее голове.

Когда-то они с девчонками читали новеллы Мопассана. И она, прочтя одну из них, про публичный дом, заявила: «Гадость какая! Десятки рук трогают их! Отвратительно! В жизни должен быть только один мужчина – муж!»

Олег, в это время входивший в комнату, подслушал конец разговора и пошутил: «Вот именно на таких, как вы, и надо жениться! Изменять не будете только из чувства брезгливости».

Она тогда его шутя поколотила по спине, чтоб не подслушивал. Теперь он ей об этом напомнил.

- Вспомнила, да? Наташа, в твоём распоряжении остался час. Вставай, пожалуйста.

Ты же знаешь, я иногда бываю очень упрям.

- Черт с тобой! Выходи за дверь. Но знай, уступаю не ради тебя, ради Александры Петровны, она скоро придет.

- Слушай, Натка, а ты на уроках так же ругаешься? – он опять засмеялся. – Ладно, все, молчу, - поднял он руки кверху, увидев ее испепеляющий взгляд.

На улице в этот день было холодно и пасмурно, не то что в предыдущие дни. Солнца не было, был снег, ветер, настоящая мартовская метель. Олег засунул руки в карманы и оттопырил локти, предлагая Наталье взять его под руку. Но она гордо заявила:

- Не беспокойся, я твердо стою на ногах.

И пошла легкой пружинистой походкой, хотя в этот день было еще и скользко. Он едва успевал за ней.

Но все же на углу она не смогла побороться с налетевшим ветром и льдом и чуть не упала. Он тут же подхватил ее. «Я же предупредил».

От его прикосновений Наталью бросило в жар, она едва справлялась с собой, с нахлынувшими опять чувствами. «Все, как раньше. И руки его, как всегда вовремя...» - но нашла в себе силы легонько оттолкнуть его.

Они вошли в кафе и сели за столик у окна. Наталья положила озябшие руки на стол (перчатки, как всегда, забыла впопыхах или оставила в сумочке). Олег тут же обхватил своими руками ее руки. Она попыталась вырваться, но не тут-то было: он держал ее насмерть.

Она сказала, смутившись:

- У тебя есть 10 минут. Говори, что хотел.

От игривого тона Олега не осталось и следа.

- Ну, здравствуй, Наташа! – он был очень серьезен.

- Здравовались уже...

- По-человечески – нет. Здравствуй!

- Привет-привет! – с иронией сказала она. – Ну, говори, я жду.

- Я долго избегал этого разговора, но он должен был состояться.

- Почему? Ты мне все когда-то очень подробно объяснил, - она напонила ему их объяснение в комнате общежития.

- Издевайся, сколько хочешь. Твое право. Но я виноват перед тобой только наполовину. Сам стал жертвой обстоятельств.

- Да еще каких!

- Наташа, не перебивай, умоляю! Мне и так тяжело, - взгляд его был полон тоски. - Так вот! Ты помнишь, я тебе про отчима рассказывал, как он издевался над матерью. Как-то я приехал на выходные, а она – в больнице. Отчим избил, ребра сломал, без всякой видимой причины. Я написал заявление в милицию. Его должны были судить. И он придумал месть. Перед тем, как я должен был ехать в стройотряд, я поехал домой проститься с матерью и сестрой. Мама все еще была в больнице, а сестра жила у тети. Сходил в больницу к маме, побывал у сестры. А вечером пришел домой, отчима где-то не было. Я был дома один. Вдруг звонок в дверь. Несколько знакомых парней и Света.

- Твоя жена любимая?

- Никогда не любимая. И давным-давно бывшая. Да и не было у меня с ней ничего. Ни разу в жизни.

- Давай, давай, заливай! А ребенок?

- Наташа! Я же просил, - он укоризненно глянул на нее.

- Ну, ладно, давай дальше.

- А дальше, как в плохом сериале. Парни предложили мне отметить мой отъезд. Налили вина, я выпил два глотка, не больше. Ты знаешь, я не любитель. Очнулся утром в постели, рядом – Светка, пьяная в дым. Я ничего не помнил.

Наталья усмехнулась:

- Так уж и ничего?

- Потом, когда я уже был в стройотряде, они вдвоем с отчимом, а Света – его племянница, шантажировали. Отчим – тем, что расскажет маме, а Светка – судом и ребенком. Ей тогда только 16 было. Звонили и писали каждый день.

Наталья вдруг прониклась к нему сочувствием.

- Олег, неужели ты суда испугался? Или того, что будет огласка? Или боялся теплое место в профкоме потерять? Ты же всегда был самый смелый!

- Во-первых, мама с ее сердцем всего этого не пережила бы. А во-вторых, я правда, думал, что ребенок – мой!

- А дальше?

- А дальше отчим поставил условие! Я забираю заявление из милиции и женюсь на Светке, а он ничего никому не расскажет.

- Гад какой! – Наталья в силу своей природной непосредственности громко вскрикнула.

Олег улыбнулся:

- Узнаю свою Натку... Тише. Слушай дальше. Потом мы уехали в деревню. Я ей поставил условие! Мы с ней живем только до тех пор, пока не подрастет ребенок, потом тут же разводимся, я ей помогаю материально, а она ко мне больше никаких претензий не имеет. Родился Тимофей. Я любил его, не зная, что он посторонний для меня мальчик. Я и сейчас его люблю, помогаю, чем могу. Я купал его сам, пеленал, кормил. Светка уже с первого года нашей жизни пила, а потом и мужиков водить стала. Я работал директором школы в селе, был на виду и такой позор терпел. Однажды пришел, дома – содом, двое мужиков и она пьяная на полу. Я не выдержал, вышвырнул их всех на улицу. И тогда она призналась мне, что ребенок не мой, и что у меня вообще с ней ничего не было.

У Натальи уже давно сердце щемило от боли за Олега, ей хотелось погладить его по волосам, рано поседевшим, по плечам, почувствовать глубокую синеву его глаз, но она опять себя сдержала.

Она спросила:

- А дальше?

- А дальше я все бросил, забрал Тимоху и вернулся в город, закончил аспирантуру, преподавал. Все эти годы помогал Тимофею, он живет со своей бабушкой, матерью Светы и носит мою фамилию. Отчим умер. Мама живет с сестрой.

- И что, все эти годы ты жил один? – задала Наталья вопрос, который все время мучил ее и который она не хотела озвучивать.

- Ты же жила... Не, конечно, у меня были женщины. Хорошие женщины, красивые и умные, («Поганки!» - безапелляционно про себя сказала Наталья. – Лишь бы мужа хватить!») но ни одна из них не сравнится с тобой... Кто еще так швыряется подушками? Кто задает умные и одновременно наивные вопросы? Кто еще такой верный и непосредственный? Когда я прочитал роман про Скарлет О'Хара, сразу сравнил ее с тобой, - он улыбнулся.

«Наверное, знает, что это мой любимый роман», - подумалось ей. А вслух произ-

несла:

- Олег, а почему ты мне ничего не рассказал?!

- Я и сам тогда не все знал. Да и не хотел я вмешивать тебя в эту грязь...

- Не хотел? Не хотел? Ты забыл, как мы клялись: «Все мое – это твое, все твое – это мое»?

- Помнил всегда. И тебя не мог забыть все эти годы. Прости меня, если сможешь, я все время следил за тобой, узнавал, как ты живешь через знакомых. Знаю, какую трагедию ты пережила.

- Но ты ни разу не написал, не приехал, не позвонил...

- Ты была замужем.

- И это ты называешь замужеством?! – внутри нее уживались разные чувства: ей хотелось пожалеть его, прижать к себе, и одновременно волна обиды постоянно не покидала ее.

- А как же твои принципы? Я о них тоже помню.

«Боже мой, какие мы дурные! Что же мы натворили!» - думалось ей. Но обида за давний сентябрьский день, а точнее, ее необузданный характер и безмерная гордыня перебороли все.

- Олег, выходит, ты – трус... Ты боялся моего мужа, боялся меня. А я, я...

И опять в голове пронеслось: «А я? Как же я? Я – как?»

Она бросила салфетку, которую держала в руках, и выбежала из кафе. Олег, швырнув деньги за не выпитый ими чай, рванул за ней. Догнав, тряхнул ее за плечи, твердо сказал:

- Я не трус. Ты это знаешь лучше других. Я думал, что у тебя все хорошо, и не хотел своим вмешательством ломать твою жизнь. Однажды я уже это сделал и каюсь в этом. А сейчас, если хочешь, мы будем вместе. И твои дети станут моими.

Вторую часть его реплики Наталья почему-то не услышала. Услышала только то, что он не хотел вмешиваться.

- А ты меня о чем-нибудь спрашивал? - простонала она. – Меня? Я же тебе верила безрассудно. Ты же меня на ноги поставил, человека из меня сделал, на коньках ездить научил. Я при тебе к звездам летела, понимаешь? И все эти годы я только и спасалась тем, что думала о тебе.

Она заплакала навзрыд, как ребенок. Так, что прохожие начали оглядываться.

Олег как-то сразу поник плечами, лицо его стало потерянным.

- При чем тут коньки? Вот то, чего я боялся больше всего. Поймешь, пожалеешь, но не простишь, не сможешь. Ты всегда была гордой. Я ухожу. Завтра заканчиваются мои лекции, и я уеду в свой город, меня же просто попросили на время. Прощай. И знай, я любил только тебя.

И он ушел в мартовскую метель. Ушел, не оглянувшись. С непокрытой головой. Шапку он держал в руках.

А она, как больно ей ни было, не закричала, не вернула, не окликнула. «Проклятая гордыня, она всегда мне мешала», - думала она потом, спустя недели и годы...

... С курсов Наталья вернулась неузнаваемой. Простуженная (в поезде просквозило), злая, нервная, взвинченная. Дома ни с того, ни с сего срывалась на детей, ученикам наставила кучу «двоек». И это продолжалось вплоть до самого лета. А летом начались садово-огородные дела, походы в лес, на речку. И постепенно на лоне природы ее душевная боль утихла.

... И стала Наталья жить, как все обычные люди, в черно-белом формате: полоска

белая, потом – черная. А дальше – большой квадрат серого, ничем не примечательного бытия. Только у всех цикл исчислялся с января до декабря, а у нее – от сентября до мая и обратно.

И она любила, что греха таить, и май и сентябрь. В сентябре она любила наблюдать за первоклассниками. Они ходили по школе, как по храму искусств, всему удивлялись, обо всем спрашивали. Двадцать пятого мая она любила смотреть на выпускников, высоких, красивых. Смотрела и гордилась ими. Гордилась тем, что и ее толика вклада есть в том, что они такие.

Будние дни Натальи были до отказа наполнены школьной работой. Уроки, классные часы, поездки на экскурсии, часы поэзии, стенгазеты, КВНы и масса других интересных и не очень дел.

А вечером – тетради и планы, написание сценариев и чтение программных и внепрограммных произведений. Выходные были, как она говорила, «один сплошной безумный день Фигаро». Уборка и стирка, готовка и глажка белья, с весны до осени – сад и огород. Нужно было умудриться видеться со своими детьми, приобщать их к книге, к живописи, музыке, природе. И она умудрялась, как могла. Живя в деревне, на последние деньги выписывала по почте альбомы с картинками, диски, толстые книги классиков. Она заботилась о сыне и дочери: каждое лето устраивала их в лагеря, отправляла в турпоездки. А сама за все время даже ни разу на курорт не съездила.

... Незаметно подкрался возраст, именуемый в классической литературе «бальзаковским». Дни стали более тусклыми, ночи – абсолютно бессонными, размер одежды – большим, а количество склянок с лекарствами на прикроватной тумбочке – превышающем в несколько раз количество органов человеческого тела.

... Впервые появились сложности на работе. Современные ученики считали ее взгляды старомодными. С резким максимализмом, присущим юности, вступали они с ней в споры, и что особенно убивало Наталью, в спорах не выбирали дипломатических ходов и откровенно грубили ей.

Их рассуждения о литературе звучали приблизительно так: «Ваш Толстой – отстой! Ваш Чехов – зануда! Бунин и Есенин – сластолюбцы!» Наталья вступала с ними в споры, и в спорах часто проигрывала, потому что переубедить их с каждым годом становилось все труднее и труднее. Она уходила с уроков расстроенная, переживая не столько за себя, сколько за литературу, писателей: «Ладно я! Но поэты в чем виноваты? Ведь гениев не признают». И корила себя: «Может, я в самом деле их не так учу?!»

От коллег она жила в стороне: в корпоративных вечеринках не участвовала, на массовые сборы коллектива не ходила.

Начальство тоже, как она считала, было к ней не справедливо: подсовывало ей самую сложную работу, а награды и звания давало другим.

И жила теперь она совершенно одна. Дети: сын – врач и дочь – филолог с молодым мужем – разъехались по разным городам. Сын Юрий жил в Москве, дочь Алина – в одном из сибирских городов.

Последние годы ее все что-то раздражало: и то, что она находилась одна в большом доме (она уже жила теперь в райцентре), и то, что она вечно была перед кем-то обязана и кому-то что-то должна. Начальство требовало строгой отчетности в срок, ученикам она обязана была давать прочные знания, даже если они этого не хотят, собственные дети, хоть и жили далеко, а нуждались в ее постоянной любви и помощи, моральной и материальной.

Ей хотелось, чтобы она была нужна кому-то просто так, без всяких на то обязательств.

По утрам Наталья подходила к зеркалу и, глядя на свое изменившееся отражение в нем, иронически говорила: «Ну, здравствуйте, господин Беликов! Доброе утро, «Человек в футляре»! А, может, Вы – госпожа Синяя борода? Или – господин Синий чулок?» И тут же мысленно начинала с собой спорить: «Нет, нет, никогда! Я еще живая! Я еще живу!» И опять, как когда-то, задавала она себе вопрос: «А как ты прожила без любви?» В эти минуты в сознании опять возникал образ Родной Души – образ Олега. Он с укором смотрел на нее; как будто хотел сказать: «Ах, если бы ты тогда была чуточку помудрее, все было бы иначе».

Она звонила подругам, школьным и вузовским, делилась сомнениями.

«Счастья, счастья ей подавай целую ванну, чтоб всех соседей затопило! (Ольга всегда любила необычные аллегории, а теперь и вовсе сыпала нестандартом). Бессовестная, ты же купаешься в любви, как лавелас в бабах! И родители живы-здоровы, и дети умные! Женское счастье? А у тебя его не было? А апельсины с листочками? Апельсины в январе! А мне хоть бы одна сволочь ромашку на 8 марта!.. Хоть бы раз скандал закатил! «Ладно, да ладно!» И почему я такая несчастная?!»

И Наталья услышала, как Ольга на том конце провода вздохнула и всхлипнула. «Олечка, милая, ты что? Ты же самая лучшая, самая красивая! А ромашки в марте просто не растут...»

Поразмыслив, Наталья приходила к выводу: в самом деле, не такая уже она и несчастная.

И учеников своих она любила, несмотря на их нигилистические выпады. Особенно тех, кого она ласково называла «Мои театралы». Их было немного, состав школьного театра менялся каждый год, но дети эти были воплощением ее несбывшейся мечты, и потому были особенно ей дороги. А те, что с ней спорили, однажды преподали ей настоящий урок. Урок искренности и понимания.

Наталья давала творчество Заболоцкого, читала те самые стихи, что цитировал ей Олег. «Среди других играющих детей она напоминала лягушонка, заправлена в трусы худая рубашонка...» И вдруг – слезы, неожиданные, неведомо откуда взявшиеся. Наталья, понимая, что урок может пойти не по тому руслу, не по заданному ей плану, попыталась пошутить:

- Ну вот, стихи о красоте вызывают у меня уже обратные реакции... А какие эмоции появились у вас?

И услышала в ответ от Алеши, самого начитанного в классе мальчика:

- Да Вы так не переживайте. Стихи не о красоте, а больше о любви. Все у Вас хорошо будет! Кто не любит, обязательно полюбит. Какие Ваши годы!

А другой, Димка, из вечных шутников, добавил:

- И сами, может, еще в кого влюбитесь! Я вот за год аж три раза успел!

Наталья возмутилась: как они смеют судить ее, говорить о ее жизни!

Но опять сделала слабую попытку вывести занятие из тупика с помощью юмора:

- Дима! Я тебя поздравляю! Но только обсуждение моей биографии в тему урока не входит.

И тут пошла в атаку Ольга, с которой у Натальи были постоянные стычки по поводу литературы. Ехидно прищурившись, она спросила:

- Да Вы вообще когда-нибудь любили? Так, чтоб крышу с головы долой?

Наталья деланно засмеялась, понимая, что уроку пришел конец.

- Нет, я Железная Леди. Состою из гвоздей и заклепок... И, пожалуйста, вернитесь к уроку.

Тогда поднялась Маша, тихая, никогда ни в каких обсуждениях участия не принимающая. Мягко глядя Наталье в глаза, сказала:

- Наталья Николаевна, ну, зачем Вы так? Не доверяете нам совсем. Мы знаем тех, кто жесть. А Вы – наоборот, одна сплошная душа. Нет, Вы и внешне интересный человек, только души в Вас очень много. А Вы ее постоянно куда-то прячете... Зачем? Верьте нам!

Наталья села на стул. Смотрела на них и думала: «Я их, наверное, совсем плохо знаю. Они лучше, чем я о них думаю...»

Да, познавая людей, учеников и коллег, Наталья убеждалась, что многие находящиеся рядом с ней – талантливые, не похожие ни на кого другого. Были среди коллег люди энциклопедических знаний, были философы, имеющие свой нестандартный взгляд на мир, были артисты и юмористы, любое скучное событие делающие праздником, были энтузиасты и активисты, живущие ради детей, ради их воспитания и развития.

«Чего тебе еще нужно? – пыталась Наталья сама себя. – Чего не хватает в жизни? И коллеги нормальные, и собственные дети порядочными выросли. – Давит одиночество? Не ты одна такая!»

«И, правда, сколько баб на Руси горем мается! – вспомнила она строчки из какого-то стихотворения. И тут же переиначила: «Сколько баб на Руси дурью мается!»

В самом деле, сколько их, одиноких, не нашедших второй половины, или разведенных, или вдовых уже, или переживающих одиночество вдвоем, еще красивых, молодых, не нашло счастья, но живут же, живут! И находят себя: в труде, в творчестве, в детях. «А любовь? Как же без любви?» - спорила она с собой. И вздыхала: «Это, видно, не мое. Не будет больше чуда, не будет». И ощущение вселенской тоски не покидало ее ...

Но чудо случилось... 31, под Новый год. Она увидела его в Интернете. Увидела. И, ругая себя за абсолютно детский, подростковый, девчоночий поступок, вышла на его страницу. Узнала, что он живет в одном из городов Центральной России. Достаточно успешен по жизни: имеет научное звание, широко известен в определенных кругах. Счастливо женат во втором браке. Воспитал двоих сыновей. Но первое, что бросилось ей в глаза на его странице – фотография ярко-оранжевых апельсинов с листочками... «Значит, не забыл... Значит, помнит», - подумала Наталья. И чувство благодарности теплом обдало ее душу...

Жизнь без любви делает пребывание человека на земле пустым и никчемным, отрывает его от людей, лишает его того Высшего смысла, который есть у людей любящих. И если человек ни разу в жизни не испытывал любви, можно сказать, что он не жил, а существовал, находясь в состоянии куколки, не испытавшей радости полета бабочки. Душа человека без любви нищает, становится ветхой, как праздничное платье, весь свой срок повисевшее в шкафу, так и ни разу не надеванное. Как моль источает это самое платье, так душу, не знавшую любви, грызет печаль одиночества. И рушится Прекрасная Душа, а вместе с ней и брэнное тело, потому что всем известно, что хвори идут от нервов, то есть от души, исстрадавшейся, измученной, заполненной пустотой. И чем больше процент пустоты, тем больше процент болезней, и тем они (болезни) серьезнее. Можно искать замену любви, можно сделать вид, что она совсем не нужна, просто забыть о ней... Но она все равно настигнет вас: или

немыслимой болью от ее отсутствия, или новой встречей на жизненном витке, или воспоминаниями... О звездах, корабликах, апельсинах с листочками...

2010 год Счастливая!..

«Все счастливые женщины счастливы одинаково, каждая несчастная несчастлива по-своему». В который раз Марина, перефразируя Толстого, повторяла эту фразу. В десятый или сотый раз повторяла. С тех пор, как захлопнулась дверь за Андреем. Обессиленная, охрипшая от слез, от криков своих собственных (никогда она так не кричала, как в этот день), сидела она теперь за столом и только печально качала головой.

Она задавала себе один и тот же вопрос: «Почему? За что?» 25 лет позади. Или седина в бороду, бес в ребро? И опять вспоминала бабу Марфу, мамину мать, которая давала им с Катюшкой наставления, как жить семейной жизнью: «Если хлопец уходит, не держи, помаши ему ручкой на прощанье. Пусть плывет к другим берегам. Коли мужик уходит, не кричи... Собери ему котомку да кусок хлеба на дорогу дай. А еще что-нибудь на память о себе: брошку ли, али колечко, али еще какой подарок, им тебе сделанный. Вещичка эта напомнит ему о тебе, и он обернется. Если умный, а дураки нам не нужны»...

- Баб, а как же борьба за счастье? – спросила Катя. Ей тогда было 16, а марине – 17.

- Какая борьба? Счастье должно быть без борьбы... Счастье с борьбой – не счастье. Жить и все время быть настороже... Так как жизнь без любви – каторга. Тянешь-тянешь лямку, а сроку конца-края нет. Так что, девки, замуж по любви надо итить. Особливо, чтоб мужик любил. Баба еще стерпит. А коли мужик не любит – истинно тюрьма. И смотришь не так, и щи вечно пересолены. И прощать, девки, учитесь прощать!

- Баба Марфа, а можно ли предательство простить? – не унималась Катя.

- Коли любишь, усё простишь. А на нет – и суда нет. А ежели простила, прости от души. Попреками мужика не изводи. Они, ой как, попреков не любят!

Марина тоже спросила:

- Бабушка, а у тебя идеал мужчины есть?

Бабка не поняла:

- Який идеал?

Марина уточнила:

- Ну, мужчина, которого в пример можно поставить?

- А як же! (бабушкины родителя были с Украины, поэтому она все время путала украинские и русские слова) Николка мой.

Бабушкин муж погиб на войне, и она больше замуж не выходила:

- Блюда верность, - говорила.

- Ну, какой он вообще, что из себя представляет? – теперь опять Катюшка подключилась к расспросам.

- Здоровый, сильный, добрый. И чтоб не только на пашне, но и ночью жаркий был. Чтоб у вас к утру, девки, силов от истомы не осталось, - бабка хохотнула в кулак, а потом тяжко вздохнула, вспомнив свое короткое довоенное женское счастье с дедом Николаем.

- Баб, а как же потом днем работать, если все силы на истому уйдут? – наивно поинтересовалась Катя.

Бабка опять засмеялась:

- Эта така истома, что потом силы утраивает.

- Мама, чему ты девчонок учишь, ведь они дети совсем, - вмешалась в разговор Татьяна, старшая дочь бабы Марфы и мать Кати и Марины.

- Они уже девки на выданье. Год-два и улетят из родного гнездышка. Я уж в их возрасте вас двоих имела.

- Вот, когда замуж выйдут, тогда и будешь их поучать.

- Тогда уж поздно будет. Самое время сейчас. Девки-то они разные.

Катюшка-то легкая, она тышшу раз улюбится, не задумаушись. А Маринка-то тяжеловес, ей улюбится трудно. А уж к кому присохнет, насмерть, на усю жисть. Як я!

Как в воду смотрела бабка Марфа. Катюшка и в молодости сто раз влюблялась, и замуж три раза сходила. Сейчас была в очередном разводе и торжественно заявила на семейном совете, что будет выходить замуж до самой смерти, пока не найдет то, что ей надо.

- Господи, Катерина, что ты мелешь? – мать только за голову хваталась. - Пятый десяток, где твой ум?

- Зато сердца много для любви, - шутила Катерина.

А Марина всю жизнь любила, как она сейчас поняла, только одного Андрея.

А познакомились они весьма странно, через случайную Маринину знакомую, которая стала ей подругой на всю жизнь.

Марина ехала в автобусе на вокзал. Зимняя сессия была удачно сдана, и ничто не омрачало ее настроения. В автобусе она села к окну. Рядом с ней разместилась улыбочивая девчонка в пушистой шапке и кудрявыми прядками волос, постоянно выбивающимися из-под этой шапки. Девчонка улыбалась и улыбалась. Марина подумала: «Наверное, влюблена, или, как я, от экзаменов удачно избавилась».

Был вечер. Автобус шел полупустой. Пассажиры (это были в основном студенты вуза, где Марина училась, автобус-то ходил по маршруту «институт – вокзал») дремали. Задремала и Марина. И вдруг сквозь дрему услышала крик своей соседки.

- Отдай! Отдай сейчас же!

Марина вздрогнула. Сон куда-то пропал. Какой-то парень, замотанный в черный шарф по самые уши, бежал, точнее, мчался к выходу. В руках у него была дамская сумочка.

- Сволочь! Отдай! – плакала Маринина соседка. От ее сверкающей улыбки и следа не осталось. А парень уже успел выскочить на остановке. Студенты, вначале опешившие от неожиданности, начали дружно что-то кричать водителю. Водитель остановился, вышел в салон, выяснить, в чем дело, и руками развел:

- Что ж вы, девчонки, рот разеваете, тут много таких ездит.

Маринина соседка уливалась слезами. Все, как могли, ее успокаивали, советовали на вокзале обратиться в милицию.

- А как же я домой теперь поеду? Там же все: и деньги, и паспорт, и пропуск в общагу, - редела она.

Марина прикинула в уме, сколько у нее денег осталось от подарков и покупки книг: «Билет на поезд есть! На пирожки тридцать копеек хватит... В автобусе придется ехать «зайцем»... Хотя... От станции ходит наш колхозный автобус, дядя Коля меня бесплатно довезет. Ну и что, что домой попаду на 2 часа позже. Надо же человека выручать!»

Девчонка уже билась в истерике. Марина прикрикнула на нее:

- Возьми себя в руки! Слышишь?! Тебя как зовут?

- Т-т-аня, - всхлипнула она.

- Ну, вот что, Таня, разрабатываем план дальнейших действий... Следующая остановка – «вокзал». Быстро, слышишь, быстро, выходим и сдаем мой чемодан в «камеру хранения», чтоб он нам не мешал. Потом бежим в милицию писать заявление. Покупаем билет и звоним с переговорного твоим родителям, чтоб они на вокзале тебя нашим встретили. Денег я тебе дам.

Марина была человеком рассудительным и даже в критические моменты не теряла самообладания.

- Кстати, тебе на какой поезд?

- На 2...?

- О, и мне на него! Попросишь билет в мой вагон. А до какой станции ты едешь? Так мы живем в соседних районах! И мне тоже еще автобусом ехать. Потому и пойдем звонить.

На вокзале они на удивление сделали все быстро и, уставшие от беготни и пережитого, встали возле табло, чтоб передохнуть и что-нибудь съесть. Марина пошла покупать мороженое, а когда вернулась, вознегодовала в душе от увиденной ею картины: Таня, еще недавно причитающая в милиции, стояла и весело хохотала, закинув назад голову. Кудряшки ее прямо сотрясались. Рядом с ней стояли два солдата.

«Несерьезная», - подумала Марина про Таню. Подошла и молча протянула Тане Мороженое. Та, перехватив Маринин осуждающий взгляд, начала извиняться:

- Ты не подумай. Это знакомые ребята. Они раньше учились на нашем факультете, а сейчас служат здесь в городе. Это Иван (она представила высокого и красивого, стоящего рядом с ней). А это Андрюша, наша доброта.

«Точно доброта! Внешность вообще неуловимая», - подумала Марина. Второй был более низкого роста, светлый и какой-то особенно незаметный на фоне первого...

Побыв три минуты в обществе Ивана, Марина поняла, почему так смеялась Таня. Иван был само обаяние. Он сыпал остротами, рассказывал смешные истории из студенческой и солдатской жизни, анекдоты.

«Какой парень!», - восхитилась про себя Марина. Второй ей совсем не понравился.

А меж тем он был один серьезным в их компании. Даже Марина смеялась над тем, что говорил Иван. А уж ее-то развеселить не каждый мог. Только Андрей никак не реагировал на балагурство друга. Он изредка взглядывал мельком то на Таню, то на Марину. И опять опускал, как показалось ей, свой тяжелый взгляд. «Мрачная личность! Демон или Мефистофель!» - неприязненно подумала Марина. Вот Иван...

Они стояли и болтали очень долго, и вдруг услышали голос из репродуктора: «До отправления поезда 2005-го осталось 5 минут. Просьба провожающих покинуть вагоны».

- Господи! – закричала Танюшка. – Это же наш!

Они пустились сломя голову вниз, к железнодорожным путям. Причем Иван нес легкий Танюшкин пакет с вещами, а Андрей подхватил тяжелый Маринин чемодан с книгами, которые она взяла домой из общежития (накопилось много за три года учебы).

Они едва успели заскочить в последний 15 вагон, как поезд тронулся. Парни махали им рукой с перрона.

- Скоро увидимся! – кричал Иван.

Их с Таней вагон был второй. Марина до сих пор без содрогания и смеха не может

вспомнить, как они тащились через весь состав, по очереди тянули Маринин неподъемный чемодан. В поезде они совсем не спали, разговаривали, в том числе о парнях, проводивших их на вокзале. Таня сказала:

- Андрей у нас на курсе самый умный. Все на свете знает.

Марина в ответ хмыкнула:

- А мне-то что! Увиделись и разбежались!

Танюшка возразила:

- Мне мама часто говорила, что иногда мимолетная встреча может быть главной в жизни.

Марина сказала:

- Только не у меня. Я не такая.

Так они говорили ночь, а утром расстались на станции, договорившись, что после каникул увидятся.

... И едва Марина явилась в свою общежитскую комнату после двухнедельного отдыха, раздался стук в дверь. На пороге стояла сияющая Танюшка:

- Я вот тебе денежку принесла. И еще, Марина, выйди, тут один человек тебя хочет видеть.

Марина удивленно подняла брови, но в коридор вышла. Андрей! А она его вообще уже забыла.

- Ладно, я побегу, - сказала Танюшка, подмигнув Марине.

- Я у Вас много времени не займу, - проговорил Андрей медленно.

- Хорошо. Я Вас слушаю.

- Это Вам, - Андрей протянул ей три розы.

- Спасибо. Только они колючие, - поморщилась Марина.

Андрей смущенно замолчал. Молчание длилось несколько минут.

- Ну, говорите, а то мне еще к семинару готовиться, - взмолилась Марина.

И тогда он взял и поцеловал ее в щеку. Марина возмущенно оттолкнула его.

- Что такое! С ума сошли!

Он начал говорить быстро и горячо:

- Ты не думай, я серьезно. Давай поженимся.

Марина хмыкнула:

- Вы что, всем, кого видите во 2-ой раз в жизни, предложение делаете?

- А Вы не верите в любовь с первого взгляда?

У Марины дух перехватило от его наглости:

- Да что Вы себе позволяете??

- Через три месяца я демобилизуюсь. Вернусь в институт. Поженимся и будем жить в семейном общежитии.

- Понятно. Это Ваша программа – минимум, а максимум?

- А максимум – жить до глубокой старости вместе. Родить 5 детей. И любить друг друга.

Марина разозлилась окончательно:

- Знаете что, идите Вы к черту со своими программами и Вашими цветами.

Она открыла окно в коридоре и выбросила розы. А потом убежала от него.

- Хочешь или нет, а ты будешь моей женой. И я буду тебе писать письма, - услышала она его голос уже из-за закрытой двери.

И она начала получать от него письма.

Первые письма его Марина не читала, рвала и выбрасывала в мусорное ведро. Дев-

чонки из комнаты потом собирали их по клочкам, склеивали, ругая Маринку за черствость и недалёковидность. Когда пришло 14-ое или 15-ое письмо, Марина его распечатала, чтобы узнать его содержание и покончить с этим раз и навсегда.

«Марина, я знаю, мои письма ты выбрасываешь или рвешь, не читая. Но если в тебе проснулся разум, и ты все-таки открыла конверт, я тебе хочу сказать в сотый раз: обрати на меня внимание. Я тот человек, что тебе нужен. Во-первых, у меня есть любимое дело, и я всегда смогу заработать на кусок хлеба. Во-вторых, я верный и однолюб и никогда не буду тебе изменять. В-третьих, я добрый и заботливый. В-четвертых, я тебя просто люблю! Полюби и ты меня, пожалуйста, Марина!»

«В-десятых, ты – сама скромность и надоедливость», - зло подумала Марина. И решила: «Все, еду к нему в часть и говорю все, что о нем думаю».

В воскресенье, никому ничего не говоря, она отправилась в военную часть. Она подошла к КПИ и спросила дежурного, как ей найти Воронкова.

- Да его и искать не надо! Сидит в библиотеке, формулы пишет. И крикнул кому-то – Эй, позови офицера! Тут к «физику» пришли.

- К кому? – спросил невидимый голос.

- К ученому, изобретателю.

Не прошло и пяти минут, как Марина увидела Андрея. Вид у него был растрепанный и счастливый:

- Марина! Вы... Ты... ко мне! Я так рад! Я думал, Вы... - лепетал он, улыбаясь наивной и детской улыбкой. Тогда Марина впервые обратила внимание на то, какая у него красивая улыбка и как она ему идет. Да и сам Андрей показался не суровым, не смотря на солдатскую форму, а простым и домашним.

- Я приехала передать Вам Ваши письма, - холодно сказала Марина.

Андрей сразу сменился в лице. Лицо его задрожало, стало грустным. На глазах, оказавшихся карего цвета и большими, потому что он впервые смотрел ей в глаза, показались слезы.

- Значит, точно, насильно мил не будешь. А я еще надеялся.

И вдруг с такой болью в голосе:

- Марина, не бросай меня! Ты мне нужна, понимаешь? Нужна!

Что тогда с ней произошло, Марина до сих пор не знает. Жалость или боль его тронула, или то, что она впервые поняла, что никто не говорил ей этих слов о нужности, кроме бабки и матери, но она, вопреки своей рассудочности, вопреки самой себе, произнесла фразу, ставшую судьбоносной:

- Хорошо, я выйду за тебя.

Андрей опешил от неожиданности, бросился к ней с поцелуями.

- С ума сошел, не при всех же, - остановила Марина его порыв.

Он закричал:

- На той неделе у меня отпуск, я приеду к тебе.

И она ждала его всю неделю, считая дни и часы до свидания. Девчата шутили: «Снега Килиманджаро растаяли».

То их первое свидание Марина помнит до мелочей, до минут. В 10 часов он появился у нее в общежитии, в 11 они гуляли в парке, в час целовались на набережной. И весь день она заново открывала для себя Андрея. Он рассказывал ей о своем, об увлечении радиоэлектроникой, о спорте и книгах, которые он читал. Иногда он замолкал и пытливо смотрел ей в лицо:

- Тебе не интересно? Я не то говорю?

- Нет, нет, говори, я тебя слушаю, - а про себя думала: «Дура, за раковиной жемчужину не рассмотрела».

В мае Андрей закончил службу, восстановился в институте. А в июле они поженились. И поселились в семейном общежитии.

Первые годы были самыми лучшими и самыми трудными в их совместной жизни. Они учились, занимались общественной работой, Андрей увлекался наукой и спортом. А еще подрабатывал по ночам сторожем и вахтером, чтобы поддержать семейный бюджет. Стипендии на жизнь не хватало, а от родительских денег они наотрез отказались.

Андрей приходил под утро. Марина его ждала с нетерпением. Вставала в 3-4 часа ночи, варила борщ по бабушкиному рецепту, пекла его любимые пирожки с картошкой, лепила пельмени. Он журил:

- Опять не спала? Зачем? Я бы в столовке перекусил.

- Дома вкуснее. А спать я не хочу.

Если учесть, что остальные их ночи были наполнены молодым медовым сумасшествием, можно предположить, что первые несколько лет они спали вообще урывками. Неопытные, никакого представления не имеющие о такой сфере как интимная жизнь, они вместе постигали азы ее искусства. Андрей приволок откуда-то рукописные издания «Кама-сутры» (секса официального в Советском Союзе в то время не было, но по всей стране ходили в списках вот такие издания). Вечером перед сном они при свете ночной лампы читали вечный трактат о любви, смеялись, потом он шептал ей на ухо:

- Сегодня попробуем вот это.

Она, покраснев до самых корней волос, кивала головой...

Андрей, обожженный первым жаром страсти, был неистощим на любовь. От его неизбывной нежности и горячих поцелуев таяли и тело, и душа Марины. Но даже в самые страстные их минуты Марина не произнесла благословенного слова: «Люблю». Не сказала, что он сильный и лучший, не застонала от сладкой истомы, о которой ей когда-то говорила бабушка. Рассудочность и контроль, самообладание и выдержка никогда не покидали ее. «Жалкая эгоистка! Холодная лягушка», - вспомнив любимые ругательства бабки, корила теперь себя Марина и опять вспоминала.

... Да, жили они в первые годы трудно и счастливо. Августовским вечером, через месяц после женитьбы Марина сказала мужу:

- Как-то у нас все быстро получилось. Под луной не гуляли, звезды не считали.

Андрей выскочил из-за стола, принес ей туфли и плащ.

- Прóшу, пани!

- Что? – спросила Марина.

- Идем считать звезды, - улыбнулся он.

Они потихоньку прошли по коридору, проскользнув на цыпочках мимо спящего вахтера и очутились на улице.

Ночь была яркая, звездная, ароматная, загадочная и манящая чем-то неуловимо необъяснимым с точки зрения обычных пяти человеческих чувств.

- Красота! – выдохнул Андрей.

И она согласилась:

- Да, здорово! Звездопад!

В сентябре они собирали в парке желтые листья, в октябре ездили в опустевший лес прощаться с осенью, в январе катались на лыжах. Инициатива всегда шла от Андрея.

Позже он каждое лето устраивал ей праздники: возил в Москву и Питер, на Байкал и на Алтай, или к себе в деревню, как он говорил, на Чудотворную речку.

Воду в речке Марина помнит до сих пор: светлая и чистая, теплая и мягкая какая-то и абсолютно сладкая на вкус... Воистину, чудотворная...

Зная, что ее любимые цветы – ромашки, Андрей в день ее рождения затемно ехал за город. Привозил ей ромашки и васильки, осыпал ее спящую этими полевыми цветами, еще не просохшими от росы. Ромашки пахли рассветом, первыми лучами солнца, луговыми травами и чем-то еще, что есть в дикой природе и чего нет в цивилизованном городе...

Им было хорошо вдвоем (как она сейчас хорошо понимает), но он мечтал о детях. И через полгода Марина забеременела. Андрей гладил ее пополневший животик и мечтал:

- Сейчас там Алешка, а потом будет Леночка, Ольга, Катюша и Андрей.

Марина пыталась охладить его пыл:

- Чем будешь кормить?

- Найдем, чем. Голова работает, руки есть. Прокормимся!

Марина тяжело переносила беременность. Токсикоз, высокое давление. Она постоянно лежала в больнице на «сохранении». В институте пришлось взять «академотпуск». А Андрей продолжал учиться, работать по ночам, и каждый день, как по расписанию, в одно и то же время появлялся у нее в палате.

- Марина, милая, потерпи, совсем немного осталось. Месяц какой-то! – уговаривал он жену. – Это трудности временные. Зато потом такая радость будет, когда Алешка появится.

Марина капризничала, плакала, не скрывая от него своего настроения.

- Я этого не переживу...

- Переживем, нас же трое, целая семья, - как мог, успокаивал Андрей ее. О своих трудностях он всегда молчал...

Когда родился Алешка, стало еще сложнее. Марине сделали «кесарево», она ничего не могла поднимать, и все первые хлопоты были на мужа. Он купал малыша в пластмассовой ванночке, пеленал, чистил ему носик и заботливо подкладывал его Марине под бок:

- А теперь есть! Мамочкино молочко самое вкусное на свете!

Марина кормила сына, изредка поглядывая на мужа, который сидел рядом, тут же, и боялся дажедохнуть на них обоих. В такие минуты сердце ее разрывалось от нежности и жалости к ним обоим: и к Андрею, и к этому крохотному существу, произведенному ею на свет. Но она и тогда была очень сдержанна и не говорила ничего вслух. А он, наверное, уже тогда нуждался в ее поддержке.

Когда Алеше исполнилось полтора года, к ним в гости приехала Татьяна Николаевна, мать Марины. То, что открылось в комнате молодых, убило ее насмерть.

- Да разве можно так жить? – сокрушалась она, глядя на разор, царящий в их жилье.

У окна стоял стол, до отказа забитый Мариниными словарями, Андреевыми учебниками по физике, художественной литературой, лабораторными приборами и запчастями к ним.

Кроватка и манеж ребенка притулились рядом. На другой стороне – кровать Андрея и Марины, еще один стол – кухонный, служащий и тумбочкой для хранения посуды и продуктов. Оставался один узкий проход, но и он был занят двумя стульями и дере-

вянной лошадкой малыша.

- Это же не комната, это пенал какой-то, - говорила Татьяна Николаевна, качая головой. – Ладно – Андрей, но ты-то у меня щепетильная, как ты можешь это терпеть?! Здесь даже ребенку побегать негде.

Мать была сильно расстроена. Марина только плечами пожимала. Честно говоря, ей было не до уюта. Пробыв полтора года в «академе», она теперь срочно догоняла однокурсников. Догоняла и не успевала. Все время у нее были «хвосты». И Андрею было некогда: работал, учился, писал свое исследование, водил ребенка в детсад, гулял с ним.

- Алешка у нас на улице играет, Татьяна Николаевна, - сказал Андрей теще, - а после спит, как убитый.

Татьяна Николаевна не унималась:

- Слушайте, родители, ребенка я вам в этом содоме не оставляю, он уже подрос, бегаёт. Я с ним справлюсь. Я на пенсии, времени много. Присмотрю и обихожу. Да. Вот что. У меня там деньги остались бабушкины. Копила вам на свадьбу. И мои на книжке лежат. Давайте снимем и купим кооператив.

Андрей возмутился:

- Да Вы что, Татьяна Николаевна, что мы, сами ничего не можем?! Вот окончим вуз, поедem работать и получим жилье. И Алешку сами воспитаем.

Татьяна Николаевна успокоилась только наполовину.

- Ну, ладно с квартирой. А мальчика дайте мне хоть на зиму. Я его молоком отпою, а вы пока свои экзамены сдавайте.

Марина согласилась. И Андрею пришлось им уступить. На вокзале Алешка все плакал, не хотел отцепляться от шеи отца. Андрей снял его с рук, поставил на перрон.

- Сын, ну, потерпи, это ненадолго. Понимаешь, так нужно для семьи. Давай маму немного разгрузим.

И мальчик молча пошел к бабушке.

За то время, пока Алеша был в деревне, Марина сдала все экзамены, защитила диплом. Андрей написал свою научную работу. Она показалась интересной кому-то из научных светил, и Андрея по окончании вуза пригласили на службу в лучший НИИ города. А Марина не пошла работать в школу, а устроилась в турбюро. Возила экскурсии с иностранцами по городу. Особенно любила рассказывать им о русском зодчестве, о храмах, хоть это и делалось раньше скромно: было время массового атеизма.

Через год, когда Андрей устроился в экспериментальную физлабораторию, они получили свою первую квартиру, двухкомнатное светлое чудо, в котором хватило места для всех.

Они с любовью обставляли свое гнездышко. Радовались, достав в очереди какой-нибудь атрибут мебели или интерьера. Но больше любили покупать книги. Андрей по ночам дежурил возле книжного магазина, утром звонил ей на работу:

- Есть Драйзер и Чехов. Сегодня ночью будем читать.

Вечером они по очереди читали то, что купили утром. Иногда спорили по поводу прочитанного или о том, чья сегодня очередь читать Голсуорси или Лескова. Алешка, а ему уже было лет 5, говорил:

- Мама, вы деретесь из-за книг?

Андрей смеялся:

- Алешка, это споры хорошие, идейные.

Андрея любили и ценили на работе. У него была не только умная голова, но и золо-

тые руки. Он постоянно что-то изобретал, какие-то приборы, собирал их своими руками и получал за это премии.

Премии он щедро тратил на Марину и Алешку. Они ехали в воскресенье на вещевой рынок, толкались в огромной массе людей. И Андрей выбирал для нее самые дорогие и красивые наряды, самую стильную и прочную импортную обувь. Покупал Алешке костюмчики и яркие игрушки.

- А давай тебе что-нибудь купим, - предлагала Марина.

- Я мужик, а не Дом Моделей, - отвечал Андрей с улыбкой. И продолжал ходить на работу в синем свитере и джинсах, купленных еще три года назад. «Жадная гадина!» - думала теперь Марина про себя. – Держала мужика в черном теле».

Марине и по молодости было стыдно за то, что он так щедр к ним, а она не может ему ответить тем же. Однажды, вспомнив, что когда-то в школе она увлекалась моделированием одежды, она решила сделать Андрею сюрприз. Достала дорогую ткань, придумала покрой и сшила ему костюм, такой, каких не было в магазинах.

- Марина, да у тебя не только талант переводчика! Ты же, ты... - он восхищался ей, как ребенок. И любил ее ночью так, что Марина теряла сознание от его ласк.

Когда родилась Леночка, им уже было по 28. Алешка учился в первом классе.

И опять все повторилось. Марина долго болела после родов, а Андрей нес на себе тяжесть семейной ситуации. Она услышала, как свекровь, приехавшая глянуть на внучку, названную в ее честь, выговаривала сыну на кухне:

- Нашел себе обузу! Ни родить! Ничего не сделать! Только книги! И молчит, как сыч, вечно. Истукан какой-то!

Андрей прикрыл дверь на кухне, чтобы Марина не слышала продолжения их с матерью разговора. Но Марина сползла с кровати, придерживая живот, и подошла к двери своей комнаты. Она услышала громкий возмущенный шепот Андрея:

- Это моя любимая жена! Самый родной мой человек! Мама, если не хочешь, чтоб я с тобой поссорился на всю жизнь, не оскорбляй ее, пожалуйста. Свекровь обиженно замолчала.

«Защищал меня всегда! – всхлипнула Марина про себя. – А я, я...».

А она его ругала. Требовала отчета за каждый шаг. Она припомнила, как лет 7 тому назад, в марте, она не могла дождаться его с работы. Самообладание, которым она всегда гордилась, в тот раз покинуло ее. В голове проносились картины из детективов и фильмов ужасов про убийства, торговлю людьми, «подставы», «откаты» и прочее. Андрей тогда уже возглавлял лабораторию и часто задерживался подолгу за экспериментами, испытаниями. Но чтобы так, до ночи, такого не было никогда.

А потом он позвонил из милиции и попросил, чтобы она привезла деньги и залог. «Докатился до задержания», - пронеслось у нее в голове.

Как ненормальная, влетела Марина в отделение, позабыв одеть на себя обычную маску строгости. Дежурный офицер, мальчик лет 25 с небольшим, успокоил ее:

- Да вы не волнуйтесь! Ваш муж тут не при чем! Тут вот.

И только теперь Марина увидела, Андрея, стоящего в коридоре, и другого незнакомого мужчину. Оказалось, Андрей встретил своего одноклассника, они зашли в кафе. И вдруг в кафе какой-то пьяный начал к ним приставать. Одноклассник оттолкнул пьяного и не рассчитал сил. Тот упал и разбил голову о стол. Приехала милиция, забрала друга. Андрей поехал с ним.

- Не бросать же его, тем более в такой ситуации.

Марина сердилась:

- А позвонить мне? И вообще... Что ты здесь делал?

- Боролся за справедливость.

- И доказал?

- Конечно, сейчас залог заплатим и поедem домой.

Друзей, одноклассников, однокурсников у него было много. И всем он помогал. У кого консультировал сына перед вузом, кому занимал деньги, кого навещал в больнице. Марине это не нравилось.

- Они же тебе на голову садятся, - ворчала она.

- Придет время, и они мне помогут, - возражал Андрей.

У нее же из подруг остались только сестра да Танюшка. И то встречалась она с ними крайне редко, по большим праздникам. Хотя они были ее родные люди, сестра и близкая подруга, а были они женщины непутевые, как про себя думала Марина.

Катька бесчисленное множество раз сходила замуж, у Татьяны жизнь с Иваном не ладилась. Он постоянно изменял, уходил от нее, жил с другими женщинами. Потом возвращался, и она, как ни в чем не бывало, принимала его. «Непутевые!» - думала Марина про сестру и подругу. И встречалась с ними редко. Чтобы, не дай Бог, Андрей не последовал бы дурному примеру. У них-то семья была, настоящая семья. И с таким мужем, как Андрей, можно было выжить всегда.

Когда пришли смутные 90-е, все в стране страдали от отсутствия денег, инфляции. Все, только не их семья. Андрей и тогда, когда наука была в загоне, нашел себе дело: открыл мастерскую по ремонту бытовой техники. И это спасло их. Андрей неплохо зарабатывал.

И именно тогда предложил Марине получить второе высшее образование, видя ее интерес к туризму. И Марина выучилась, сделала карьеру. Стала возглавлять вначале турфирму, а потом рекламное агентство.

Последние 13 лет именно карьера, а не семья занимали главное место в ее жизни. Она вставала рано, приходила поздно. Питалась на работе, семью кормила полуфабрикатами, детей и мужа видела редко. Часто, ссылаясь на занятость и усталость, ложилась у себя в кабинете...

Незаметно выросли дети. Алеша учился в университете. Он был серьезным, любознательным, начитанным. Леночка была другой. После выпускного вечера она заявила родителям:

- Как хотите, а я замуж выхожу. Он студент. Будем жить и учиться. Вы не возражаете?

Марина возражала:

- Легкомысленная. В Катьку. И такая же красивая. Отец, скажи хоть ты ей.

- Мы были чуть старше. И живем уже сто лет почти.

Знала бы она тогда, что случится через полгода.

А через полгода в отделе у Андрея (а он опять был в науке и преподавал в университете) появилась новая ассистентка. Красивая, стройная, высокая, стильная. Все мужчины в лаборатории волочились за ней. А она выбрала Андрея. Старше себя на 20 лет, женатого. Потому что он теперь был не такой, как в юности. Красивый. Состоявшийся, несмотря ни на что. С научной степенью. И аспирантка добилась своего. Как и когда у них все случилось, Андрей не рассказывал. Слишком порядочный был. Только сказал:

- Прости, ухожу. Врать я тебе не могу.

...Марина тяжело задумалась, анализируя прошлую жизнь. Ошибок было сделано

много. Но главное – она совсем мало любила мужа, принимая в огромных дозах его любовь и заботу.

Вопрос сейчас состоял в том, как вернуть мужа назад. Она вспомнила, что часто на работе ей девчонки говорили о мужиках.

Все ее сослуживицы постоянно жаловались на судьбу. Кого-то бросили, кому-то регулярно изменяли, кто-то тянул семейную лямку, едва-едва перенося на дух свою половину, так она была вредна и невыносима, эта вторая половина. А Марине и пожаловаться не на что было. Андрей, как муж, был просто идеален. Казалось, ни облачка на семейном небосклоне! И вдруг – раз! Гроза! Ураган! Смерч! Землетрясение!

- Я ухожу от тебя! А ведь все ей завидовали. Завидовали их счастью.

- Счастливая! – говорили ей знакомые и сослуживцы. – За что тебе это?

- Счастливая! – удивлялись соседи. – Такой муж! Все сам и сам!

- Счастливая! – восхищались Андреем Катя и Танюшка. – Поделись секретом.

Марина пожимала плечами:

- Просто у нас нормальная семья. А вы, девушки, своих мужей распустили. Таня, как ты можешь позволять своему Ивану не ночевать по неделе дома? Почему терпишь, не бьешь тревогу?

Почему не ставишь его в рамки? А ты, Катерина, что думаешь своей головой: сначала замуж идешь, а потом узнаешь, что у него уже есть семья.

Сама она всегда держала мужа в рамках, знала, где он и что с ним. Она никогда ни о чем его не спрашивала, просто так повелось: они делились всем друг с другом – и проблемами на работе, и жизненными сомнениями.

- Было же хорошо, было. Сглазили, сволочи! – сокрушалась теперь Марина.

- Может позвонить маме? Или детям? Нет, не хочу никого втягивать...

Она позвонила Татьяне. Рыдая, как в юности Танюшка из-за сумочки (было бы из-за чего!), не выговаривая половину слов, она рассказала той о случившемся.

Таня удивилась:

- Марина, ты плачешь? Ты – аристократка, выдержанная, находчивая, решительная! Всегда знающая выход из любой ситуации!

Марина всхлипнула:

- А что я, железная? Я тоже счастья хочу. А он ушел...

Таня на том конце провода вздохнула:

- Ну, если даже Андрей... Такой умный, добрый, положительный... Тогда что про других говорить!

И ничего ей не посоветовала.

- Что делать? Что делать? - металась Марина по комнате.

Она взяла альбом, со слезами на глазах перелистала страницы с фотографиями, подписанные рукой Леночки: «Это мама и папа в день свадьбы», «Это Лешка. Ему год», «Это я, красавица».

На глаза Марине попала старая фотокарточка бабы Марфы, старое довоенное фото, где бабка счастливая, смеется, еще не изведавшая, что такое горечь утрат. И опять она вспомнила бабушкины наставления: «Положи ему на память колечко, али брошку».

Нет, ничего ему Марина не положила: ни колечка, ни брошки. Просто не успела.

И тут ее осенило. Она припомнила, как девчонки на работе рассказывали, что в одной передаче женщина делилась своим опытом. Она вернула себе мужа, с помощью фото, размещенного на рекламном табло. Поставила табло возле дома любовницы. Та начала скандалить, и муж возвратил-ся домой.

- Подожди же, богиня долговязая! – произнесла Марина, имея в виду свою соперницу.

Утром она раньше всех появилась на работе, вызвала к себе своего зама.

- Соберите мне, пожалуйста, документы на установку новой рекламы.

Через месяц все было готово.

... Андрей вышел из подъезда Аниного дома. Огляделся. Что-то сегодня было не так. Либо в природе, либо в его настроении, либо во дворе. Что? Он огляделся, прислушался. И понял. Новый рекламный щит стоял прямо у подъезда. Реклама странная! Не светится, не понятно, из какого материала сделана... Реклама от порывов ветра шелестела, и он догадался, что это ткань, шелк или нечто подобное.

- Кто-то, наверное, хулиганит, - подумалось Андрею, когда он рассмотрел, что было на шелке. Фото новобрачных в праздничных нарядах. Невеста в фате с веночком на старый лад, жених при галстуке. Лица счастливые, повернутые друг к другу. Ветер все время трепал ткань, она шелестела.

Было ощущение: эти двое постоянно целуются. Что-то родное и близкое почудилось Андрею в образе целующихся голубков, но он, не придав этому значения, поехал на работу.

Вечером Андрей возвращался с работы с пышным букетом роз. Он жил в доме Анны уже месяц. И до этого они месяц встречались. «Два месяца! Юбилей! У меня новая жизнь!» - радостно думалось ему. О старой жизни ему не хотелось думать. Да и была ли она, старая жизнь? Вот уже больше десяти лет Марина его не замечала. Жила в каком-то своем мире, мире своего дела, профессиональных проблем, в мире общения с чужими людьми. Она его и раньше не баловала вниманием, а теперь и вовсе о нем почти не помнила. «Как я ее любил! А она меня терпела из жалости. Я – жалкое существо», - с обидой сказал он про себя. Не хотел думать, а все равно думалось. Годы-то из жизни не выкинешь. Иногда ему хотелось попросить ее: «Марина, посмотри на меня! Заметь во мне человека. Скажи, что любишь!», а она не замечала.

А он все терпел. Сглаживал ее холодность, как мог. Думал: «Ну и ладно! Я люблю, и хорошо». Да и дети росли. О них нужно было думать. И он думал, стараясь для семьи. И для Марины тоже.

Аня была другой. Через несколько недель после появления ее в их мужском коллективе она сама пришла к нему в кабинет и объяснилась в любви. Это польстило ему, ведь за ней ухаживали все в их отделе.

Андрей долго сомневался, не знал, что ему делать, пытался поговорить с Мариной. Но та так была увлечена работой, что только отмахивалась от него, как от назойливой мухи. А Анна была настойчивой: приходила к нему в кабинет, помогала ему, где могла, приглашала в театр и ресторан, дежурила у входа в институт. И он, в конце концов, сдался. Да и кто мог устоять перед такой красотой.

Анна как женщина была безупречна. Красивая, холеная, на 20 лет моложе Марины. Дом ее весь пропах новой мебелью и евроремонтом. На столе каждый вечер были изысканные блюда иностранной кухни. Нежная музыка, располагающая к интиму. Наряды от лучших кутюрье. И тело ее, насквозь пропитанное заморскими ароматами, так манило к себе. Тело, обработанное руками лучших мастеров спа-салонов.

И она – сама предупредительность, галантность, вежливость. Ни одного слова против, ни одного взгляда без нежности.

И все же что-то давило на Андрея и в Анне, и в доме ее. Будто кто-то стоял сзади, нажимал на плечи, спину, следил за каждым его шагом, за каждым движением, взгля-

дом. Какой-то невидимый человек, шпион-соглядатай. Этот тайный надсмотрщик не давал ему свободы ни внешней, ни внутренней.

... Андрей вошел в квартиру Ани, ставшую теперь уже и его домом, с блаженным ожиданием очередного упоительного романтического вечера.

Аня, как всегда выглядевшая по высшему классу, встретила его в коридоре вопросом:

- Ну и что ты с этим намерен делать?

- С чем? – не понял Андрей. Он попытался отдать ей цветы и поцеловать.

Она грубо отбросила его руки от себя.

- Не прикидывайся идиотом. Надо мной уже весь дом смеется, - голос ее, обычно нежно-ласковый и обволакивающий, как пелена тумана, сейчас был резким и визгливым.

«Боже, бывают же такие голоса! Вот у Марины, даже когда она злится...» - невольно сравнил он про себя. И тут же осекся: «Причем тут Марина? Там все кончено...».

- Что ты имеешь в виду? – спокойно спросил он Анну.

- Я имею в виду рекламу, на которой ты и твоя бывшая, - с перекошенным от злобы лицом выкрикнула Анна. – Терпеть этот позор я не намерена. – И она что есть силы хлопнула дверь.

«Вот оно что! А я-то не сообразил сразу, что за фото! Точно, они похожи на нас с Мариной», - подумал Андрей. Он вошел за Аней на кухню.

- Аня, эти двое имеют сходство с нами. Но это не мы.

- Не мы? – заорала Анна что есть мочи. – Не мы!!! А ты присмотришь! Гадина какая! Сволочь! Старуха! Проворонила мужика, а теперь приветы посылает... И он хорош! Не сорвал рекламу, не бросил!

- Аня, хорошо, я завтра уберу. Ты только не сердись, - Андрею почему-то стало обидно за Марину. Все-таки столько лет вместе прожито было. И он попросил Анну:

- Анна, чтобы там ни было, а ты, пожалуйста, будь сдержанней! Все-таки Марина – мать моих детей. И я жил с ней, много лет жил. Там была моя жизнь.

Он хотел добавить: «Не самая худшая часть моей жизни», но вовремя осекся.

Анна будто с цепи сорвалась. Андрей смотрел на нее и не узнавал: от ее корпоративной вежливости и следа не осталось. Она кричала ему, что он тряпка, что весь институт над ним смеется, зная, как Марина с ним обращалась, что именно она, Анна, увидела в нем человека, а он ее совсем не ценит.

Андрей молча ушел в спальню, лег, не раздеваясь, на кровать, задумался. Вольно или невольно, но мысленно он заново проигрывал прожитые с Мариной годы. Он, наконец, понял, что так давило на него последние месяцы. Отсутствие привычной обстановки, дома, детей, жены.

Он понял: разорвалась оболочка их общего «мы», каждый пытался быть собственным «я», а ничего не получалось. Слишком много было у них общего. Не только дети, родственники, друзья. Не только с таким трудом нажитое имущество. Не только общие интересы и разговоры. Вся жизнь была общей с каждым дыханием, каждым биением сердца. Они же понимали друг друга с полуслова, с полунамека. А иногда и намек делать было не надо. Нужен был только один взгляд. Ну и что, что Марина была слишком рациональна, что редко проявляла свои чувства. Он компенсировал все своей пылкостью. Ну и что, что она иногда была суровой с ним. Он ведь тоже делал ошибки. А она его прощала.

Андрей вспомнил наиболее яркие эпизоды из жизни с Мариной. Вспомнил ее на

вокзале, решительную, готовую на любые действия. Вспомнил, как она выбросила розы за окно. Она же не любила их никогда, эти тепличные цветы! Вспомнил первую ночь в общежитии, когда они сидели рядом, как онемевшие, и не знали, что делать.

Вспомнил, как годовалый Алешка произнес первое смешное слово «Мапа». Марина тогда сказала: «Это он, что б никого не обидеть». А он возразил: «Нет, чтоб подчеркнуть, что мы одно целое». Вспомнил последний звонок Леночки: «Эй, родители! Вы уже готовы носить высокое звание дедушки и бабушки? У нас для вас сюрприз. И не один, а два. К марту будет. Врач сказал, что у меня двойня...».

А еще он вспомнил, как в день ее рождения нес ей мокрые от росы ромашки. Роса капельками бежала по стволам, пушистым листьям, по белым ресничкам-лепесткам... Охапка цветов едва умещалась в его руках, а он совсем не ощущал тяжести этого букета, предназначенного для любимой женщины. И все, кто шел в то утро на работу и встречался ему на пути, улыбались. Наверное, знали: это точно букет для самой лучшей женщины на свете. «Любит – не любит, плюнет – поцелует» - вспомнил он гадалку, ту самую, что Марина узнала от бабушки.

Вспомнил, как она ворвалась в милицию. Разъяренная тигрица и только. Шуба растегнута, волосы черные расплескались по плечам, глаза горят... Друг его, Павел, потом восхищался: «Вот это женщина у тебя! И коня на скаку, и умница, и красавица!» «Плохих не держим!» - с гордостью ответил ему Андрей. А ведь Марина не считала себя красивой, да и вообще всегда уверяла его: «Не это главное. Я обычная среднестатистическая женщина с обычной внешностью. Вот Катька у нас точно хорошенькая: и лицо, и фигура. Да и зачем мне? У меня есть дело и семья». «Где она теперь, эта семья?» - с тоской подумалось ему. И тут же сам собой возник вопрос: «А кто виноват? Разве не ты?»

... Утром он вышел из подъезда и внимательно взгляделся в лица влюбленных на шите. Да, это были они с Мариной, сомнения не было. Но зачем она это сделала? Зачем? И вдруг его осенило: она продолжает его любить и дала ему знак. Он сел в машину и поехал на работу. По дороге он неустанно с болью и каким-то новым, еще не понятным для него чувством, думал о Марине.

«Идиот! Что же я наделал? – кричал про себя Андрей. – Променять целую жизнь на длинные ноги в красивой упаковке?»

На повороте он резко развернул машину, едва не врезавшись в ближайший «Мерседес». Выровнялся, встал в ряд с другими машинами и поехал назад к дому Анны.

Анны дома не было. Чемодан он собрал быстро. Оставил ключи на столе. Подумав, достал из кармана блокнот, написал записку: «Аня, прости. Ты, наверное, хорошая, но не моя. Только один человек мой – это Марина. Я возвращаюсь к ней».

... Андрей с тяжело бьющимся, как маятник, сердцем поднялся на лифте в свою старую квартиру.

«А вдруг не дома? Вдруг не простит?» - грызло его сомнение. С волнением позвонил он в дверь.

Марина была дома. В ситцевом халате, без косметики. Без обычной своей неприступности и суровости. Потерянная, робкая...

Увидев Андрея, она сделала шаг к нему:

- Андрюша, любимый! Как я тебя ждала! Как ждала!

И первая начала целовать его: в волосы, складки на лбу, в глаза, в губы... Целовала и плакала. И он целовал ее, как никогда, даже в пору их медового сумасшествия не

целовал, пылко, страстно, отрешенно... Целовал и шептал сдавленным голосом:

- Родная моя! Ты только не прогоняй меня! Не прогоняй, пожалуйста! И прости, если сможешь...

... Через девять месяцев Марина родила ребенка. Когда она гуляла с коляской в парке, знакомые спрашивали:

- Кто у вас там: внук или внучка?

Она гордо отвечала:

- Сын. Самое большое счастье на свете. Андрей Андреевич.

И вспоминала, как в женской консультации молодая врачиха уговаривала ее отказаться от ребенка:

- Вам 45, скоро станете бабушкой. Возраст, прямо скажем, не детородный. И здоровье... и третье «кесарево»...

Марина отвечала:

- Этот ребенок – плод большой любви. И я от него никогда не откажусь. И для любви возраст никакого значения не имеет.

- Вы второй раз вышли замуж? – спросила любопытная врачиха.

- Можно сказать и так. За лучшего в мире мужчину. За своего первого и единственного мужчину – моего мужа.

- Счастливая, - с завистью сказала врачиха.

История любой страны - это история её граждан, переживших самые светлые и горестные события вместе с Родиной. У каждого российского человека, у каждой семьи своя столыпинская реформа, своя коллективизация, своя Великая Отечественная, свой 37 год. В этот страшный для Родины год и моё родное село пострадало от общей беды. В один из сентябрьских дней 1937 года было арестовано 20 жителей села Остяцка Северного района и его окрестных деревень. Забрали 20 человек, а вернулся лишь один - самый молодой - двоюродный брат моей мамы Михаил Фролов.

Воспоминания моей мамы и моей бабушки об этом человеке и легли в основу данного рассказа. И ещё исследования по истории села Ивана Галактионовича Гламаздина. Он был сыном репрессированного, в 70-е годы - председателем сельского Совета.

Домой

*Светлой памяти моих земляков, не вернувшихся
из сталинских лагерей, светлой памяти
И.Г.Гламаздина, много сделавшего для
восстановления памяти об этих людях.
Светлой памяти бабушки.*

М.И.Шичкиной.

Он шёл домой новым трактом. Тракта этого во времена своей молодости он не знал по той самой причине, что его раньше здесь просто не было. Раньше здесь была едва проходима дорога. Потому что родина его - Сибирь, болотистая местность. А теперь здесь была гать - поваленные деревья; березняк, осинник. Гать была построена во времена войны, чтобы легче было отправлять фронту хлеб, мясо и прочее. Как сказали ему в райцентре, в той самой организации, куда он пришел со своей бумажкой о реабилитации.

Он шел по дороге и постоянно оглядывался. Привычка оглядываться сохранилась у него с Колымы, где он провел много лет. Где он постоянно оглядывался: на конвой-

ных, на бригадира, на начальника лагеря, на уголовников. Привычка оглядываться была у него от чувства вечного страха. От страха, что тебя ударят, что не выполнишь норму, что останешься голодным, что завтра умрешь: от цинги, воспаления легких, от винтовки «вертухая» или кастета «блатных». От того, что проснешься утром в ледяном бараке, а рядом с тобой - труп, от того, что на лесоповале убьет деревом.

Страх, страх, вечный страх, ломающий душу, характер его, когда-то веселый и неунывающий, озорной, мозг его, когда-то пытливый и любознательный, а теперь - направленный только на одну мысль - как бы до дома добраться.

Вот и сейчас шел он и боялся, как бы не встретился кто из знакомых, не начал расспросов, не посмотрел косо, презрительно, не надсмеялся над ним. Хотя за эти годы он привык и к насмешкам, и к унижению, и к презрению, и к злобе людской.

На пути его было большое село, которое раньше было волостью, главным среди нескольких сел и деревень. А за ним в километре от волости - деревня, где жила его тетка, родная сестра его отца, Анисья, многодетная, работающая, добрая. Любимая его тетка. Она была его крестная, дарила ему в детстве подарки, нехитрые, но очень дорогие для него: сахарных петушков, расшитые рубашки, картузики. Пекла ему пирожки с яйцами, угощала терпким квасом.

Он подошёл к крайнему дому, покосившемуся от времени (когда-то он был большим и светлым), с окнами, с белыми шторками-задергушками. В палисаднике цвела буйной кипенью черемуха. Она и раньше здесь росла, но раньше это был тоненький, стройный кустик, а теперь - разветвленное, корявое дерево с толстым стволом.

Был майский вечер. Волнующая душу весна. Пахло зеленой травой и черемухой, летали крупные жуки. Солнце клонилось к закату. Рабочий день был закончен. И люди пели. Пели бабушки где-то в противоположном конце деревни протяжную старинную песню. Недалеко от дома тетки молодежь вела свою мелодию. Новую, не известную ему.

Он постучал в окно. Створка открылась, приподнялась шторка, и чье-то молодое лицо показалось в просвете:

- Кто здесь? - спросил звонкий девичий голос.

- Мне бы... Тетю Анисью, - прохрипел он.

- Мама, тут тебя незнакомый спрашивает.

- В просвете появилось другое лицо, сильно постаревшее, но такое родное. Ему почудилось, что она сейчас скажет: «Алешенька, хрестник, ой, як же ты вырос!» - как говорила когда-то в детстве. Но она молча вглядывалась в его лицо.

- А хто Вы есь? - наконец спросила она.

- Тетя Анисья, родная, пусти переночевать... Это я, Алексей, - почти простонал он.

- Який Алексей? - не поняла она.

- Алексей, племянник Ваш.

Тетка вздрогнула, как-то даже затрепетала всем телом, а потом, вглядевшись в него, заголосила, запричитала, что есть мочи.

- А хрестовенький ты наш, а родненький, да мы ж тебя ужо дауно схоронили... А як ж так?

- Схоронили? А я вот живой.

- Да иди же скорей в избу. Марийка, иди устрень.

«Марийка... Так она же маленькая еще», - хотел сказать он, но осекся. Сколько лет прошло! И Марийка выросла.

Он вошел в дом, осмотрелся. Дом как будто тот же. Но все в нем по-новому. Нет

полатей, нет западни возле печки. А лавки сохранились. И печь старая. Появился новый стол, кровати железные.

А тетка все хлопотала и хлопотала. Что было вкусного, то и выставила на стол: картошку, холодец, молоко, яйца, хлеб круглый домашний. Как любил он сеть такой хлеб горячим, только из печки!.. Как часто вспоминал вкус того хлеба в лагере!

А тетка хлопотала и говорила. Алексей молчал, боясь задавать вопросы. Наконец осмелился и спросил:

- Тетя Анисья, а как братки мои, Семен и Сашка? Где они сейчас? Сашка ведь офицером хотел стать.

Говорил он, а лицо все прикрывал рукой, лицо, изуродованное побоями, покусанное собаками, избитое щепками с лесоповала. Видел, как смотрит на него Марийка: как на Квазимодо из романа Виктора Гюго. Роман этот читал ему наизусть Самсон Иванович, друг его по лагерю.

После его вопроса тетка Анисья сразу сникла, опустила плечи, фартуком утерла глаза:

- Нету моих соколиков. Полягли. И Саша мой (вспомнив мужа, почти прокричала она). А Иван живой вернулся, в большом городе живе.

Алексею стало стыдно за то, что он не воевал, а сидел. Он помнил, как часто в лагере женщины-служащие, чьи мужья и сыновья погибли на фронте, зло укоряли их: «У-у, вражины! Жрете здесь хлеб дармовой! А наши гибнут»...

Он пересилил себя, спросил:

- А мои как, тетя Анисья?

Тетка тяжело молчала. Видно, что скрывала что-то. Сердце Алексея тяжело стучало, предчувствуя плохие вести.

Анисья, вздохнув, проронила, как будто выжала из себя:

- Ой, божечки, ты же ничово не знаешь! Нетути и твоих...

У него ком встал в горле... Выходит, все его надежды, все мечты, которыми он жил эти годы, были напрасны. Все, абсолютно все.

Тетка Анисья, причитая и всхлипывая, рассказывала:

- Мать-то твоя, Хрося, сноха моя, сразу после тебя слегла. Три месяца - и готово. Отец долго жив один, хотел жаниться, да никто ни йшов за його. Сын - ураг народу. А потом у лесу надорвався и помёр. Сестронки тоже з голоду помирали. Шо дадим, привезем утайкой, усе отберуть! Василинка и Мотька совсем доходяги стали. Их потом у детдом забрали. Галинку и Анютку тож. А Натуську я не дала. Шибко уж она безобидна, не вынесла б среди чужих. Сховала я её у саби. А шо? Где 10 ртов, там и ишо один. У городи Натуся... Ай не знав, то б заехав.

Он слушал молча, без слез. Вспоминая, как Самсон Иванович говорил: «Если вернешься, не думай, что все будет, как прежде. Как прежде не будет никогда. И ты другой, и люди, и время. И потери неизбежны».

Он задал тетке последний вопрос:

- А Алёнка? Алёнка жива?

- Живая, живая твоя Алёнка. Удовая она. Муж на фронте погиб. Намаялась одна с ребенком.

И опять он получил укор совести: он бы тоже воевал, защищал Родину, если бы не это, то, что случилось в 37.

- Тетя Анисья, реабилитирован я, за отсутствием состава преступления. Вот документ. Ты не думай, я не враг, это ошибка была местной власти, - как будто оправдыва-

ясь и перед теткой Анисьей, и перед другими женщинами, потерявшими родных и близких на войне, говорил он. - Я пошел бы на войну, кабы...

- Родименький, и хто ж тобі вянить? Ня думай ня об чом... - тетка с жалостью смотрела на него.

- Я, наверное, пойду, - встал он из-за стола.

- Алешенька, куды же ты на ночь глядя? Ночуй в нас, а утром пидэшь. Я разбуджу. Али вона Марийка.

Марийка подняла на него свои огромные серые глаза в темных, длинных ресницах, смущенно улыбнулась и кивнула. Алексею подумалось: «Вот такой же красивой была и Алена, когда меня забирали...».

Ночью ему не спалось. Ночью за окном пели про одинокую гармонь, про кудрявую рябину. Рвала на части душу гармошка, переливалась нежными наигрышами. Ночью за окном цвела черемуха, осыпая подоконник его комнаты белым снегом...

А Алексей всю ночь напролет вспоминал. Думал о своей жизни.

В тридцать седьмом ему было 18, он закончил школу, собирался поступать в педагогический институт, работал летом в колхозе. Как сейчас помнил он то лето, каждый день помнил. А последние дни - по часам.

Он - красивый, чубатый, жизнерадостный комсомолец-активист. Сколько идей тогда роилось в молодой и горячей голове его!

«Откроем в деревне новый Народный дом, электричество пустим, трактора на поля», - говорил на собрании комсомольской ячейки тогдашний председатель артели Николай Петрович. А он ему вторил: «Школу новую откроем. Я там буду учительствовать. В церкви Народный дом нужно открыть. Кружки всякие по интересам, как в городе: и хор, и оркестр. Религия теперь не нужна. Люди лучше заживут». Такие они строили планы. Но не удалось ничего. Потом, в лагере, он встретил бывшего священника, такого же, как он, зека по статье 58, и тот разъяснил ему, что все страдания теперешние от безверия, потому что храмы разрушили, веру попрали...

А в стране уже шли собрания и митинги с осуждением «блоков», «коалиций», отдельных «врагов народа». И он участвовал в этих собраниях, и он осуждал, свято веря в справедливость происходящего, не подозревая, какая участь ждет его через несколько месяцев.

Летом он работал на сенокосе. И Алёнка работала. Алёнка была его одноклассницей. Вместе с ней он каждое воскресенье ходил на учебу в волостное село в среднюю школу. Вдвоем из деревни ходили. Все остальные бросили: либо из бедности, потому что носить и есть было нечего, либо из лени, либо от отсутствия способностей. Они выдержали, доучились. И учились лучше всех в классе. Учителя на них нарадоваться не могли.

Каждое воскресенье шли они в школу, чтобы неделю жить на квартире у малознакомых людей, питаться одной картошкой и черным хлебом, спать на полу на кухне, прикрывшись собственными фуфайчками. Но как трудно им ни было, а тяга к знаниям все переборола.

Алексей помнил, как ходили они с Аленой на выпускной вечер за аттестатами. Шли и мечтали. Он - об учительстве, она о том, что станет ученым-агрономом, разведет в Сибири яблоневые и вишневые сады, как на родине их предков (и его, и её родители вместе со своими матерями и отцами в столыпинские реформы пришли с Украины, вот почему тетка так «якала»), «Какая будет красота, красота какая будет! Весной все будет цвести, а осенью так сладко будет пахнуть яблоками...» Они оба в глаза не

видели яблок, не испытали их аромата, но знали об этом из рассказов матерей. Как хорошо и безмятежно им было!

А теперь они вместе со всем селом были на покосе. Аленка стояла на стогу, он с ней рядом, выполняли самую ответственную работу - вершили стог. И это у них неплохо получалось. Иногда налетал легкий ветерок. Он трепал длинную, роскошную Аленкину косу, завитки волос по бокам её лица, волнистую чёлку её. Она подставляла ветру и солнцу красивое чернобровое лицо и смеялась. А он исподтишка, склонив голову, любовался ей...

... После вечерки они, вдоволь напевшись и наплясавшись, гуляли, взявшись за руки, по селу. Он говорил ей про то, что скоро им уезжать в город на учебу, и там они, наверно, уже не будут видеть друг друга каждый день. Они грустили и вздыхали, заранее предчувствуя разлуку. А потом был рассвет, багряно-красный, с росами, без пения птиц почему-то. Они расстались с Аленкой на рассвете возле калитки её забора. И он так и не решился её поцеловать. Даже обнять крепко не решился. Сколько раз потом он жалел об этом, сколько корил себя! Ведь если что и было светлого в его жизни, только детство да этот короткий промежуток юности.

Утром следующего дня Алексей с отцом точили косы, готовились к новому рабочему дню. Сестренка Мотя, одна из пяти сестер его, ходила к роднику за водой, и теперь плескала ему в лицо леденящими, светлыми, играющими в лучах солнца брызгами... Он на неё смешно фырчал, и она залиvisto хохотала. Мотя была любимицей не только Алексея, но и всей семьи: красивая, бойкая, любознательная, озорная, и при этом трудолюбивая и добрая. Им всегда было весело вместе: и дома за работой, и в такие минуты отдыха. А в то утро почему-то особенно хотелось смеяться. Слишком уж спокойное и яркое оно было, его последнее утро в родном доме.

«Где она теперь, Мотя? Какой стала, воспитавшись в общественном заведении?» И опять целый веер воспоминаний всколыхнул душу Алексея...

...Вот с крыльца кричит мать, зовет на завтрак: «Эй, работники колхозные! А ну исты! Исти ступайте! Як будете робить без яды?» И мать в то утро была, как никогда, веселой.

«Сколько, родная, землю греешь, сколько лет!» - простонал он опять про себя.

...Они с отцом обсуждали планы на сегодняшний покос (отец был колхозным бригадиром), когда в избу ворвалась Степанида, сельсоветская уборщица, простоволосая, запыхавшаяся. Ворвалась и закричала:

- Ой, Лышенько, ой, горюшко! Скильки мужиков зарестовалы! Со Стретенки, с Пихтовки... и до вас зараз идуть! Алешка, ты движок в прошлом годе правив?

Алешка кивнул. Было дело. Помогал Макару Ивановичу, колхозному механику, отремонтировать локомотив. Он потом еще долго работал.

- Ховайся, сынку, зараз и до тэбэ придуть. Я вкрадкой слыхала!

- Чего ты мелешь, ворона?! Куда придут? Зачем? - отец недоверчиво посмотрел на Степаниду.

- Ня уру! Ня уру! Истина правда! Тикай, Алешка!

- Никуда он не побежит, - сказала мать. - Насочиняла тут.

- Як хотите. Пиду я. Хватются.

И Степанида выскочила из дома.

А они слышали шум машины. Увидели из окна двух в форме НКВД.

Мать испуганно металась по комнате. Притихли девчонки на печке. Отец застыл за столом с куском хлеба во рту.

И только он был спокоен и безмятежен. Не верил он словам Степаниды. Не верил. Ведь он ничего плохого не делал.

А потом он как бы выпал из действительности, так был ошарашен происходящим. Помнил, как сквозь туман, как везли его к сельсовету на машине, как допрашивали. Как потом ночь сидели они, 19 мужиков, и он, мальчишка, запертые в колхозном складе, ожидая подводы, на которой их отправят в район.

Помнил, как всю ночь выли собаки и голосили бабы, кричали дурниной на разные голоса. Конвойные ругались, не подпуская их к амбару. А они все молили: «Пусти, родимый! Хоть глазком глянуть! И вот передать, носочки да хлеба!»

...Арестовали лучших, передовых колхозников, самых умных и крепких хозяйственников. Среди них были счетовод, механик Макар Иванович, председатель колхоза Николай Петрович. Николай Петрович, сразу постаревший и сникший, горевал только об одном, что не успел воплотить свои мечты в жизнь. «Ни света не провел, ни трактора не пустил», - говорил он, махнув рукой.

...А утром их увозили на лошадях. И как ни старались конвойные разгонять людей, но не смогли противостоять деревне. Их провожали все. Вся деревня оплакивала своих мужиков. Они сидели молча, понурые, зная, что оттуда, куда их везут, еще не один не вернулся.

И только он, не верящий в кругом происходящее, думал о том, что это ошибка - его арест.

Он так и крикнул матери, про ошибку, увидев её, плачущую, в толпе.

- Мама, неправда все, не верь никому, я вернусь!

Увидев в толпе печальное, бледное лицо Аленки, крикнул и ей:

- Алёнка, жди, я вернусь! Мы ещё поедим яблоч из твоего сада... Ты расти их, расти!

...Остальная жизнь виделась Алексею одним сплошным черным днем. Допросы, конвои, пересыльные пункты, теплушки, лагеря. Его часто и страшно били. Сначала били в районе, требуя подписать бумаги с обвинениями в тех деяниях, которых он не совершал. В первый же день выбили зубы и превратили в страшное месиво его молодое лицо.

В камере сидел старый большевик, прошедший не один этап царской охранки. Именно он посоветовал Алексею признаться, сказав:

- Эти страшнее царя, они фанатики, пока своего не добьются, ее успокоятся. Подпиши, сынок, хоть бить бросят.

У самого у него были перебиты ноги, фаланги пальцев, но он молчал.

А Алешка подписал. Сознался в том, чего не делал. И на некоторое время его оставили в покое...

Он получил 20 лет лагерей. «Порча колхозного имущества, вредительство и т.д.»

«Да, - думал он теперь, - и в лагерях были люди»... Такие, как старый большевик Андрей Владимирович. Люди эти не ломались, даже невзирая на обстоятельства. Учителя, врачи, партработники, ученые, преподаватели вузов, артисты, художники, военные... Кого он только за эти годы не встретил на своем лагерном пути!

Но главным человеком в судьбе Алексея был Самсон Иванович.

Самсона Ивановича он встретил в теплушке, везущей их на далекую Колыму. И потом много лет жил с ним рядом в бараке.

Именно Самсон Иванович научил Алексея «азбуке выживания». «Чтобы не сойти с ума в этом аду, думай, занимай голову хорошими мыслями, всегда, что бы ты ни

делал, занимай мозги».

Самсон Иванович был преподавателем ВУЗа, профессором, ученым, историком, филологом, до революции он закончил один из престижных европейских ВУЗов. Был востребован и Советской властью. И сидел, как он сам говорил, за дело, в отличие от многих, за критику современного строя. Он удивлялся, как его не расстреляли. Заменяли расстрел 20-летним сроком лагерей.

Самсон Иванович много знал из науки, из жизни. В те благословенные минуты, когда они находились в бараке без надзора, о чем он только не рассказывал Алексею: об авиации, путешествиях, об открытиях Эйнштейна, дальних странах, поэзии, музыке, философии, христианстве.

Много книг прочитал наизусть он Алешке. А Алешка все запомнил. Ведь не зря он был лучшим учеником в сельской школе.

После рассказов Самсона Ивановича Алешке еще больше хотелось на волю. Хотелось учить детей, путешествовать, покорять вершины, изучать море...

Он не раз пытался бежать, его ловили, травили собаками, жестоко били, бросали в карцер, потом возвращали в барак. Самсон Иванович говорил: «Я виноват. Не надо было ничего тебе рассказывать». Алексей возражал: «При чём тут Вы? Жизнь поганая, а жить все равно хочется».

Да, жизнь манила его, молодого и здорового. Он мечтал о любви, мечтал о том, как его освободят и он вернется домой. А дома Алёнка и свадьба. И - первая ночь...

Но случилось иначе. Во время одного из «шмонов» старая надзирательница, увидев его молодое, здоровое тело, затащила его к себе в каптерку и буквально надругалась над ним. Она была грязная, пропахшая потом, махоркой, самогоном и еще чем-то противным. Его стошнило, а она сидела и нагло хохотала: «Что, вражина, не нравится?».

Потом, когда он на лесоповале схватил воспаление легких и лежал в лазарете, он сошелся с Наташей, фельдшерницей, красивой, легкой, доброй, старше себя. Наташа жалела его, гладила по волосам: «Алешенька, ты не досидишь, ты же не виноватый, тебя обязательно выпустят. Вот увидишь».

Про их роман узнала старшая медсестра, озлобленная, грубая женщина, донесла врачу, и тот, чтоб спасти Наташу, временно отстранил ее от работы.

На этом все закончилось. Наташа отдаленно напоминала ему Аленку: те же черные брови, большие глаза и коса, коса до пояса.

Потом он еще несколько раз влюблялся: в поварих, обслугу, в случайно увиденных через лагерную ограду женщин... Последние четыре года жил с Анной, тоже вольнопоселенной. Жил просто потому, что надо было с кем-то жить, не любя. А она это ощущала и корила: «Зачем же так-то, давай лучше разбежимся. Живем как амебы». До ареста Анна была биологом.

...Он мог бы сейчас вспомнить все ужасы, павшие на его несчастную голову: работа на лесах, на строительстве железной дороги. До изнеможения, до того что ноги не идут. Голод и холод, драки в бараках до крови из-за куска хлеба, болезни, издевательства конвоя, карцеры, собаки... Смерть людей, смерть, смерть, каждый день смерть.

По даже сейчас ему вспоминалось только хорошее. Его, хорошего, было мало, но думалось только о нем. И не было у него обиды на страну, на власть, на людей...

Такая, видно, судьба. Против Бога не пойдешь. А вспоминать хорошее, и в Бога верить его научил Самсон Иванович.

Потому Алексей и выжил. А Самсона Ивановича 5 лет как не стало. Просто одна-

жды уснул рядом с ним в бараке и не проснулся. Вот тогда он плакал, впервые за долгие годы лагерей... И сам закрыл глаза своему другу и учителю.

...Утром он спросил у тетки, где ее младшие, ведь семья-то была мал мала меньше.

- Двое у городу учатся, кто у волости, своей семьей живе, кто тута. Паспортов нету, а то б тож въехали. Денег не получаем, работаем за трудодни.

Алексей, вспомнив, что перед отъездом получил большую сумму, достал, протянул деньги тетке Анисье.

- На. Купишь гостинцев внукам, детям. Матери вез...

Тетка засмушалась, стала отказываться. Он сунул деньги ей в карман фартука, спросил:

- Еще. Тетя Анисья, а, может, ты знаешь, кто из тех, кого со мной тогда, вернулся?

- Нема никого. Один ты, Лёшенька.

И заплакала.

- Нэ ходы до дому, пусто тама. Нет никого.

Алексей твердо сказал:

- Дом там. Могилы родителей. Родина. Надо идти.

...Он шел в свою деревню со смешанным чувством. С одной стороны, печаль горькая от того, что умерли и разбрелись по белу свету все близкие, с другой стороны - волнение от встречи с родными местами. Шел и отмечал, как все изменилось: дорога стала выше и шире, часто встречались машины, лес, кажется, стал другим.

Он часто останавливался, обнимая березки, осинки, трогал каждый кустик смородины, каждую черёмушку в белой накидке ласкал. Дышал и не мог надышаться пьянящим весенним воздухом. Воздухом родины. Смотрел и не мог насмотреться на чистое небо. Небо родины

Какой-то чужой, зловещий голос шепнул ему: «Что ты обнимаешь березы? Мало ты их повалил в лагере? Что дышишь? Мало ты был на свежем воздухе? Вся жизнь на улице прошла, без дома, без семьи».

А он спорил с этим невидимым голосом: «То было чужое, некрасивое, горькое. А это - свое, родимое, сладкое».

Незаметно он вышел к реке, реке его детства. Здесь когда-то отец учил его плавать, здесь они с мальчишками ловили рыбу. Отсюда с берега реки любовался он закатами и рассветами.

И опять вспоминалась Аленка. Ведь по этой дороге ходили они в школу, возле этой реки останавливались весной, чтоб посмотреть на ледоход, осенью на плывущие цветные листья - кораблики. Интересно, какая она теперь, Аленка, чужая вдова? Тетка о ней почти ничего не говорила.

Алексей прошел по деревенской улице, вглядываясь в каждый дом, в каждое окошко, надеясь что-нибудь увидеть. Он уже не боялся насмешек и укоров, знал: на родине его поймут. Но людей он не увидел: был полдень, взрослые были на работе, дети - в школе.

С каким-то особым болезненным чувством в груди подошел Алексей к родительскому дому. Так и есть. Все, как предупреждала тетка: дом, большой и светлый раньше, стал похож на избушку. Забитые сгнившими досками окна, покосившаяся печная труба, крыльцо, отошедшее от сеней, калитка, висящая на одном гвозде.

Он поклонился поясно родному дому, поцеловал землю - заросшую первой весенней травой тропинку... Боль в груди все росла и росла, и она была непохожей на обычную боль от волнения или тоски: отдавала в позвоночник, в скулы, во вставлен-

ные зубы протезы... Преодолевая эту нетерпимую боль, он сел на крыльцо и тихо произнес:

- Дома. Теперь и умереть можно.

Алексея нашли ближе к вечеру две женщины: местная учительница и ее дочь, 17-летняя девушка. Первой заметила его девушка:

- Мама, посмотри, там какой-то старик седой сидит. И одет не по-нашему, по-городскому.

Мать первой сообразила, в чем дело, сказала:

- Беги в деревню. В сельсовет. И людей позови.

Пришли люди. Председатель сельсовета подошел ближе к покойному, достал из кармана длинного пальто документы, справку о реабилитации. «Миронов Алексей Егорович реабилитирован за отсутствием состава преступления», - прочитал он вслух.

Люди стояли молча, сняв шапки. И только учительница, сглатывая слезы, бегущие по щекам, прошептала: «Прости меня, Алешенька, не выполнила я твой наказ. Не вырастила сад. Всю жизнь вместо тебя детей учила. В нашей с тобой школе».

Шел май 1957 года. Прошло почти 20 лет со дня ареста Алексея Миронова.

Короткие рассказы о вере и верности, любви и дружбе, красоте и добре Оптимистка

Как вы думаете, для чего существуют разные возрасты нашей жизни? Каждый скажет, что детство существует для того, чтобы беззаботно постигать мир, юность - чтобы любить, зрелость - чтобы много работать, воспитывать детей, а старость - для того, чтобы нянчить внуков, давать мудрые советы, писать мемуары.

Скажет, и будет прав.

А, может, преклонные годы - это финансовые проблемы, болезни, склероз?

«Еще чего! Склероз и малярия - не про нас! Наш девиз - любить всегда!» - считает моя лучшая подруга Вера, которой уже далеко за сорок.

Считает так и совершенно не обращает внимания на суста-вы, на боль в голове, на то, что сердце бьется не от восторга душевного, как в юности...

И она влюбляется. Влюбляется часто и безответно. И не важ-но, что предмет обожания даже о ее пламенной любви и не подозревает. Не важно, что скептически улыбаются коллеги по работе, видя ее «нетоварный» вид и блестящие глаза. Что соседи вслед ухмыляются: «В ее-то годы так порхать!»...

Верит Вера: любовь настоящая существует и когда-нибудь, хоть на один месяц, на один час, на один день да посетит ее в ее одинокой нескладной жизни в маленькой квартирке провинциального городка.

Ничего, что ошибалась

И уже не молода,

Ведь на сердце не осталось

От ожога и следа -

цитирует Вера Ларису Рубальскую, любимую поэтессу. Цитирует и не боится ошибиться. Верит моя подруга, и все, что она задумала - сбудется, потому что вера - половина успеха, даже в таком безнадежном деле, как надежда на позднюю любовь...

О гранях поэзии

Сегодня на уроке мы с моими учениками говорили о поэзии. О нашей родной, сибирской. Читали произведения местных поэтов: А. Шарапинского, В. Абрамова, Веры, пожелавшей остаться неизвестной, инкогнито и потому подписывающейся псевдонимом. Понятно, пишет о самом сокровенном, дорогом для нее, вероятно, и боится по этой причине... Боится оказаться непонятой.

А зря. Стихи-то очень хорошие, прямо-таки и льются в душу, хотя Вера ничего великого, вроде, не открывает, о грандиозном не размышляет... Наоборот, рассказывает о себе и своих чувствах.

Вот мальчишки мои, на переменах шаловливые, громко бегавшие и кричавшие, замерли, примолкли-призадумались под впечатлением поэтическим. Задумалась и я: кто был больше прав из гениев наших: Маяковский или Пушкин? Один, утверждая, что «поэзия вся - езда в незнакомое», второй, называя стихи «заветной лирой», то есть «исповедью, словом от сердца, наказом на будущее»?

Наверное, оба. Ведь грани поэзии неизмеримы, как и сами поэты, и сама их жизнь, сложная и противоречивая, но всегда прекрасная...

Вечно юное сияние

Мы с моей подругой Людой Семеновой в ту светлую пору, когда нам было по 16, бегали на танцы в клуб в соседнюю деревню. По причине того, что клуб в нашей деревне в то лето был закрыт на ремонт.

Танцы были замечательные, хоть и клуб совсем маленький. А музыка звучала на танцах одна и та же - песни из репертуара разных ВИА, ансамблей, так популярных в 70-е. Особенно часто одну песню включали, про первый поцелуй. Видно, тогдашнему диск-жокею сильно композиция, по-теперешнему говоря, нравилась. Нравилась она и нам с подружкой.

Было небо выше,
Были звезды ярче,
И прозрачный месяц
Плыл в туманной мгле,
Там, где прикоснулись
Девочка и мальчик
К самой светлой тайне на земле...

...Слушали мы с Людкой, и сердечки наши девичьи юные, к Вечной Тайне еще не прикоснувшиеся, замирали, и глаза блещали, сияли неизъяснимым восторгом...

Потом, после танцев, мы шли по темной дороге через мост, через темный лес, и говорили, говорили... Говорили не от страха, а потому что впечатлений была масса, и хотелось ими быстрее с кем-то поделиться. Вот мы и делились секретами друг с другом. И разносились наши звонкие голоса далеко--далеко, и слушала нас летняя ночь, прекрасная, безмолвная, дышащая ароматами, волнуемая неизвестностью, как и все, что окружает нас в 16 лет, когда кажется, что перед тобой весь Мир и весь он у твоих ног...

... Прошло почти 30 лет, прежде чем я снова встретила свою подругу Людмилу. Встретила в палате диагностического центра городка, куда я приехала лечиться, а подруга моя жила уже много лет. Узнала Люда, что я попала в аварию, отыскала через друзей и знакомых меня.

И вот лежу я, не один месяц прикованная к больничной койке, лежу и глазам своим не верю: стоит передо мной Людмила, красивая и молодая, большеглазая и

стройная. Стоит и говорит:

- А знаешь, я ведь уже бабушка, у меня внучка есть - Ангелина - ангелочек...

И улыбается своей нежной застенчивой улыбкой, как все-гда улыбалась.

А я смотрю на нее и думаю: «Сама ты ангелочек, а не бабушка. И годы тебя совсем не изменили. Ни характер твой добрый, ни внешность...»

И на душе у меня тепло и спокойно становится, как будто нет изматывающей боли, неподвижности, черных мыслей в голове. Да и 30-ти лет как не бывало.

Радостно нам обеим не потому, что многое в юности вме-сте пережито, а потому, что впереди еще много. И в глазах у нас не уныние, не слезы, все то же юное сияние...

На родине

После долгого отсутствия я еду на родину.

Стоит в оврагах-кюветах темная вода. Бегут мне навстречу белоствольные березки и елочки, молоденькие осинки хороводят вдоль дороги... Зеленеет нежная травка, кланяются в пояс первоцветы...

- Здравствуйте! - говорю радостно всему живому, что встречается в пути.

Радуюсь, и вместе с попутчиками рассуждаю по поводу того, какие перемены произошли на родине за последнее время. Строится новая дорога, ожили заросшие травой в 90-е поля, пахут их землю тракторы, готовят под посев, чтобы потом, осенью, заколосилась здесь пшеница, хлеб наш насущный...

После часа пути подъезжаем к родному селу.

Мост, поворот, и вот он - Остяцк. Село наше расположено так, что часть его домов стоит на пригорке, а часть - под горой. Дома, как по ступенькам, поднимаются вверх, открывая основные улицы.

А еще омывает Остяцк со всех сторон Тара - красавица, с прозрачной водой, с песчаными берегами, с ветлами, склоненными низко-низко, с кувшинками летом, а осе-нью - с листьями, уплывающими куда-то за горизонт... Сколько тропок проложено вдоль речки! Сколько дум передумали мои земляки, глядя на вечное одностороннее движение воды в реке!

Внимательно вглядываюсь в то, что мне так памятно и дорого. Все так и иначе. Та же дорога, ведущая вверх, те же черемухи и тополя в палисадниках, только очень выросшие за последние три года... Вроде та же улица, но вот там вместо дома - пусто-та, и там, и дальше... А в этом доме нет окон, а когда-то звучал детский смех... А тот дом был большим и просторным, а сейчас покосился, врос в землю одним углом...

Становится грустно. Уезжают люди из деревни, уезжают или уходят навсегда туда, откуда еще никто не возвращался...

Щемит сердце, потому что понимаешь: время не щадит никого и ничего... Но, наверное, в этом и есть вечность мира: уходит одно поколение, чтоб на смену пришло другое, молодое, активное, более развитое и мудрое. Чтоб подхватить эстафету добрых дел отцов, чтобы хранить культуру и традиции, чтоб не совершать ошибок, некогда кем-то уже совершенных...

Подъезжаем к дому родителей. Это не тот дом, где прошло детство мое и моих братьев. Старый дом давным-давно снесли, а на его месте построили новый, но все равно он мне дорог, хотя бы потому, что растут возле дома те же кусты, та же черему-ха засыпает белым цветом дорожку к крыльцу, да и внутри двора и дома все по-прежнему.

На пороге меня встречает мама, красивая, как всегда, счастливая при виде меня

здоровой и на своих ногах.

Обнимает, зовет к столу и тут же делится свежими сельскими новостями: у кого-то сын поступил в институт, у кого-то была свадьба, а у кого-то ребенок появился в семье...

Вдоволь наевшись маминых разносолов, поговорив с отцом о том - о сем, отправляюсь на улицу, чтобы навестить соседок, с которыми бок о бок жила много лет. Соседки, каждая по очереди, перво-наперво интересуются моим здоровьем, потом рассказывают о своем житье-бытье... Зная мою страстную привязанность к садовым цветам, соседки одаривают меня, кто чем может: Ольга Ивановна выкапывает кустик ландышей, Александра Егоровна дарит флоксы, а Татьяна Яковлевна от щедрости душевной готова мне в пакет весь палисадник переместить. Здесь и колокольчики, и фиалки, и табак... Я растрогана до слез, благодарю соседок, они в ответ кивают головами. Мол, да что там, пустяки!

Иду в школу. Какие разительные перемены! Вместо старого, потемневшего от времени здания, - светлое кирпичное, построенное по современным технологиям. Да и внутри все по-другому, иначе, как было в мою ученическую бытность и позже, когда я работала здесь учителем. Просторные классы и коридоры, красочное оформление, компьютеры...

Школа, практически ничем не отличающаяся от городской.

На стенах коридора - стенды по истории села. Среди фотографий выпускников - фотографии людей, известных в районе. А вот и мое фото, старый снимок студенческой поры. Опять чувство легкой грусти само собой поднимается из глубин душевных. Как много лет прошло!

Общаюсь с коллегами - педагогами. Говорим об учениках, о проблемах современной школы. Учителя для меня - все хорошо знакомые люди: с одними я вместе училась, с другими - работала, третьих сама учила... И это особенно приятно: значит, жива наша учительская профессия, жива школа, хоть и мало учеников в классах, да и село живо, если не все молодые отправляются в город в поисках счастья, если остаются на родной земле, чтобы учить, лечить, растить детей, пахать землю, чтобы жить, как жили здесь предки с самого основания села...

Вечером возвращаюсь на рейсовом автобусе в райцентр, где я теперь живу постоянно, рассуждаю про себя на темы, может быть, немного высокопарные, но вечные. Почему мы уезжаем в юности из родных благодатных мест, где и природа, и люди, и даже воздух необычайные, особенные, иначе, чем везде? Почему потом, повзрослев, стремимся сюда и душой и физически? Какая неукротимая, не объяснимая логикой, сила влечет нас на малую родину? Да и что это за понятие «родина»?

На мой взгляд, это место, где сущность наша человеческая обретает спокойствие и раскованность, свободу духовную и физическую. Свобода эта не означает анархию мыслей и идей, расхлябанность чувств и поступков. Нет, это иная свобода, свобода быть самим собой, искренним и естественным, без масок и грима, без позы и фразерства, без налета лицемерия, лукавства, хитрости... Кто-то возразит: «А что, в другом месте можно жить по другим принципам?» Нет, конечно, нет. Но только на родине особенно ярко проявляются наши лучшие качества и чувства, и только на родине особенно четко видны наши недостатки и дурные поступки. И именно земляки особенно высоко ценят твои достоинства, и судят тебя здесь, на родине, особенно строго. Поэтому «родина» - это еще ответственность, высокий экзамен на человечность и человеческое...

И как бы хотелось, чтобы каждый из нас сдавал его лишь на «отлично»...

Тезки

Имя у меня не редкое, но и не часто встречающееся. Но меня судьба то и дело сталкивает с людьми, у которых то же самое имя, что и у меня. Все-таки, наверное, у тезок есть нечто общее, если не в характере, то во взглядах на жизнь, без сомнения...

В мою бытность студенткой, на нашем факультете было четыре девушки с именем «Рая», причем три были из моего родного Северного района. По этому поводу один мой однокурсник даже пошутил: «У вас там что, Рай по трафарету штампуют?»

Штамповали или нет, но так получилось, что мы учились в одно время и на одном факультете: две на одном курсе, одна - двумя курсами ниже.

И тезку-однокурсницу свою, и тезку-неоднокурсницу я хорошо знала и знаю.

Хоть и закончили они один и тот же факультет почти в одно время, судьбы у них сложились по-разному.

Одна вернулась в район сразу по окончании вуза, другая - только после странствий по «дальним краям». Одна от начала трудовой карьеры до теперешних дней занимается преподавательской деятельностью, второй пришлось много работать в выборных должностях. У одной в семье четверо детей, причем, трое уже взрослые, у другой - единственный сын школьного возраста. Одна всю жизнь учительница, другая - уже много лет - директор Дома детского творчества. И привычки у них разные, и манеры поведения отличаются, и стиль общения с окружающими неодинаковый.

Но все же есть у моих тезок общее: каждая из них по-своему красива, умна, талантлива. Каждая трудолюбива и порядочна. И каждая по-своему верна однажды избранному делу, верна и влюблена в свою профессию...

Когда мы изредка встречаемся с моими тезками-коллегами, мы, конечно, вспоминаем студенческие годы, но больше всего говорим о том, что нам сейчас интересно - о школе и учениках. Говорим о серьезном и не слишком.

А мне все время хочется сказать им нечто ласковое, душу греющее... Хочется, а не решаюсь вслух. Вот и говорю им в письменной форме: «Дорогие мои! Пусть судьба бережет вас от болезней и напастей, от невзгод и ненужных забот. Больше радостей, великих и простых! Тебе, Раиса Петровна Гришко! Тебе, Раиса Владимировна Акилина! Удачи вам! Все-таки вы мне не чужие люди, тезки все-таки... А значит, есть в вас что-то от меня, а во мне - от вас»...

2004 год

О школьной любви и подлинной красоте

Всем хорошо известно, и учителям, и учащимся, что большинство школьников старших классов или уже, или когда-то, или сейчас влюблены. Если не 100%, то процентов 70-80 точно.

Вот и в нашем выпускном, десятом, было несколько влюбленных пар. Пар было несколько, а соединилась навсегда одна. Остальным, видно, было не судьба. А эти поженились потом, года через три после школы. Не знаю, как и когда они подружились, как начинались их отношения. Знаю только, что постоянно мы их видели вместе.

Его - белокурого, с вьющимися волосами, чем-то неуловимым похожего на великого и противоречивого Есенина.

Её - черноволосую, чернобровую,

смуглую, с яркими губами и белозу-

бой улыбкой. И характеры у них были разные, и семьи по составу. Он был младшим в семье, где старшие братья и двое родителей. Она - старшая в семье, где одна мама и младшие братья. Поэтому они постоянно о ком-то заботились. Он - степенный, у нее характер - вихрь огненный. Быстро ходит, поет зычно и задорно, даже у доски отвечает очень энергично.

Не знаю, какие общие интересы их сблизили, знаю только, что имя у них, точнее, фамилия, уже тогда, 30 лет назад, была общая. Во всяком случае, для меня.

В моем сознании они никогда не были Валерой и Галей, а всегда «Батыгины». «Это у Батыгиных нужно спросить», - думала я, и, как мне тогда казалось, другие одноклассники тоже. Видно, неразделимость, взаимность их чувств и делали их единым целым в нашем представлении...

Заботливость и энергичность, как две основополагающие и притягательные черты, сохранились в характере моей одноклассницы и во взрослой жизни. И в этом я убедилась, когда однажды попала в участковую больницу, где она до сих пор работает медсестрой. Никого из больных не обделит ни вниманием, ни словом ласковым: ребенка по голове погладит, старушку утешит, со зрелой женщиной о перипетиях судьбы-злодейки порассуждает. И при этом еще свои безразмерные обязанности медсестры выполняет с улыбкой на лице: и уколы-инъекции делает, и капельницы ставит, и таблетки разносит, и тяжелых с ложки кормит... И все споро и весело, так, что у больных настроение улучшается, и болезни куда-то на время пропадают.

В доме их с Валерой, уютном семейном гнездышке, наверное, перебивали по очереди все 30 бывших наших одноклассников. Одни - в ожидании приема у врача в той же больнице, другие - в ожидании попутного транспорта, чтоб до дома добраться по бездорожью нашему сибирскому. Всех приветили, обогрели, накормили, доброе слово сказали.

Да и сами все эти долгие годы дружно прожили, двоих детей вырастили...

Встречаю свою одноклассницу Галину в райцентре зимой. Идет по селу румяная, статная... Идет навстречу мне и о чем-то громко спутнице рассказывает. «Красавица», - вырывается непроизвольно у меня, когда я вижу, что она ничуть не изменилась. И тут же, по старой привычке, три раза через левое плечо плюю в сторону, чтобы не сглазить, не спугнуть кустодиевскую красоту, что так присуща женщинам нашим русским.

И в ответ слышу ироническое: «Не плюйся! Бесполезно! Истинную красоту ничем не испортишь». Шутит она так, Галина, потому что знает, главная красота её в другом - в щедрости душевной, в пользе, что несет детям, мужу, больным, бывшим школьным друзьям, людям, единым словом.

А такой красоте не страшны ни годы, ни расстояния...

2015 год **Тетя Надя**

Умерла тетя Надя. Кто-то из великих сказал, что смерть любого человека, в деревне или в городе, в соседнем доме или в не известной тебе далекой стране – всегда большое горе. Для его родных, близких или для целого сообщества людей, в зависимости от того, кем он был, ведь каждый живущий на земле уникален, и его приход в мир живых не будет повторен никогда, как бы не вещали нам новоявленные предсказатели.

Вот и смерть тети Нади потрясла, заставила плакать всю деревню. И не одну, а две соседние, потому что ее в этих селах знал каждый от мала до велика.

Да, тетя Надя не была известным политиком, знаменитым артистом или музыкантом, она даже и в город-то, вероятно, никогда не ездила. И в деревне своей не занимала руководящих постов. Всю жизнь тетя Надя занималась обыденными делами: домашним хозяйством, воспитанием детей. А еще во время массового дефицита тетя Надя шила. Шила и одаривала своими многочисленными обновками из ситца, шерсти, кожи наших местных щеголих. Шила и по выкройкам из модных журналов, и по устным описаниям заказчиков, шила ажурные кофточки с кружевами, теплые фланелевые халаты до пят и серьезные деловые костюмы. Изделия, сотворенные руками тети Нади, мало чем отличались от фирменных, хотя за свою работу она брала чисто символическую плату.

Кто-нибудь, прочитавший эти строки, скептически улыбнувшись, скажет: «Эка невидаль, мало ли мастериц в городах и деревнях, стремящихся заработать на кусок хлеба подобным способом?»

Мастериц, конечно, много, а таких, как тетя Надя, - единицы. Потому что она с раннего детства инвалид. В голодную военную пору перестали двигаться тетинадины ноги, согнулись искореженные болезнью пальцы на руках. Так и жила тетя Надя с увечьем и болью до самой старости.

Своей семьи у тети Нади никогда не было. Жила она в доме моего дяди Ильи и его жены тети Клавы, родной ее сестры.

Дядя Илья и тетя Клава – добрые люди, милосердные сердца, они как могли, заботились о тете Наде. А она в ответ платила сторицей: управлялась по хозяйству, нянчила пятерых детей тети Клавы и дяди Ильи.

Благодарные дети добрую тетю Надю не иначе, как «няней», называли. Видно, была она чем-то похожа на этих фей, несущих маленьким детям свет жизни: на Арину Родионовну и других известных нянь.

Когда я была маленькой, я была уже тогда поражена усердием и терпеливостью тети Нади. Помню, однажды пришли мы с мамой в дом дяди Ильи в период осеннего обострения тетинадиной неизлечимой болезни. Сидим и видим, как мучается тетя Надя, пытающаяся вдеть нитку в иголку швейной машинки. Руки совсем свело, нитка все время ее не слушается, а она снова и снова пытается что-то сделать. И при этом помощь мамину отвергает категорически: «Сама я должна, сама. Так привыкну и буду людей ждать. А работу-то делать надо».

Дядя Илья ругается: «Брось ты это дело, брось. Лучше станет и доделаешь. Потом как-нибудь». А тетя Надя в ответ: «Как же потом-то? Я же человеку пообещала...» Вот так: важно сделать обещанное, несмотря ни на что. И при этом никаких жалоб на здоровье и судьбу-злодейку. Поражали меня в тете Наде ее позитивный настрой к окружающим людям, уважительное отношение к ним. Помню, в пору моей юности, узнав, что я учусь в пединституте, тетя Надя тут же стала звать меня по имени-отчеству. На мое возмущенное: «Тетя Надя, да Вы что? Какая я Вам «Ивановна»?», тетя Надя отвечала так «Ты учительница, а учительниц только по отчеству и называют». «Да я еще студентка, не учительница». «Ну и что? – парировала тетя Надя. – Все одно, грамотная. Образованных на селе всегда уважали».

Впрочем, уважали они всей семьей не только «грамотных», но и всех, с кем пришлось им общаться. Всяк входящего в дом тетя Надя и тетя Клава встречали улыбкой, такой теплой и приветливой, что в ответ на нее невозможно было не улыбнуться. Со всяким вели дружескую беседу. Никого за свою жизнь сестры не осудили, никому тетушки мои худого слова не сказали, ни о ком дурно не отозвались.

Словом, жили обе сестры по человеческим и христианским законам. Тяготы судьбы: гибель моей двоюродной сестры Надежды, тетиклавиной дочери, смерть дяди Ильи – перенесли спокойно, безропотно, без стонов и жалоб. Терпением и выдержкой их можно гордиться.

А прошлой зимой беда настигла тетю Надю. В лютые январские морозы решила она выйти на улицу. Не выйти, выползти на коленях, как она передвигалась много лет. Выйти-то вышла, а вернуться назад сама не смогла. Инсульт проклятый сразил тетю Надю.

Совсем неподвижная лежала она целых 9 месяцев, пыталась что-то сказать, как рассказывала мне Тоня, еще одна моя сестра. Но так и не сказала своего последнего слова. Родные, как могли, облегчали муки тети Нади: ухаживали за ней, выполняли строго предписание врачей. Но все напрасно. В конце сентября тети Нади не стало.

Не стало тети Нади. И в моем сердце, как думаю, и в сердцах многих моих родственников и односельчан образовался маленький кусочек пустоты и горечи. Горечи от того, что еще один человек ушел из мира людей. Ушел, оставив после себя светлую память. И пусть тетя Надя не делала великих математических открытий, не летала в космос, не блистала на сцене, не руководила, не звала на подвиги. Но вся ее жизнь все равно подвиг. Подвиг терпения и добра во имя родных, близких, односельчан. А это тоже так важно – дарить добро окружающим.

Публикации разных лет Все начинается с любви

Семья начинается с любви. В настоящей семье все любят друг друга. Муж любит жену, жена - мужа. Родители любят детей, дети - родителей. И заботятся о бабушках и дедушках, старшем поколении. Семейная любовь - любовь особенная. Это любовь - понимание, любовь - сочувствие, любовь - жертвенность... Именно умение жертвовать своим временем, интересами, и даже жизнью и здоровьем лежит в основе семейной любви. И, если семья сложилась, такая любовь есть...

Мне повезло. Я родилась в семье, где есть любовь. Историю любви своих родителей Ивана Ивановича и Антонины Сергеевны Лавровых слышала в трех вариантах: мамин, отцовском и старинной маминой подружки Алевтины Егоровны Новиковой (Еремеевой в девичестве). В каждом из рассказов были свои подробности, нюансы, акценты, каждый из рассказчиков утверждал, что его версия самая верная и правильная, а Алевтина Егоровна при этом еще добавляла: «Только я тебе точно скажу: ты дитя любви». Из трех вариантов вылепился мой, четвертый, который я и передаю...

В маленькой таежной деревеньке Томиловке, уже давно исчезнувшей с карты Новосибирской области, вместе на одной квартире жили две молоденькие девчонки, попавшие сюда волею судьбы по распределению: учительница Аля и продавец Тоня (мама моя к тому моменту еще не имела педобразования, а закончила торговый техникум). Обе веселые, симпатичные, озорные (о чем свидетельствуют фотографии тех лет). Работали, радовались жизни, иногда ходили в кино. И вот однажды, накануне такого просмотра приснился Антонине странный сон... Разрезала она руку, а рану ей забинтовывает незнакомый парень с большими ясными глазами. Рассказала о своем чудном сне Тоня подружке, посмеялись они вместе и пошли вечером, как ни в чем не бывало в клуб. Сидят себе в зале, ждут сеанса. Вдруг входит киномеханик (в этом месте рассказа Алевтина Егоровна, как главный очевидец событий, обычно делает паузу и гово-

рит: «Тонька как хватит меня за руку, как начнет шептать: «Ой, это тот, из сна!»

Да, мама очень удивилась такому совпадению... Парень (а это был мой будущий отец) тоже посмотрел на маму (в этом месте Алевтина Егоровна обычно говорит восторженно: «Это была любовь с первого взгляда!»).

А вечером того же дня постучал парень в окно Антонине. Якобы нужно в магазине срочную покупку сделать. Такую срочную, что до утра потерпеть нельзя. Вышла мама на улицу, да так до утра и не дождалась её подруга. Всю ночь бродили влюбленные по селу, говорили. А через год поженились, и вот уже много лет вместе. Все делят пополам: радость, горе, бытовые трудности.

Мамочка моя тридцать пять лет отдала школе. Одной-единственной, Остяцкой общеобразовательной. Верой и правдой служила детям. Выучила не одно поколение односельчан, прививала детям лучшие качества: справедливость, честность, гуманное отношение к людям. Эти все качества они с отцом воспитали и в нас, своих детях.

Мы с моим братом Сергеем не были идеальными детьми. Так же, как все дети дошкольного возраста, мы активно постигали окружающий мир. Тем более простора для постижения в маленьком сибирском селе было вполне достаточно: широкая улица, где много таинственного, необычного; дома с резными наличниками; люди, живущие в этих домах; зеленая поляна перед домом.

Родители, люди во многом талантливые, заботились и о нашем детском развитии. В доме всегда были игрушки, спортивный инвентарь, книги.

Чтобы как-то обуздать нашу фантазию, направить её в нужное русло, родители покупали нам футбольные мячи, шайбы, коньки.

Мама и отец, как могли, воспитывали в нас эстетический вкус, умение видеть прекрасное в жизни и искусстве. Мама, от природы обладавшая красивым голосом и природным музыкальным слухом, учила и меня петь. В её репертуаре были народные песни, романсы, песни советских композиторов. Но никогда не было плохих песен.

Мамины песни я помню до сих пор. Я пела их своим детям, когда они были маленькими, пела ученикам на уроках. Пою и сейчас просто для себя. Есть в них особая прелесть, которой нет во многих современных песнях. За простыми словами и незамысловатой мелодией скрываются искренние чувства, глубокий философский смысл.

Отец Иван Иванович, будучи киномехаником, заражал нас любовью к кино. Он знал не только имена актеров прошлого столетия, а мог целую творческую лекцию прочитать. Родители мои и сейчас смотрят и читают только то, что дает духовную пищу, что воспитывает душу. И очень возмущаются тем, что слишком мало стало экранизироваться классики. Их возмущают сцены насилия, отсутствие в фильме или передаче добрых мыслей.

В нашем доме всегда было много журналов и газет: «Правда», «Советская Сибирь», «Крестьянка», «Воспитание школьников», детские издания. Все прочитывалось и обсуждалось на семейном совете. Лучшие заметки подклеивались папой в тетрадь. Папа и сам долгое время был селькором - писал в местную газету. А недавно, роюсь в семейном архиве, я обнаружила фото отца, помещенное на одной из страниц «Советской Сибири», выпуска, вероятно, 1967 года.

Своеобразной формой семейного отдыха было для нас радио. Популярны передачи 60-70-х годов «Ровесники», «В рабочий полдень», «Клуб знаменитых капитанов», мы слушали вместе со взрослыми. Слушали, обсуждали, делали выводы, чему и как она учит.

Пятничным вечером с замиранием сердца слушали «Встречу с песней», в субботу - «Театр у микрофона». Голоса Б. Андреева, Менглетта были для нас

родными и близкими.

В селе не было ни музыкальной школы, ни школы искусств, но были кружки в школе, был клуб. И когда мы подросли, родители отправили нас туда, на занятия: я играла в школьном театре, читала стихи и прозу, пела в школьном хоре, которым руководила мама.

Главными качествами человека папа и мама считали трудолюбие и заботу о близких. Мы с детства, как все сельские ребята, знали, как выращивают картофель, овощи, заготавливают дрова, собирают ягоды и грибы. Летом мои братья вместе с родителями ездили на покос, а я оставалась хозяйкой в доме. «Домовничать», как выражался папа, означало: убирать дом, двор, поливать огород, кормить скотину. А скотины во дворе было огромное количество: коровы, телята, куры, овцы, козы. И теперь рабочий день моих родителей по многолетней привычке начинается задолго до рассвета, а заканчивается в сумерках. Конечно, хозяйство у них уже не такое большое, но привычка трудиться осталась.

Любимой притчей моей мамы была притча о старике и венике. И мама тоже учила нас держаться друг друга, заботиться о других. Забота и боль за другого - вот, что было главным в их отношениях. Когда кто-то из них заболел, другой трогательно поил его лекарством, готовил вкусные угощения. Проблемы одного были проблемами другого, успехи друг друга - огромной радостью, так же они относились и к детям.

Прошло время. У нас, двух братьев и сестры, свои семьи. Не все получилось так, как хотелось. Мне пришлось поднимать детей одной, без мужа. Саша обрел счастье лишь во втором браке. А вот у Сергея все сложилось: четверо детей, есть внуки. Но мы всегда и во всем поддерживаем друг друга. Помогаем. И очень любим наших родителей. Ведь и у них все началось с любви.

Одна судьба на всех

Великая Отечественная. Ее образ приходит со страниц книг и учебников, из песен и стихов, из художественного и документального кино, с потемневших фото тех лет, из чудом сохранившихся фронтовых писем-треугольников. А главное, из воспоминаний людей, родных, близких или почти незнакомых.

Великая Отечественная в моем сознании ассоциируется с образом бабушки Матрены Исааковны Шичкиной. С портретом деда в красноармейской гимнастерке, в буденовке с красной звездой, с именами маминых старших братьев...

Моему деду Сергею Петровичу в 41 году было 42 года, его не призвали по причине плохого здоровья. Но он пошел на фронт добровольцем. Ах, как бушевала, как ругалась, как упрекала деда, как голосила на всю деревню бабушка, узнав, что дед ходил в военкомат проситься на фронт! К этому времени они уже проводили на войну двух старших сыновей - Ивана и Кузьму. А дома оставалось еще семь детей. Восьмой, Анатолий, родился, когда отец был уже на фронте.

Как ни уговаривала бабушка деда, он был непреклонен. Последним доводом жены прозвучало: «Сергей, ты же не стал воевать в гражданскую ни за «белых» ни за «красных». Два дня сидел в зарослях конопли, когда «красные» проводили мобилизацию. А от «белых» укрылся на дальней заимке. Тогда ты был молодой и здоровый. Что сейчас гонит тебя в страшное пекло?». На эти слова дед ответил просто и с достоинством: «Та война была несправедливая, свои убивали своих. А здесь свои против чужих объединились. Не могу я сидеть дома, когда мальчишек 17-летних убивают!».

И ушел защищать Родину в справедливом бою. Воевал Сергей Петрович под Москвой, был сапером. Недолгим оказался его фронтовой путь. В один из холодных декабрьских дней 41-го подорвался на mine. Получил тяжелое ранение. Лечился в госпитале в Москве, откуда прислал одно-единственное письмо, в котором завещал жене воспитывать детей достойными гражданами страны. Как радовались дети и бабушка этому письму! Как молились за то, чтобы у отца все было хорошо! А по весне увидела бабушка, как идет к ее дому Настя-письмоноска. Идет понурая, голову опустив, едва ноги передвигая. И замерли в испуге младшие на печке. Остановилась Анна с чугуном в руках. Коля бросил плести свой невод. И подкосились ноги у матери в предчувствии самого страшного. А когда Настя дрожащей рукой подала Матрене серый казенный конверт, упала она без чувств. И так лежала без сознания до самого вечера. Притихшие, зареванные ребятишки боялись к ней подходить. Не тревожили, как приказала пришедшая в дом фельдшерица. Только перенесли ее с грехом пополам на кровать.

Вечером Матрена очнулась. Молча поднялась, повязала черный траурный платок и, наконец, заговорила: «Ну, вот еще одной вдовой больше в деревне стало. Что делать? Пойду на работу. Коровы ждать не будут. А фронту нужны продукты».

Не могла моя бабушка в такое сложное время долго переживать свое личное горе. Совесть не позволяла, ответственность за общее дело. И забота о живых. О тех, кто был на фронте, кто остался дома, кого нужно было кормить, одевать, обувать, согреть теплом, душевным и реальным. И бабушка неустанно переживала и за тех, и за других.

Вместе со старшей дочерью Анной вручную пилили дрова на зиму, все вместе вскапывали и сажали огромный огород в 40 соток. А когда бригадир, из-за чего-то рассерчивший на Анну - старшую дочь, приказал отрезать этот самый огород до самого крыльца «в пользу колхоза», не побоялась бабушка пойти ночью в райцентр «искать правду». Пошла на прием к председателю райисполкома Филичкину, чтобы вернуть землю-кормилицу. Ночью, чтобы пойти днем на работу. А иначе было нельзя. Время было военное, за любую провинность можно было пострадать. Бабушке повезло. Помог ей Филичкин. Распорядился вернуть землю многодетной семье, что стало спасением от неминуемой голодной смерти.

Конечно, не могла Матрена Исааковна рассказать сыновьям в письмах на фронт о семейных горестях. Не положено было, да и сама не хотела. Письма на фронт писала старшая дочь Анна. Письма были веселые. Мол, живем сытно и тепло, а вам желаем крепко бить фашистов. А на самом деле, хлебнули и холода, и голода. С одеждой помогала ножная швейная машина, купленная до войны Кузьмой в городе. На этой машинке перешивали одежду, от пальто до платьев из холстины. Передавали ее от старших к младшим по наследству, пока не донашивали до дыр.

Кормились огородом, а по теплу, когда овощи заканчивались, переходили на подножный корм. Шли в лес, выкапывали и рвали все мало-мальски съестное. И так до самой осени, до нового урожая. А другие продукты – молоко, мясо, яйца – уходили на налоги, на поставки фронту. Хуже всего было с обувью. Негде и не на что было купить. Поэтому зиму и лето ходили в самодельных чирках. Оттого часто болели. Но никто не жаловался на судьбу. Каждый думал только о том, чтобы быстрее закончилась проклятая война. «Разве ж это горе? Горе у тех, кто под немцем жил, вот у эвакуированных действительно горе. А мы что? Работали да работали», - говорила бабушка после войны. А про то, что труд был непосильным, даже не заикнулась.

Пахали, сеяли, косили, жали. И не с помощью техники, на лошадях, быках, вручную. И не кто-нибудь, хрупкие женщины, полуголодные подростки, немощные старики. А зимой работали на ферме, зерноскладе, на заготовке дров, на строительстве дороги, по которой отправляли обозы.

Но самым тяжелым испытанием для всех было ожидание писем с фронта. Старшие Иван и Кузьма писали часто, писали не только матери, но и молодым женам. Иван имел звание лейтенанта, воевал на Украинском фронте, в 43-ем получил орден Красной Звезды. Кузьма был артиллеристом, защищал Севастополь. Только от младшего, Саньки, писем не было. Бабушка глаза выплакала, тайком, ставила свечки Богородице «во спасение души раба Божьего Александра», ходила к гадалке, ничего не помогло в октябре 43-го пришла «похоронка».

Только после войны узнала семья о судьбе брата и сына. У него была своя необычная история, короткой, но яркой, как полет звезды, жизни. На фронт ушел добровольцем, как и отец, прибавив себе два года возраста. Воевал на Могилевском направлении. В одном из боев был тяжело ранен, потерял сознание. И санитары, выносившие солдат с поля, приняли его за мертвого. Очнулся от того, что увидел яркий солнечный свет и двух женщин. Женщины: одна взрослая, другая – юная, говорили по-белорусски. Сам он хорошо знал этот язык, ведь бабушкина семья переехала в Сибирь из Белоруссии, и понял, что женщины хотят перенести его в дом. Так и случилось. Перенесли в хату, лечили травами, кормили бульбой, черным хлебом. Лечила, конечно, больше девушка. И как часто бывает, молодые люди потянулись друг к другу, полюбили.

Не было в их чувстве атрибутов любви в мирное время - свиданий, прогулок при луне. Было только ощущение опасности, что исходила от фашистов, занявших село. Но судьба берегла влюбленных. Соседи, хоть и видели, что девушка слишком часто лазает на чердак, но молчали.

Расплата пришла позже, когда девушка проводила Саню к партизанам, а потом он вновь попал в действующую армию. Кто-то донес фашистам, что в доме прятался раненный боец Красной Армии. Немцы, ворвавшись в дом, долго зверствовали: избивали прикладом и девушку, и мать, и младшего брата, а потом сожгли усадьбу. Но помогли люди. Вырыли землянку, тайком от полицаев и фашистов носили скудную еду. Об этом написала в письме та самая девушка, полюбившая Александра. Бабушка не ответила ей, не хотела убивать веру в чудо, в любовь в юном сердце.

А в 60-е пришло еще одно письмо, от «красных следопытов». Пионеры сообщали, что в ходе поисковой операции был найден солдатский медальон с именем «Шичкин А.С., уроженец села Кордон Северного района. Боец похоронен в селе Рыковичи Могилевской области».

Какой была судьба двоих старших? Иван вернулся в дом в 45-ом героем, вся грудь в орденах. После войны работал секретарем райкома партии в Молдавии, потом закончил «мореходку», много лет был на рыболовецком судне штурманом. Плавал по морям-океанам. А Кузьма пропал без вести в конце 44-го...

Бабушка, овдовевшая в 43 году, даже никогда и не помышляла о вторичном замужестве. Женщина, носившая высокое звание «матери-героини», осталась до конца верной мужу. Одна подняла 8 детей в голодное послевоенное время. Умерла она в 1979 году, тихо и спокойно, без жалоб и стонов, как и жизнь прожила.

Великая Отечественная стала испытанием не только для страны, но и для каждой семьи, живущей на территории Советского Союза. Испытанием на мужество, вер-

ность, любовь, на прочность характера. И обычные люди это испытание прошли. Люди, понявшие, ощутившие, прочувствовавшие главную истину: человек в трудное время должен быть там, где он всего нужнее. На фронте ли, в тылу ли, это чувство было общим для всех. Чувство единения Великого: дел, помыслов, душевных порывов, любви. С теми, кто знает, что такое Родина и как ее отстаивать.

Незабываемая школьная пора

История любой страны начинается с истории городов и сел, поселков и деревень. Личная история каждого человека начинается с детства: с отчего дома, родителей, школы, учителей. И от того, кто закладывает в детстве зерна «разумного, доброго, вечного», зависит порой вся оставшаяся жизнь. Мне в этом смысле повезло: на протяжении всей моей жизни, как правило, рядом со мной были настоящие люди.

Сначала я обучалась в Остяцкой школе, а в 1975 году мы, несколько ребят и девочек, решили продолжить свое обучение в Биазинской средней. Уроки проводились в двух зданиях: одно называлось «старая школа», другое - «новая», где помимо кабинета военного дела, в котором учился наш класс, был спортзал и еще два кабинета. Наш класс был самым большим и по наполняемости, и по масштабу аудитории. Помимо учащихся из Биазы и Остяцка, список включал еще школьников из 5-6 близлежащих сел и деревень. В классе царили чистота, уют, на стенах было прекрасное оформление. Да и сама жизнь в школе не стояла на месте, а кипела, была ключом!

С удовольствием вспоминаю «огоньки» знакомства и школьные балы, конкурсы чтецов и классные часы в защиту борцов Чили, походы с ночевкой в палатках и песнями у костра... В школе велось много кружков художественного направления. Драматическим кружком руководила учительница литературы Валентина Васильевна Смелова (Позднякова), вокальной группой и хором – Владимир Иванович Иванов. Репертуар хора и драмкружка разнообразный: от лирики до патриотики. Патриотизм вообще занимал большое место в воспитании, наверное, это было необходимо нашему поколению.

Владимир Иванович Иванов - многогранно талантливый человек, не только превосходно пел, играл на баяне, но и рисовал, и разбирался в технике. Занятия в хоре Владимир Иванович проводил нетрадиционно: заставлял ребят вслушиваться в каждую ноту, в каждое спетое слово... Помню: учим мы знаменитую «Широка страна моя родная...», а Владимир Иванович просит:

«Представьте всю нашу Родину необъятную и спойте об этом». Мне почему-то виделся солнечный зайчик на классной доске, белая кипень черемухи в школьном саду, мамины руки... У каждого своя Родина!

А какие концерты мы готовили с Валентиной Васильевной, Владимиром Ивановичем, ребятами младших классов! С концертными программами мы выезжали в соседние села, и везде нас сопровождал неизменный успех. Конечно, во многом успех был обусловлен организацией и руководством со стороны взрослых.

А руководили нами во всех наших благих начинаниях, обучали азам и премудростям разных наук люди неординарные. Евгений Павлович Путин, вечная ему память, обучая истории, никогда ни на кого не повышал голоса, не читал «занудных моралей», но была в этом человеке такая мудрость, такая внутренняя сила, такая гармония души, что даже самые задиристые хулиганы как-то «гасли» на глазах в его присутствии. Его уважал каждый ученик в школе, ведь он, ветеран Великой Отечественной, выучил не одно поколение биазинцев. Еще наши родители были его учениками. Сам

Евгений Павлович при этом оставался простым и скромным.

Добрейшая Таисья Дмитриевна Обрезанова вела у девочек домоводство, оставаясь главным советчиком по многим житейским проблемам. Веселый и энергичный Владимир Гаврилович Борисов преподавал физкультуру и начальную военную подготовку; Нина Владимировна Виноградова, высокий профессионал, блестяще знающая свое дело, - биологию и химию; Надежда Александровна Аникина (Лукомская) - физику; Анфиса Павловна Семенова была воспитателем в интернате... О каждом можно сказать столько доброго! (Простите те, о ком не упомянула).

Но, без сомнения, любимицей была Надежда Лукинична Профорук, наша классная руководительница. Теперь по прошествии лет, имея определенный жизненный и профессиональный опыт, понимаю, как сложно было Надежде Лукиничне, недавней выпускнице педвуза, с нами, старшеклассниками.

Тридцать непростых характеров, тридцать складов ума, тридцать разных, еще не до конца сформированных представлений о мире...

Попробуй, найди точки соприкосновения! Но она, маленькая, хрупкая, красивая, чуть старше нас по возрасту, сумела не только найти общие точки соприкосновения, но и поняла нас, хороших и разных. Потому что видела в каждом личность, уважала и ценила каждого. Хотя мы не были идеальными «пай-мальчиками» и «пай-девочками». Нет, мы были обычными школьниками конца 70-х: свято верили в идею коммунизма, жили по комсомольским законам, но иногда получали двойки, иногда прогуливали уроки, совершали шалости... Но что, на мой взгляд, отличало то поколение от нынешней молодежи, так это отсутствие практицизма, более искреннее и бескорыстное отношение к людям. И Надежда Лукинична, математик по специальности и психолог по природе, как-то интуитивно чувствовала все наши положительные и отрицательные стороны. И в любом школьном начинании была рядом. Поэтому мы тянулись к ней. С Надеждой Лукиничной говорили о поэзии и первом смутном чувстве любви к однокласснику, о будущей профессии и сегодняшнем дне, ей мы адресовали первые «слезные» письма, когда, поступив в институты и техникумы, совершенно растерялись в большом городе. И она, уже не живя в Биазе, уехав «за три моря», отыскала нас своей открыткой со словами поддержки. И жизнь показалась куда веселей! И вновь появилась вера в лучшее!

И еще об одном замечательном педагоге мне хотелось бы сказать особо. Лина Павловна Юревич, удивительный человек, была тогдашним директором БСШ. Не знаю, как кому из моих одноклассников, а мне с первого взгляда Лина Павловна своей внешностью напомнила сразу двух великих актрис: Веру Васильеву и Эдиту Пьеху. В ней все было необычно: манера говорить, двигаться, улыбаться... Всегда аккуратно постриженная, модно одетая, Лина Павловна сочетала в себе и внешние качества, и внутренние: ум и красоту, доброту и строгость. И методы воспитания у Лины Павловны были тоже необычны: на уроках географии Лина Павловна не ставила отрицательных отметок, давая ребятам возможность исправить свой пробел, если было необходимо. Но главная заслуга Лины Павловны, на мой взгляд, в том, что она, будучи руководителем, сумела сплотить интересный, талантливый коллектив педагогов, сделать жизнь воспитанников насыщенной и полнокровной. В БСШ того времени царил атмосфера благожелательности, дружеской поддержки, творчества, сопричастности к общему.

Современные воспитательные методики основаны на уважении к личности ребенка, на желании развить его творческое, активизирующее начало. Я считаю, что уже

тогда это было в нашей школьной жизни.

25 мая 1977 года нам, выпускникам, по традиции, существующей в Биазинской средней, девятиклассники повязали белые косынки, на которых мы потом писали пожелания друг другу. Косынка со временем затерялась, а слова, написанные моей одноклассницей, навсегда запали в душу. Татьяна Маляревич, заканчивая свое напутствие во взрослую жизнь, процитировала известную песню Александры Пахмутовой: «Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять». У моих одноклассников не было легких путей. К сожалению, многим из нас судьба приготовила серьезные жизненные испытания. Но ни один из нас не потерялся в этой жизни, каждый нашел достойное место. Среди моих одноклассников люди разных профессий: педагоги, медработники, железнодорожники, продавцы, бухгалтеры, работники сельского хозяйства... Но главное, все мы порядочные люди. И в этом заслуга педколлектива школы.

7 февраля 2004 года Биазинская средняя в очередной раз распахнет двери, чтобы собрать своих повзрослевших и помудревших учеников.

Желаю всем выпускникам и педагогам, бывшим и сегодняшним, всяческих благ и успехов, а Лине Павловне Юревич, у которой в начале февраля юбилей, здоровья, спокойствия, благополучия. Живите долго, дорогая Лина Павловна! Мы помним и любим Вас!

С уважением выпускница 1977 года Раиса Лаврова (Кузьмина).

2010 год

«Где грань между педагогом и учителем?»

Так получилось: я, педагог по образованию, вот уже третий год живу без школы, обычных учительских забот, без детского дома, директором которого я была последнее время перед тяжелой автодорожной аварией. Авария прервала мои планы и мечты, изменила уже традиционный уклад профессиональной и личной жизни.

Но странное все же существо человек. Бьет его судьба почему зря, испытывает на прочность, наказывает неизвестно за какие грехи его и его предков. А он (человек), благополучно пережив всякие и всяческие кризисы и болезни, природные катаклизмы, опять неуклонно стремится в самую гущу событий, в сложную жизнь, к добрым людям (их, конечно же, больше, чем дурных), чтобы занять свою, только для него Богом ли, судьбой ли предназначенную нишу, - никто не знает.

Так и я. Не успели толком зарастить мои многочисленные раны, переломы, разрывы (спасибо врачам, медсестрам, нянечкам за то, что поставили на ноги, не дали умереть), а я уже затосковала о школе. Казалось бы, что еще? Сиди себе дома, набирайся сил, перечитывай классику, слушай любимые мелодии, смотри бесконечные сериалы про «каменных-турецких», благо времени свободного море. Ан, нет. Вся суть моя там, где вечный цейтнот, вечный водоворот воспитательных и учебных проблем, на которые так трудно найти единственно верное решение... И это не аномалия. Нет, все правильно, все так и должно быть, ведь если Господь даровал мне вторую жизнь, значит, надеется на меня, верит: что-то еще смогу... Да и испытания свыше не могут быть случайными: после аварии жизнь вокруг по-иному, гораздо ярче видится, ощущается, мыслится. И прошлое вспоминается иначе.

Воспоминания, воспоминания... Вспоминаю лица учеников, уроки, удачные и не очень, коллег-учителей, собратьев по духу и труду. Вспоминаю, и вновь задаю себе вопросы, мучавшие меня те 20 лет, что я проработала в школе. Где грань между про-

сто педагогом и Учителем, наставником в широком смысле слова? Какие черты личности педагога особенно привлекают детей? Почему я стала педагогом?

И отвечаю на заданные вопросы однозначно: были достойные примеры. И есть, слава Богу!

Пример мамы Антонины Сергеевны Лавровой, 35 лет отдавшей преподаванию в начальной школе. Пример учителей Биазинской школы (о них я писала в предыдущих заметках). Пример учителей из Остятца: классного руководителя Т.Н. Крюшкиной, историка Г.Д. Федоровой, физика К.В. Бузюргиной, учителя немецкого языка М.В. Стрельцовой.

Был пример вузовских преподавателей. Пример профессора Михаила Никифоровича Мельникова, автора монографий и романа «Добродея», фанатично преданного фольклору и русским традициям. Преданность свою огромнейшую он пронес до конца дней, ибо, будучи уже тяжело больным, ездил в экспедиции, читал лекции студентам, писал научные труды.

Пример Нины Елисеевны Меднис и Юрия Васильевича Шатина, демократов в общении, проповедовавших особый структурный подход в прочтении художественного текста...

Пример психолога Эльвиры Николаевны Горюхиной, устраивавшей для нас, студентов филфака, многочисленные встречи со знаменитостями разного ранга: актерами, поэтами, музыкантами... Эльвира Николаевна, эксцентричная, неугомонная, возила нас в Сростки, на родину Шукшина, знакомила «вживую» с педагогами-новаторами Шаталовым и Ильиным, писателем Анатолием Ивановым, тем самым расширяя наш общий и профессиональный кругозор.

А мои коллеги-учителя словесности! Каждый открытый урок в их исполнении - не просто шедевр методического мастерства, полет фантазии и вдохновения, нет, это целые поэмы, театры, научные трактаты по поводу какого-либо автора или литературной задачи! Дети на таких занятиях не пассивные созерцатели, активные участники всего происходящего: актеры, исследователи, «научные оппоненты»!..

А коллеги по детскому дому! Из какой только тупиковой педагогической ситуации они с достоинством не выходили! Ведь их воспитанники сплошь и рядом трудные подростки с «богатым» прошлым, сложным характером, исковерканной обстоятельством судьбой...

Но главное мое слово сегодня о человеке, ставшем прямым виновником того, что сразу по окончании школы передо мной не было дилеммы «кем быть?».

Мария Кондратьевна Сидорова всего один год преподавала литературу в нашем классе. Но год уроков литературы в тогдашнем выпускном 8 классе полностью изменил мое подростковое сознание, закалил мою неокрепшую душу, заставил по-новому взглянуть на окружающий мир, окончательно определил выбор профессии.

Конечно, о работе в школе я мечтала давно, с детства: проводила «уроки» с куклами и младшеклассниками, помогала маме проверять тетради... И литературу любила, самозабвенно зачитываясь книгами русских и зарубежных классиков. Но было в этом детском увлечении школой как-то все зыбко, туманно. Да и чтение мое нельзя было назвать глубоким. Следила в основном за событиями, происходящими на страницах повестей и романов, не задумываясь, что хотел сказать писатель, какую философию вкладывал в уста героев...

С приходом Марии Кондратьевны восприятие мной литературы изменилось. Первый же урок литературы в 8 классе был для меня настоящим потрясением. Оказалось:

за скучными вступительными статьями учебника («жил тогда-то, произведение создал тогда - то, скончался тогда-то») стоят живые люди: страдающие, любящие, совершающие роковые ошибки и благородные поступки. Их неприступное Величие лишь кажущееся, маска, под которой бьется родник живой души, живого ума. Но они - Великие, потому что создали творения, не умирающие в веках. Такая трактовка фактов биографии привлекала, делала обыденный урок необычным, интересным. Тем более, каждый факт подтверждался либо фразой из дневника автора, либо цитатой из текста, прочитанной учителем наизусть.

И звучало на уроках Слово учителя, грамотное, вдохновенное, мудрое, обращенное к каждому ученику. А еще Мария Кондратьевна постоянно проводила параллели с современностью, что заставляло задуматься, поразмышлять. Мария Кондратьевна не ограничивалась только полным знанием курса словесности 8 класса. От нее мы услышали имена мастеров слова, чьи произведения не входили в школьную программу: Бальзаке, Стендале, Шекспире. Узнали и прочитали их замечательные творения.

Светлые лики живописцев, певцов, актеров тоже незримо присутствовали в классе. Потому что Мария Кондратьевна, приходя на урок, что-то приносила с собой: репродукцию ли с картины Рокотова, грамзапись с записями Тамары Синявской, Бориса Ливанова, Веры Марецкой, учебный ли диафильм по творчеству Гоголя... И мы, сельские ребята, привыкшие к тяжелому крестьянскому труду и суровым красотам си-бирской природы, с благоговейным трепетом вглядывались в лицо Струйской, внимали чарующие звуки голосов оперных певцов, смеялись над Чичиковым, приобщаясь таким способом к другой Красоте - красоте Искусства.

Уроки русского языка тоже не замыкались на традиционных видах учебной деятельности: на вставке пропущенных букв, орфографическом и пунктуационном анализе, работе над ошибками... Нет, на каждом уроке существовал культ Слова. Культ высокого Слога Пушкина и Толстого, культ правильной Речи учителя (о чем говорилось выше). Со Словом работали: к Слову прислушивались, учились его правильно произносить, объяснять значение, выстраивали целую философию понятий, стоящих за Словом... Помню такой случай: встретились в тексте упражнения слова «пессимист» и «оптимист». Можно было бы только выяснить, обратившись к толковому словарю, что стоит за тем и другим понятием. Но Мария Кондратьевна задает нам вопрос: «Скажите, а кому легче в жизни: первому, скептику, или второму, с радостным отношением к жизни?». Начинаем рассуждать и приходим к выводу: чтобы быть настоящим оптимистом, необходимо много трудиться, ибо подлинная радость бытия, радость от добрых дел, людей, общения с природой не дается просто так, задаром.

Без ложной стыдливости говорили мы на уроках Марии Кондратьевны о возвышенном и сокровенном: любви к Родине, чести, совести, ответственности перед близкими... Наши искренние высказывания были порой не детски мудрыми, порой чудовищно нелепыми, наивными, но Мария Кондратьевна никогда не перебивала нас, старалась как-то незаметно направить наши «непричесанные» мысли в нужное русло.

Постепенно, день за днем, учительница не только прививала любовь к родному слову, но и развивала лучшие гражданские и человеческие качества, воспитывая на незамысловатых примерах.

А о том, каким тонким психологом была Мария Кондратьевна, как прекрасно знала особенности подросткового возраста, говорит другой случай из моей ученической биографии.

У любого школьника, даже «отпетого» отличника, есть слабость, «ахиллесова пята»,

недостаток, о котором не то что говорить, вспоминать на досуге не хочется. Нелюбимый предмет, тема, до конца не изученная и не понятая, трудный вид задания... Причины тому разные: не замеченные вовремя и потому не совсем развитые способности, физическое состояние (проболел, не слышал объяснений учителя в классе - и вот тебе пробел в знаниях!), невнимательность, лень, что вдруг обуюет ярого трудогилика. Да мало ли причин! Главное, вовремя заметить и недостаток, и причину, чтобы «не пустили корни», не остались в тебе в дальнейшем. И хорошо, если поможет тебе учитель - твой друг и советчик.

Проблемой «номер 1» для меня был мой не совсем каллиграфический, а точнее, вовсе не каллиграфический, почерк. Почерк мой неразборчивый вызывал множество нареканий со стороны педагогов: по этому поводу одни из них делали мне бесчисленные замечания, другие демонстрировали мои тетради с «кривыми письменами» перед всем классом, третьи просто снижали оценки за работу на «один», а то и целых «два» балла. Сейчас-то, став взрослой, умудренной опытом тетей, я знаю: почерк не показатель знаний, умений и навыков, тем более не показатель способностей и талантов человека. Почерк - скорее психологическая характеристика темперамента. И даже наука специальная существует, графологией называется, когда по почерку определяют, что за индивид перед вами (не путать с графоманией!).

Сейчас-то я все это знаю, а тогда, в далеком детстве, так переживала. Боже мой, сколько слез было пролито, сколько бессонных ночей проведено, сколько тетрадей уничтожено втихомолку от родителей и учителей! А переписывания одной и той же письменной работы! Как они изводили!

Однажды, опять же уже во взрослой жизни, находясь в Новосибирске на курсах повышения квалификации, с вопросом о почерке я обратилась к методистам НИПК-РО, и услышала ответ: «Есть два пути борьбы за каллиграфию. Один простой и решительный: снизить оценку и отбить у ребенка желание заниматься. Другой более трудный: кропотливо внушать необходимость того, что писать нужно разборчиво, ибо от написания одной буквы часто может зависеть и смысл слова, и смысл строки, и смысл целого текста».

И Мария Кондратьевна, умница, выбрала второй, более сложный, но щадящий хрупкую детскую психику, путь.

Помню, с каким нетерпением я ждала тетрадь с первой письменной работой в 8 классе - сочинением по «Слову о полку Игореве». Волновалась: а вдруг опять повторится старая история? Вдруг опять будет учительская ирония, насмешки одноклассников? Но история не повторилась. Наоборот, в самом начале занятия учительница, анализируя наши работы, похвалила меня за грамотность, содержание. И только на перемене, после урока, тихонько шепнула: «Ты дома еще раз внимательно посмотри на то, что ты написала».

Весь школьный день я пребывала в радужном состоянии, окрыленная успехом, а вечером дома, открыв тетрадь, взглянула на свою писанину глазами постороннего, и... «крылья опустила». Работа моя изобиловала огромным количеством исправлений, зачеркиваний. Строчки были неровные, то ползущие вниз, то смотрящие вверх. Буквы напоминали китайские иероглифы, кривые и загадочные.

«Все, - решила я. - Так дальше не пойдет. Стыдно перед Марией Кондратьевной. Займусь почерком».

И занялась: завела специальную тетрадь, где, как первоклассница, выводила по строчкам элементы букв, тщательно продумывала план к изложениям и сочинениям,

чтобы мысли последовательно, друг за другом, ложились на бумагу, оставляла чистые строчки и широкие «поля» на черновике, чтобы можно было потом делать дополнительные вставки.

Конечно, идеальными мои тетради не стали, но я добилась того, что уменьшилось количество исправлений и зачеркиваний, почерк стал разборчивее, а работы в целом чище и аккуратнее. И меньше стало переживаний.

Мария Кондратьевна, чуткая, тактичная, одной фразой, произнесенной вполголоса, помогла мне избавиться и от проблемы «№ 1», и от множества внутренних комплексов.

Да, комплексов стало меньше, а подготовки к урокам и хлопот больше. Потому что хотелось соответствовать уровню, заданному учителем, буквально во всем. Нельзя было прийти на урок, не прочитав учебник, художественный текст, не заглянув в словари, энциклопедии, в толстые литературные журналы и газеты, критические статьи. Хотелось быть не только благодарным слушателем, но и достойным Марии Кондратьевны собеседником. Хотелось больше знать, больше уметь. И если сохранилось во мне желание быть «вечным» учеником и сегодня, «виной» тому Мария Кондратьевна с ее эрудицией, привычкой «заражать» нас, питомцев, страстью познания.

Метаморфозы, произошедшие со мной, радовали несказанно, как вызывали восхищение уроки моего учителя литературы. Мои одноклассники не знали, какой упорный адский труд стоит за таким качеством урока. Но я, росшая в семье педагога, знала «подноготную» учительской жизни. Знала: чтобы дети не скучали на занятиях, а внеклассные мероприятия проходили на одном дыхании, учителю нужно, прежде всего, совершенствовать себя: читать самое современное, передовое, уметь анализировать и прогнозировать свои действия и действия ребят.

А проверка ученических тетрадей, а составление планов и графиков! А заполнение документации! Сколько времени требуется на это!

А Мария Кондратьевна еще выполняла обязанности классного руководителя, завуча школы, возглавляла профком, составляла сценарии школьных праздников... И везде был успех. Потому что удивительной работоспособности Марии Кондратьевны, умению организовать рабочий день можно было позавидовать, как многим другим ее качествам, профессиональным и человеческим.

Смело утверждаю: если первые азы нравственности я узнала от родителей, то первые постулаты педагогики унаследовала от Марии Кондратьевны. Вот некоторые из них: самозабвенное служение избранному делу безграничное уважение и терпимость к детям, способность к самореализации, самоусовершенствованию и воспитание данных качеств в детях. (Не вставила в перечень такие качества педагога как глобальное знание предмета, как доброта, гуманность, но разве эти качества не основополагающие и не само собой разумеющиеся?).

Более сорока лет прошло с того момента, как провела Мария Кондратьевна первый урок, более 20 лет, как стала педагогом я, ученица Марии Кондратьевны. Много с тех пор изменилось и в школе, и в обществе. Вольтер когда-то сказал: «Никто так не воспитывает и не портит человека, как эпоха, в которой он живет». Трудно судить, какая эпоха - эпоха ли 70-80-х или наше смутное время, - больше портит и воспитывает. У каждого времени большие плюсы и жирные красные минусы, как в дневнике ученика есть «пятерки» и «двойки»; великие достижения и трагедии, выдающиеся личности и те, кого история может проклинать... Почему я пишу о времени в праздничной статье, посвященной учителю? Потому что, когда уже вынашивался замысел заметок, про-

изошли известные события в Беслане. Трагедия, жертвами которой стали родители, дети, учителя. Поэтому не писать об этом нельзя.

Вместе со страной не отходила от телевизора долгие три дня. Плакала, ругалась, глотала валидол, в бессилии сжимая кулаки. А на экране - искаженные ужасом лица, цветы под колесами машин, изуродованное взрывами здание школы, и горы, горы человеческих тел...

И вдруг в одном из репортажей показали интервью с бывшими заложниками и кадры, снятые самими боевиками. И сразу мысль в голове: «Нет, никаким террористам не сломить нас. Не будет бездны под ногами, не будет гибельной пропасти».

Когда-то в юности меня поразила история польского педагога Януша Корчака, который пошел на смерть вместе со своими учениками. Не такой ли подвиг совершили учителя и ученики школы №1 из Беслана?! На кадрах, снятых боевиками, мы увидели: ни один из заложников не плакал, не молил о пощаде, не впал в истерику. И при этом, находясь в жесточайших условиях, люди умудрялись заботиться друг о друге: ребенок нашел стакан воды для больного диабетом отца, мужчины шли первыми под пули, педагоги выстроили «живую» цепь, чтоб защитит детей.

Нет, жива Россия, пока живут в русских людях простые истины: «спасай слабого, помогай близкому, люби людей». Жива Россия, пока жива школа с ее славными традициями и достойными учениками. Жив Россия, пока живо учительство как одна из лучших категорий граждан наряду с военными, врачами, творческими деятелями. Категория, честь к коей имею принадлежать. Честь, которой меня учили мама школьные учителя, преподаватели ВУЗа, Мария Кондратьевна.

P.S.: Хотелось написать статью об учителе просто, обыденно, без лишнего пафоса, напыщенности... Но хотелось - как лучше, а вышло - как всегда.

Вместо краткости и простоты какая-то мешанина, конгломерат мыслей, эмоций, суждений о времени, людях, о себе... Что делать? Проходят годы, а я по-прежнему влюблена в педагогику и людей, ей служащих.

Им в праздничный день посвящаю свои отнюдь не идеальные строчки:

Да будет слава вам, мои коллеги!

Ученики пусть ваши будут

Талантливы, добры, трудолюбивы,

И знанием своим пусть ежедневно

Удивляют вас.

А, уходя из школы, не забудут

Свой класс любимый и учителей,

И истину одну пусть унесут

В огромный мир свершений и страстей:

«Учителями славится Россия,

Ученики приносят славу ей!».

Простите за многословность.

Надеюсь, скоро буду в ваших рядах.

2004 год

Слово об учителе

Лине Павловне Юревич в этом году - 80, но, глядя на нее, не поверишь, что этот человек находится в таком преклонном возрасте. Все так же, как в молодости, светят-

ся глаза, все так же искристая улыбка озаряет ее лицо, та же приветливость. Лина Павловна - человек, безусловно, состоявшийся и в профессии, и в жизни. Свидетельство тому - огромное количество учеников, выпускников из разных школ района, где она трудилась в разное время, и коллег - педагогов, которые на протяжении жизни учились у нее мастерству общения с детьми.

Лину Павловну я узнала, будучи ученицей 9 класса Биазинской средней школы, где она в то время директорствовала. Красивое лицо, ухоженные руки, модные прическа и одежда, голос с загадочным иностранным акцентом. И строгий характер. Порядок в школе был если не идеальный, то максимально приближенный к идеалу. Учебная, воспитательная и организационная работа были на самом высоком уровне.

Конечно, как в любом коллективе, были и конфликты, и сложности. Но все проблемы разрешались мирным путем. Нарушителей дисциплины заслушивали на общешкольной линейке, вызвали на заседание комитета комсомола. Последней инстанцией был кабинет Лины Павловны. Кабинета директора боялись, перед ним благоговели, трепетали, наверное, даже самые отъявленные хулиганы и двоечники. Нет, не потому, что Лина Павловна применяла какие-то страшные методы воспитания. Просто она находила такие слова, что набедокурившему становилось нестерпимо стыдно за содеянное. И при этом Лина Павловна никогда не переходила грань, всегда оставалась интеллигентной, даже аристократичной.

Как директор, руководитель Лина Павловна служила примером ответственности и трудолюбия и для школьников, и для учителей. Мы с одноклассниками два года жили в интернате, который находился на территории школы, и знали, что свет в окне директорского кабинета зажигался в 6-7 утра, а домой Лина Павловна уходила тогда, когда в интернате уже объявляли «отбой», - в 10-11 вечера. А ведь дома были старенькая мама, муж, дочь.

Несмотря на свою строгость, Лина Павловна была очень чутким человеком. Могла понять, поддержать, сопереживать. И была щедрой на похвалу, если ребенок или взрослый делали что-то доброе, достигали каких-то успехов.

Учителем Лина Павловна тоже была особенным. Преподавала она у нас географию. Учиться у нее было на редкость легко. Она давала детям возможность самим выбирать домашнее задание. Ученик, выбрав себе тему реферата или доклада в соответствии со своими возможностями и способностями, обязательно получал оценку. Как правило, хорошую или отличную. И опять столько положительных эмоций!

Было бы большим неуважением к человеку, если бы в этой юбилейной заметке о моем личном общении с Линой Павловной создала бы свой портрет-впечатление. В юбилейных заметках принято рассказывать обо всем жизненном пути человека. Ибо он, этот путь, может быть удивительно похожим на чью-то судьбу, а может, наоборот, быть откровенно другим, выходящим из ряда вон в чередѣ судеб и жизней людских.

Так было и с Линой Павловной. Судьба ее похожа на судьбы сотен тысяч наших людей, родившихся в сталинскую эпоху, переживших войну, послевоенную разруху, целину, хрущевскую «оттепель», правление Брежнева... Но много в ее судьбе и непохожести, оригинальности.

Предки Лины Павловны попали в Сибирь в начале XX века. Приехали из Прибалтики, из области Лодгалия (вот откуда этот необычный акцент в речи моей героини!). Поселились в селе Тимофеевка Венгеровского района. Отец Лины Павловны работал объездчиком леса. Семья родителей жила очень бедно: худая избенка, нищее убранство внутри. Но родители были счастливы: молодостью, любовью, здоровьем, детьми

- всем тем, что носит название «простые человеческие радости». Но в радости прожили родители всего шесть лет. А дальше грянули страшные события сталинского времени. Отцу было 29, когда его арестовали осенью 1938 года. Так кончилось детство для Лины и ее младшего брата.

Как сейчас, стоят у нее перед глазами совсем недетские воспоминания.

...Лине примерно 10, она закончила третий класс и ее взяли на колхозный сенокос, посадили управлять быками. День был пасмурный, и поэтому поднялась огромная туча гнуса. Насекомые так искусали бедных быков, что те рванули изо всех сил с поля к болоту. Маленькая наездница закричала диким голосом. Все, кто был на поле, прибежали к ней. Взбешенных животных остановили, но Лину от работы не освободили.

В четвертом классе Лина весь год проходила в школу в резиновых галошах на босу ногу, в том числе, и в сильные морозы. Мерзли не только ноги, но и сама вся дрожала от холода. В пятом, когда купили ей в соседнем селе самодельные чирки, сколько было радости!

Или еще такие «картинки» из воспоминаний: осень, конец сентября. Мама и Лина копают картошку на своем огромном огороде. Мама уставшая, несколько смен отработала на колхозном производстве. Но работают они дружно, ведь если картошка останется под снегом, зимой будет совсем голодно. Собирает Лина замершими ручонками картофелины, радуется урожаю. И вдруг, откуда ни возьмись - председатель! На вздыбленном коне, злой, с перекошенным лицом. Со страшными криками набросился на мать: «Почему не на работе? Что, захотела туда, где муж?!»

В 10 классе взрослая девушка Лина идет по селу с подругой-одноклассницей. Девчонки мило щебечут о том о сём, и Лина вдруг нечаянно в разговоре упоминает о тех, кто был арестован. И тогда одноклассница, испуганно оглянувшись, показывает ей на язык: «Лина, помни, где твой отец!»...

В старших классах и институте приходилось самой оплачивать свое обучение. Когда в 10 классе не смогла оплатить 150 рублей (по тем временам большие деньги), была отчислена с формулировкой «За неуплату». Помогла тетя, собрала все, что было в доме, продала, чтобы любимая племянница опять восстановилась в школе. И Лина оправдала надежды своих родных. Она была одной из лучших и в родной Тимофеевской школе, и на географическом факультете, который закончила в 1956 году. А ведь поступить в ВУЗ тогда ой как сложно было, тем более дочери врага народа. Пришлось утаить правду об отце.

Пять лет обучения в пединституте не прошли даром для сельской девочки. Она не только успешно приобретала здесь профессиональные знания, но и училась хорошим манерам, приобщалась к литературе, музыке, искусству. Вот откуда этот аристократизм, который так восхищает меня в Лине Павловне!

И вот позади студенческие годы. Лину как одну из лучших выпускниц оставляют на кафедре геологии. Но она предпочитает другой выбор: едет в село учить ребят географии, астрономии, психологии - предметам, входившим в программу тогдашней школы.

В Биазу прибыли вместе с другими специалистами в конце августа. После войны прошло более десяти лет, а отзвуки страшной години ощущались во всем: в бедном убранстве деревянных домов, в одежде и быте колхозников, в непроезжих дорогах, в отсутствии элементарных товаров в сельпо. Несколько выпускниц из разных педвузов страны смотрелись как инопланетянки и на фоне этой незамысловатой простой природы, и на фоне сельской нищеты: модные прически, красивые платья, туфельки на

каблучках.

Свой первый рабочий день Лина Павловна запомнит навсегда. Они, молодые специалисты, вчерашние студентки, вошли в темное деревянное здание школы, нашли табличку с надписью «Учительская» и тут же начали знакомиться, представляясь по именам, как в недавнем студенчестве: «Лина, Галя, Таня». И вдруг услышали резкий сухой голос завуча: «А вот это здесь ни к чему! Вы - педагоги, и извольте называть друг друга по отчеству». Пришлось знакомиться друг с другом заново, теперь уже с отчествами. А завуч, меж тем, продолжал: «Дело сельского педагога - не только проводить уроки, а участвовать во всех делах деревни. Сейчас в колхозе идет уборка, нужна ваша помощь на зерносушилке. Поэтому определяйтесь по-быстрому на квартиры, и на работу! Вы, Юревич, живете у Крестьяновых!»

Уже на квартире Лина упрятала модную стрижку под белый ситцевый платочек, по-меняла туфельки на резиновые сапоги, вместо праздничного платья надела рабочий халат и пошла на работу на зерноток. Потом был первый в ее жизни учительский сентябрь, первые уроки, первые проблемы и первые успехи. И первые ученики, чуть-чуть моложе ее. Они просто обожали свою юную учительницу.

А дальше были обычные будни. Труд учительский и директорский. В Биазе, Бергуле, Чуваших, потом опять в Биазе. Сотни проведенных уроков, внеклассных мероприятий, походов, концертов. И десятки человеческих, ученических судеб, в становлении которых Лина Павловна приняла активное участие. С конца 70-х Лина Павловна работает заведующей РОНО. И на этом поприще у нее масса дел: устройство молодых специалистов, обобщение опыта передовых педагогов, организация образовательного и воспитательного процесса во всем районе. Последние годы перед уходом на пенсию Лина Павловна трудилась в Северной средней школе учителем географии.

...Я встретила с Линой Павловной на базарной площади 1 сентября прошлого года. В этот необычный день много людей, проходивших мимо, поздравляли Лину Павловну. Одних она узнавала сразу, другие представлялись, и она потом их вспоминала. И каждого обогрела теплой улыбкой, добрым словом.

Да, не бывает бывших врачей, артистов, учителей, если, они настоящие, искренние, отдающие своему делу не только профессиональные навыки, но и душу, сердце, всего себя до конца. А Лина Павловна - именно такой человек. Учитель. Здоровья Вам, дорогая наша!

2014 год

Увлекает детей своим примером

Чем измерить труд учителя? Количеством лет педагогического стажа? Объемом знаний по предмету или числом учеников, выпущенных из стен школы? А может, количеством уроков или количеством «двоек» и «пятерок», поставленных тем или иным преподавателем?

«Измеряйте свой труд улыбками, хвалите детей больше, вселяйте в них веру в свои силы, в будущее. Будьте профессионалами. Увлекайте детей своим примером. Интересуетесь жизнью своих воспитанников! И успех вам обеспечен», - на заре моей юности давала наставления руководительница педпрактики.

Улыбки ей не занимать. Чистой, искренней, доброжелательной. И высокого профессионализма. И стаж у Галины Геннадьевны Соломатиной солидный - 33 года. А для

себя я еще отмечаю ее демократизм, умение налаживать контакты с любым человеком, талантливость, необычайное трудолюбие и много других человеческих качеств, так необходимых настоящему учителю.

Родилась Галина Геннадьевна в многодетной семье. Мама ее, Любовь Яковлевна, воспитывала детей одна, без мужа. Учила их честности, порядочности, уважению к людям. И надежды материнские оправдались. Все дети - три дочери и сын - получили достойное образование.

Галя Соломатина с детства мечтала о карьере педагога и в 1974 году поступила в Новосибирский пединститут на факультет иностранных языков. Студенческие годы Галина Геннадьевна вспоминает с улыбкой на устах. Современное здание пединститута тогда только возводилось, и студенты вынуждены были не только «грызть гранит науки», но и в послеобеденное время трудиться на стройке. Но это не омрачало жизни юной студентки. Работать в коллективе было весело. А после работы Галина вместе с подругами организовывала разного рода развлекательные мероприятия: пела, танцевала, играла в самодеятельных спектаклях.

Лекции, семинары, общение с друзьями и любимыми преподавателями, посещение театров, концертов, музеев - все было в городской жизни студентки Щербаковой. Но манило на родину, хотелось побыстрее начать взрослую жизнь, чтобы помогать маме, семье. И хотя Галя все студенчество подрабатывала на разных работах, это было не то. Хотелось заниматься любимым делом, учить детей.

Галина Геннадьевна рассказывает, как они с институтской подругой Лидой Красновой возвращались в Северное после окончания ВУЗа, ехали с дипломами на руках и огромными чемоданами, полными книг по педагогике и словарей по английскому языку. Лето 1979 выдалось дождливым. Автобусы не ходили. Дороги были непроезжими. Бывших студенток, а теперь дипломированных специалистов, подобрал на трассе Куйбышев - Северное случайно проезжающий водитель грузовика. «Прыгайте наверх, в кабине уже места нет». Сели девчонки в кузов, укрылись от дождя, чем можно было, и поехали. Не ныли, не переживали. Всю дорогу до Северного строили планы на будущее.

Планы, мечты, желания. Сколько их было в юных головках и душах! Что-то сбылось, а что-то так и осталось мечтой. Но, наверное, человек так устроен: мечты существуют для того, чтобы к ним стремиться, находиться в постоянном движении.

Вечное движение, поиск нового - в технологиях, воспитательных методиках - стало основным принципом педагога Галины Соломатиной в ее работе. Второй и третий принципы - уважение к личности ребенка и честность в отношениях с детьми, коллегами.

За 33 года работы в Северной средней школе в педагогической деятельности Галины Геннадьевны бывало всякое: и сложности, и успехи. Не было лишь скуки. Потому что каждый урок иностранного языка она делает праздником общения с ребенком, используя для этого не только личный опыт и эрудицию, но и опыт детей, подручные материалы (книги, прессу, карты, доску, современные технологии). Галина Геннадьевна сделала много выпусков, в нескольких классах была классным руководителем. Она с гордостью называет имена выпускников, которые достигли особых результатов: Слава Кузьменков, Алена Литвякова, Слава Ляхнович, Маша Бирюкова, Лена Пинтусова. Говорит и о том, что 12 человек пошли по ее стопам - выбрали профессию учителя иностранного языка. Е.В. Будько, С.Ю. Чернова, Е.В. Иволина - работают теперь в одном коллективе с Галиной Геннадьевной. К слову сказать, млад-

шая сестра Галины Геннадьевны - Лариса - тоже прекрасный преподаватель иностранного языка, ра-ботает в Коб-Кордоне.

Помимо учительской деятельности Галина Геннадьевна занималась еще деятельностью руководящей: много лет исполняла обязанности заместителя по воспитательной работе, отвечала за организацию и проведение всех внеклассных мероприятий в шко-ле. А еще дважды возглавляла педколлектив школы, была его директором.

Быть директором - дело почетное и ответственное. На плечи директора ложится не только моральная ответственность за учебно-методическую работу, но и личная ответственность за жизнь и здоровье детей и сотрудников, материальная ответственность за хозяйство вверенного объекта. С этим и мужчина не всякий справится. А Галина Геннадьевна в первый раз возглавила школу в трудные 90-е. Было невыносимо сложно. Учителям не платили зарплату, не было финансирования учреждений. А в школе протекала крыша, в аварийном состоянии находилось отопление. Дети зимой занимались на уроках в верхней одежде. Что делать? Как быть? Тогда-то и обратилась Галина Соломатина к тогдашнему депутату Госдумы Н.М.Харитонову. Николай Михайлович откликнулся на просьбу коллектива Северной средней школы. Организовал поездку Галины Геннадьевны в Москву. Она побывала на заседании Госдумы, на приеме у министра образования Владимира Филиппова. Рассказала о проблемах школы, и вопрос сдвинулся с места. Кровля и отопление были отремонтированы.

Галина Геннадьевна с благодарностью говорит о людях, которые ей помогли, при-нимали деятельное участие в решении проблем школы. А также о тех, кто был рядом в те годы: о руководителе района Г.Г. Зырянове, о начальнике РОНО Н.М. Литвякове, о завучах Т.В. Никитиной, Л.А. Погодаевой, Н.Ф. Яровой, учителях школы. Она вспоминает о спонсорах, которые под «честное слово» давали деньги на покупку канцтоваров, на проведение школьных праздников, на премии детям.

Много было в жизни, но если говорить о подведении промежуточного итога, мож-но сказать: Галина Геннадьевна состоялась как педагог, как человек. Она учитель выс-шей квалификации, отличник просвещения. Вместе с мужем Василием вырастили двоих детей - дочь Анну и сына Алексея. Участвует в воспитании внуков.

А еще Галина Геннадьевна - творческий человек. На одном из школьных вечеров она сольно исполнила песню, и все поняли, каким прекрасным голосом она обладает. А год назад все наши педагоги прочли в самиздатовском варианте повесть, написанную Галиной Геннадьевной. Повесть эта о любви двух людей - мужчины и женщины, которые жили счастливо и умерли в один день. Почти как святые Петр и Феврония.

Думаю, что это трогательное произведение было написано не случайно. Ведь любовь стала смыслом жизни Галины Соломатиной. Любовь к малой родине, к школе, семье, собственным детям и ученикам, к профессии учителя.

2012 год

«Память рисует эпизоды...»

У Астафьева и Распутина, Бондарева и Полонского есть берущие за живое строчки, посвященные школе и учителям. Чем же нам так дороги эти десять (или одиннадцать) школьных лет? Почему мы так стремимся в те места, где все начиналось? Почему храним в памяти имена, образы и дела наших наставников? Возможно потому, что детство и школьная юность - самое простое, ясное, светлое, бесхитростное, что есть в нашем запутанном, противоречивом, полном обретений и потерь, побед и поражений пребывании на белом свете. Потому и любая встреча, любое событие, связанное со

школой, вызывает чувство радостного подъема в наших взрослых, чуть уставших от множества потрясений, но все так же ищущих тепла и любви душах...

Так и я. Когда грустно, листаю альбом со старыми фотографиями, просматриваю классные «летописи», читаю ребячьи сочинения, стихи. Вспоминаю школу, учителей, учеников.

В школе, а еще в нашей Остяцкой сельской библиотеке и Доме культуры проходила большая часть жизни (культурной) села и его жителей. Отсюда вели пути-дороги в жизнь, в мир свершений и страстей. Сюда люди шли за советом, здесь решались судьбы, здесь шло становление характеров, духовное мужание, приобщение к азам и глобальным знаниям большинства взрослого населения Остяцка. Ведь теперешние взрослые - бывшие питомцы Остяцкой неполной средней, бывшие ее ученики...

Сельские наши учителя: М.К. Сидорова, Г.Д. Федорова, М.Е. Кузнецова, А.С. Лаврова, Т.Н. Крюшкина, К.В. Бузюргина, Т.В. Кривенко, А.Н. Петухова, М.В. Стрельцова, супруги Ликаровские - Мария Ивановна и Александр Иосифович, В.П. Крячева, супруги Савастеевы, Г.В. Гуляева - были подлинными мастерами педагогического дела, универсалами в широком понимании слова: они совмещали преподавание нескольких предметов, по теории абсолютно несовместимых, вели занятия в нескольких классах: в первом и третьем, во втором и четвертом. Несмотря на учебную занятость, на неустроенный деревенский быт (учителя, как другие жители села, занимались сельским трудом: содержали домашний скот, заготавливали дрова и сено, топили печи, выращивали овощи и картошку на приусадебных участках), принимали самое активное участие в общественной жизни, читали лекции и доклады, организовывали концерты и вечера, в эпоху массовой радиофикации проводили беседы о воспитании по радио. Каждую субботу, в одно и то же время, после технических хрипов и страшного треска, радиотехник объявлял: «Говорит местный радиоузел! В эфире - «Голос школы...». Из передач родители узнавали о том, как нужно вести себя в сложной педагогической ситуации, что интересного произошло в школе, каков процент успеваемости. Учителя школы и сами регулярно повышали свою «учительскую успеваемость», углубляли знания, полученные некогда в вузах и педучилищах: отдаленность от города не мешала им ездить на курсы повышения квалификации, они были главными читателями библиотеки, к чтению призывали и детей, активно рекламируя книгу, зная, главное в образовании, в дальнейшем, взрослом - самостоятельное пополнение «умственного» багажа.

В клубной самодеятельности учителя, как и их воспитанники, были необычайно активны: пели, танцевали, играли в спектаклях. Связь учителей и учеников школы с Домом культуры и библиотекой была не только связью внутри одного поколения, это была связь старшего поколения с младшим. Связь более мудрого и опытного с юным, неискушенным. И она осуществлялась не только по радиоволнам, не только с помощью книг, лекций, сценических подмостков.

Руководитель моего класса Татьяна Никифоровна Крюшкина так строила воспитательный процесс, что мы, дети, постоянно были заняты каким-либо нужным и важным делом. В пятом-шестом классах она вовлекла нас в тимуровское движение. Помню, как бегали по селу, развешивая красные картонные звездочки на дома и заборы бывших фронтовиков и вдов, потерявших любимых на фронте... Потом вместе с учительницей мы появлялись в этих домах, помогали хозяевам: складывали дрова, чистили снег зимой, носили воду.

В восьмом, выпускном, в преддверии 30-летия Великой Победы, по инициативе

Татьяны Никифоровны, мы ближе познакомились с каждым из ветеранов и женщин, ковавших Победу в тылу. Записали их воспоминания, пригласили на классный час. Рассказы ветеранов потрясали. У каждого: И.П. Гламаздина, Н.П. Кузнецова, В.П. Сидорова, И.Г. Егорова, И.И. Крюшкина, В.А. Коваленко - особый боевой путь. Варвара Аврамовна попала на фронт почти девочкой, была санинструктором, выносила раненых с поля боя... Была ранена сама, осталась инвалидом. Но, несмотря ни на что, после войны вышла замуж, родила и воспитала семерых детей...

Впечатления от встреч с героями-односельчанами были оформлены соответствующим образом в альбомы одноклассницей Наташей Паршуткиной, имевший самый красивый почерк в классе.

Поисковая работа - не все, чем мы занимались во внеурочное время. Благодаря усилиям классного руководителя, мы имели представление о юных героях войны, о героях-антифашистах, о космосе, о современном дне Родины. Таким образом, Татьяна Никифоровна неустанно прививала питомцам любовь к Родине, интерес к истории, уважение к людям, для которых главное - служение высоким идеалам.

Человек увлеченный, она и учеников увлекала: то шефскими концертами на ургульской ферме, то театром. Принесет на классный час инсценировку «Молодой гвардии» Фадеева или эпос о Зое Космодемьянской, скажет: «Вот новая пьеска! Давайте попробуем». Роли в основном мужские: партизаны, летчики, солдаты. Но и девочкам было что играть.

Я в школьные годы была, наверное, слишком закомплексованной, поэтому стремилась играть роли бойких, веселых, неустрашимых героинь. Полную противоположность себе. Мечтала о роли Любы Шевцовой, отчаянной и смелой до безумия. Прямотаки видела, как я кружу на сцене в вихре танца, поджигаю биржу - каторгу. Все, как Любка.

Но Татьяна Никифоровна, руководствуясь какими-то только ей известными соображениями, предложила мне роль Ульяны Громовой. Я согласилась, в душе активно со-противляясь и негодуя. Но после премьеры поняла: права была учительница. Образ Ули, сильной, поэтичной натуры, был, действительно, замечателен.

Да, роли в «пьесках» всегда распределяла Татьяна Никифоровна. Наверное, лучше нас знала наши характеры, привычки, манеры.

В мои школьные годы в Остяцкой школе царил особый дух - дух патриотизма, и все, что делалось и имелось в Школе в те времена, служило одной цели - воспитанию истинных граждан страны. Например, школьный музей. Чего только там не было! На стендах под стеклом хранились фронтовые трофеи: каски, фляжки, гильзы. Рядом стояли старинные орудия труда: прялки, кросна, ткацкие станки, предметы быта конца 19 века... Чуть поодаль, на красном сукне, опять же под стеклом, лежат монеты разного достоинства и чеканки, тоже старинные. Развешана на стенах одежда наших прабабушек, сшитая и отделанная вручную... Красота неопишная! В альбомах - фото, еще не совершенные, вероятно, начала 20 века, рассказы-воспоминания очевидцев заселения Остяцка. А дальше тематические альбомы: об организации колхозов, о целинниках, о выпускниках и учителях школы, не вернувшихся с войны... Организатором музея была учительница истории и директор школы Галина Денисовна Федорова, она с ребятами предыдущих выпусков по крупицам собирала экспонаты, обходя дом за домом, несколько ближних деревень, входящих в состав тогдашнего сельсовета.

Или вот еще такая форма ученической внеурочной деятельности, как Клубы интер-

национальной дружбы. В теперешнюю эпоху межнациональных конфликтов, этнических войн и погромов трудно поверить, что школьники 70-х вели переписку с ребятами из других стран и республик, рассказывали об увлечениях и интересах. И не виртуально, как сейчас, по Интернету, а старым испытанным способом - с помощью писем. Не знаю, где и как отыскивали адрес одной из школ Закарпатья Татьяна Никифорова и Татьяна Георгиевна Коваленко, преподаватель русского языка и литературы. Отыскивали, увлекли ребят. До сих пор помню имя моей подруги по переписке - Наташа Фицай.

А встречи со знаменитыми, известными в огромной стране людьми. Как, кто их устраивал? Почему эти люди ехали в глубокую сибирскую провинцию за сотни километров от центра? Что ими двигало? Какие высокие потребности? Не знаю ответа на эти вопросы. Но это было, было... Болгарская певица Лили Иванова, летчицы из легендарного женского полка Надежда Попова и Мария Раменская, Герой Советского Союза Михаил Девятаев, сибирские писатели и поэты. Встречи с ними проходили в торжественной обстановке. Михаил Девятаев, поведал, как, находясь в немецком плену, угнал самолет и вернулся на Родину. Потом воевал, сбил много фашистских «асов», за что и получил самую высшую награду.

А остяцкие школьники вручили свою награду: приняли в Почетные пионеры. Михаил Петрович расписался на пионерском галстуке. И потом он хранился долгие годы как реликвия.

Впрочем, я, вероятно, знаю ответ на вопрос, поставленный в начале предыдущего абзаца. Знаменитыми людьми, так же, как и нашими школьными педагогами, двигало одно и то же желание - сделать подрастающее поколение лучше, прежде всего в нравственном плане, вот и мчались они в русские деревни, чтоб «сеять вечное».

Милая школьная пора! Вспоминается хорошее: школьные вечера, первые привязанности, подруги... На улице подруги-соседки: Таня Лаптева, сестры Пастуховы, Оля и Света Шуршевы. Самой близкой школьной подругой была Тамара Потапова. В первом классе завязывали друг другу банты, бегали на переменах по коридорам, играли в куклы. В седьмом - подружались заново, по-взрослому, с секретами и общими интересами, с обсуждением фильмов и книг... Тамара из тех, с кем легко: можно говорить, о чем хочется, шутить, дурачиться. Одним словом, можно быть собой, настоящей, без маски, без внутренних комплексов, зная: тебя поймут, не осудят, не просмеют, если что-то не так.

Память рисует эпизод. Мартовским вечером, вдыхая особый весенний воздух, которым невозможно надышаться, слушая хруст льда на замерзших лужах, мы с Тамарой подходим к зданию школы. Окна школы темны, внутри никого нет: поздно, да и каникулы, дети отдыхают. Кругом тишина, какой нет в обычные школьные дни и вечера: ни занятий кружков, ни уроков. И как-то совершенно стихийно, само собой, мы, будущие выпускники, начинаем прощаться с тем, что окружало нас долгие, как нам тогда казалось, 8 лет: «Прощай, старый сад! Прощайте, стройные тополя! Прощайте, белые статуи пионеров! Прощай, старушка-школа! Когда еще встретимся?!» А потом, так же стихийно, как прощаемся, произносим клятву верности детству и школе: «Кля-немся тебя не забыть!». Кричим громко, кланяемся в пояс, залиvisto смеемся. Опомнившись, оглядываемся: не увидел ли кто, не подумал ли чего плохого...

После каникул, на уроках, тайком от учителей, смеемся в ладошку над нами самими же придуманным «обрядом» прощания.

Шутки шутками, а меж тем впереди были экзамены, первый серьезный выбор, куда

пойти: в техникумы, училища или продолжить обучение в средней школе. Мы с подругой выбрали второе.

Через несколько лет Тамара вышла замуж за Виктора, свою первую и единственную любовь. Живет в Новосибирске, работает медстатистом в поликлинике, вырастила сына. По словам очевидцев, такая же, как раньше: красивая и стройная. А я вернулась в школу через долгие 10 лет уже в новом качестве. В качестве учителя русского языка и литературы.

Признаюсь: после городской школы, где я работала первые пять лет после окончания педвуза, моя родная Остяцкая уже не казалась мне идеальной, во многом проигрывала: и в оборудовании, и в методическом оснащении. Удивляли дети.

В отличие от городских сверстников, изрядно вкусивших множества благ цивилизации, в том числе и разного рода педагогических экспериментов, вкусивших и пресытившихся, эти радовались любому начинанию, дополняли его своими деталями, доводили до совершенства... Среди активистов два явных лидера: Надя Малова и Валя Нафтаева. Умницы, отличницы, обе работают в учкоме. Валя - бессменный капитан школьной команды КВН, Надя - ведущая школьных вечеров. Рисуют, сочиняют, поют, Валя играет на баяне. Да и остальные ребята талантливы: Валя и Зоя Червяткины, Лена и Леша Гордеевы, Марина Евдокимова, Галя Дудинская, Надя Митрофанова. Нравится, что во всех мероприятиях участвуют мальчишки: Ваня Гламаздин, Толя Антипкин, Игорь Сурков... Поют военные песни. В рамках районного КВНа готовим комическую сказку-оперу: «Пропали дровишки». Главную партию - арию заведующей дет-ским садом исполняет Зоя Червяткина.

Да, приходится заниматься воспитательной работой, потому что помимо уроков, я еще зам. по воспитательной. Хорошо, что директор школы Алексей Трифионович Шишкин оказывает поддержку: и моральную, и профессиональную.

На следующий год получаю классное руководство в шестом, где одни мальчишки. Ахаю про себя: «Что же я с ними делать буду?». Но ничего. Не подвели: и классные часы проводили, и стенгазеты рисовали, и конкурсы выигрывали. А на уроках - поток вопросов, по теме и вне. Особенно старается Сережа Макаркин. Его интересует все: кем бы стал Пушкин, если б его на дуэли не убили, читала ли я новый роман Рыбакова, тот, что «его папка читал», когда закончится война в Афгане и почему я из города приехала в деревню. Любопытство здоровое Сережкино мне нравится, но я сержусь на него, за то, что отнимает драгоценное рабочее время. На самом деле делаю вид, что сердита, просто не знаю, как объяснить, что город - не только веселые концерты и театральные спектакли, не только музеи и выставки... Это еще и многочасовое ожидание на остановках автобуса, равнодушная толпа прохожих, хамство везде и всюду... Нет в городе того особого единения людей, которое есть среди сельчан. Идешь по деревенской улице, и каждый здоровается, спрашивает о делах. И ты в ответ желаешь здоровья. В деревне все поступки на виду: и дурные, и добрые. Жить здесь ответственно, но зато не затеряешься среди людей, обязательно найдешь свое единственное место... А еще существует поговорка: «Где родился, там и пригодился». Хоть и неказисто все в деревне, а так дорого.

Увы, к сожалению, но этот любознательный класс мне не удалось довести до выпуска: в связи с рождением дочери Ирины я отсутствую в школе два года. Появляюсь в школе в 90-м. В школе большие перемены. Полностью сменилось руководство: новый директор, новый завуч. А у меня три новых класса, причем, один выпускной. Литературные пристрастия разнятся. Девочки (Зоя Зуева, Света Кулебякина, Алла Лебедева)

с упоением слушают «Бедную Лизу» Карамзина, восхищаются романсами на стихи Пушкина. Мальчики философствуют по поводу Онегина и Печорина. Выделяется Женя Бунькова серьезным ответственным отношением к учебе и Сережа Аксенов.

Сережа. Блестящий ум, недюжинная память, яркая, выразительная речь. Страстная, увлекающаяся, противоречивая натура. В 8-м классе по собственному желанию готовит урок, предваряющий изучение «Капитанской дочки».

В 9 классе мой любимчик (тщательно маскирую личные привязанности, но детей не проведешь) на уроке русского языка выдал «шедевр» в духе нигилизма Базарова. В основе - идея «Многие живут по правилу: были бы «бабки».

А дальше на нескольких страницах - отрицание всех и всяческих устоев. Сочинение на тему: «Легко ли быть молодым?».

Проверяю сочинение в учительской. Состояние близко к обморочному. Коллеги спрашивают, в чем дело. Нарушая принцип «Читать только с позволения автора», цитирую основные положения «аксеновской» работы. Валентина Васильевна, директор, успокаивает: «Не расстраивайтесь! Это теоретик писал, не практик. Его жизнь научит». Куда там! Иду домой в дурном расположении духа. Вечером вместо обычных вокальных упражнений за мытьем посуды тайком от собственных детей плачу на кухне. Реву, как девчонка. Для чего же я тогда работаю, для чего живу, для чего существует литература, если не верят ни во что?

Резко обрываю себя. А что, собственно, произошло? Ученик, в отличие от других, не стал повторять моих «готовых» мыслей. Ну и прекрасно! Самостоятельность мышления - это здорово! Высказал свое суждение? Хорошо! Пошел по своему, пусть неверному с точки зрения здравого смысла, пути? Ну и что? Все ошибаются. Тем более написано сочинение грамотно, без ошибок, стиль выдержан, каждый тезис подтвержден фактами, хоть и негативными. Бегу к себе в комнату, открываю Сережкину тетрадь, ставлю две заслуженные «пятерки» - за содержание и грамотность, выношу резюме: «Молодец!»

И обрываю себя: «Стоп! Но без внимания-то происшедшее оставлять нельзя!». Делаю приписку: «А все-таки ты не прав!»

Следующий урок превращается в стихийный диспут. На моей стороне - девочки, на стороне Сергея - друг и сосед по парте Саша Бочанов. Спорим самозабвенно. К концу урока, когда аргументы исчерпаны, а стороны еще не пришли к компромиссу, иду на хитрый дипломатический ход, спрашиваю: «Ребята, а вот ваши родители, бабушки, дедушки жили богато?» Наперебой говорят, как голодали бабушки в войну, как трудно было мамам... Ловлю их на слове, делаю вывод: «Видите, жили небогато, много трудились, но были счастливы, потому что любили, исполняли материнский, отцовский, гражданский долг». Соглашаются, слава Богу, хоть к семье есть уважение.

Лет пять назад встречаю случайно Сергея на автовокзале. Рассказывает о себе: закончил педколледж, участвовал в районном конкурсе, пишет стихи, знаком со многими новосибирскими поэтами...

Да, разлетелись ребята. В Барабинском районе живет Дима Латарев - шутник, отвечавший на вопрос: «Какого рода слово «стол»? - «Обыкновенного, деревянного». Дамский сердцеед Денис Лебедев уехал в Болотное, в Куйбышеве обосновались Юля Федорова и Юра Ульныров. Сережа Бочанов прошел ад чеченской войны, сейчас он в Красноярске. В Северное уехала Наташа Максимова. Нашли свое счастье в родном Остяцке: Олеся Бугакова, Наташа Бочанова, Алла Пешкова. Вышли замуж, растят чудесных малышей.

Осваиваем с детьми новые воспитательные формы: ездим с визитами в другие школы района, принимаем гостей у себя - КВНы, конкурс «Леди и джентльмены», игра «Любовь с первого взгляда». Дети счастливы: новые знакомства, новые впечатления. У педагогов - масса хлопот: с организацией встреч, транспортом. Помогает администрация, учителя из соседних школ: Р.П. Гришко, Г.И. Русалимова, Г.Л. Михалевич.

К районному смотру готовим спектакль-сказку «Новая Несмеяна». Пьеса самодеятельная получилась длинной, много действующих лиц, поэтому в представлении занято буквально все школьное население, от мала до велика: ученики, педагоги. Нина Алексеевна «расписывает» роли, Наталья Геннадьевна аккомпанирует, Геннадий Ни-колаевич делает с мальчиками декорации, учителя начальных классов готовят оформление сцены.

В муках и страданиях движемся к заветной цели. Особенно переживаю за последнюю сцену - сцену объяснения в любви Ивана и главной героини. Настя Бунькова и Витя Митрофанов, исполнители ролей главных персонажей, до того бойко чеканящие каждую реплику, в этот момент вдруг останавливаются и замолкают, будто воды в рот набрали.

Наконец этот страшный день наступает. В зале - родители, односельчане. Приехала комиссия из Северного, привезла оператора с телевидения. Будут снимать. С бьющимся сердцем (от волнения и страха) даю последние наставления. Начинаем спектакль. Вроде все идет гладко. Великолепен Денис Лебедев в роли царя Гороха, девочки-ведущие: Женя Банникова, Света Лаврова, Яна Бугакова, исполнители ролей второго плана: Яна и Света Поздняковы, Таня Любянцева, Сережа Санников, Сережа Капориков, Женя Макарова, Сережа Бирюков. Витя и Настя тоже неотразимы. Настя точно уловила двойственность натуры своей героини: Несмеяна в ее прочтении и капризная девчонка-сорванец, и сирота, которой хочется обыкновенной любви человеческой. Витя же просто чудо! Его герой то хитер, как простой русский мужик, то изобретателен, то нежен, то мастеровит, то насмешлив, то талантлив необычайно. Одним словом, Иван: и дурак, и философ, и спаситель Несмеяны. Иван, коими богата Россия, на коих она держится. Звучит финальная песня.

Слава Богу! Пронесло. И в любви объяснились, где надо.

Яна Бугакова, Яночка, Янушек...

В моем сердце, да и в моем доме, она давно заняла место моей старшей дочери, умершей во младенчестве (да простит мне Екатерина Петровна, родная мама Яны). Так получилось. Незаметно, постепенно, исподволь. В 5-м классе писали с ней письма бывшим выпускникам школы, в 7-м Яна приходила ко мне домой, чтобы взять книгу по психологии, которой не было в библиотеке. Возвращая, делилась мыслями о прочитанном. Я говорила о своих впечатлениях. Общие интересы: психология, литература, музыка и подружили нас.

Внешность красавицы не мешала Яне быть отличницей, руководить учкомом. Но главное ее качество - стремление к красоте, в любой форме, любом проявлении: в поэзии, живописи, отношениях людей. Сочинения ее полны верой в светлое будущее, в лучшее: «Хочется жить, петь, любить. Хочется делать добро». «Пошел народ в храмы, значит, повернулся лицом к Богу, истине, правде...»

Еще в школе Яна сотрудничает с местной газетой, пишет заметки: сначала наивно-трогательные («Женька - добрая душа»), потом - остро-актуальные («Интервью на злобу дня»). В 11-ом, уже будучи ученицей Северной средней, получает одну из престижных областных премий за участие в конкурсе «Журналина». Отношения у нас с

Янкой (и в школьные годы, и сейчас, когда она стала профессиональной журналисткой) развиваются по одному и тому же сценарию: встречаемся, она рассказывает о себе. Я слушаю, с чем-то соглашаюсь, за что-то журю по-матерински. Чаще за скоропалительность жизненно важных решений. Янка, по всей видимости, обижается, потому что опять надолго исчезает. Потом вдруг сваливается, как снег на голову, как вихрь, как смерч. Говорит о жизни новосибирского бомонда, о гастролях, о театральных премьерах, о том, у кого какие брала интервью. И нам снова интересно вместе...

Когда со мной случилась беда, Яны долго не было рядом (узнала поздно, потом не могла пойти ко мне от страха, боялась увидеть меня неподвижной). Я ее ждала. Может, больше всех. Она, наконец, появилась в больничной палате, преодолев себя, засыпала меня цветами и поцелуями, залила слезами... И боль моя нестерпимая куда-то отступала, и вновь захотелось жить... Впоследствии, в каком бы лечебном учреждении я ни оказывалась, Яна обязательно появлялась возле меня. Соседки по палате шутили: «Видно, мало «двоек» ставила!» А потом, посерьезнев, добавляли: «Хорошие у вас ученики!» Под словом «вы», думаю, подразумевали не лично меня, школу, что взрастила и воспитала.

Да, ученики наши, в самом деле, в большинстве своем стали достойными людьми. Рассматриваю фотографию Яниного класса. Витя Митрофанов стал инженером-строителем, красивая Женя Банникова работает медсестрой, Сережа Капорилов учится в педуниверситете, Леша Поздняков, влюбленный во все живое (в каждом сочинении - хотя бы строчка об обожаемых лошадях), стал милиционером. Женя Макарова учится где-то в Барабинске. А двоих из класса уже нет на земле. Сережа Иванов и Сережа Бирюков. Старательные, тихие, спокойные. Почему уходят лучшие, молодые и красивые? Почему такая несправедливость? Господи, упокой их светлые души...

Каждое поколение школьников не похоже на предыдущее. Поколение нового тысячелетия выросло не на фильмах о войне. Оно меньше знает Калатозова, Герасимова, Ростюцкого... Это поколение компьютеров, интерактивных игр, поколение, знающее героев боевиков лучше, чем Героев Советского Союза.

Да, школьники последнего десятилетия, действительно, другие: более информированные, практичные, менее романтические. Да и откуда взяться романтике? С экрана телевизора - волна насилия в разных формах.

Но противостоять страшной реальности необходимо, так как изначально любой человек - не злодей, не преступник, в нем была и остается Вера: в прекрасное, в добрых людей, в Бога... Тяга неукротимая к Красоте передается, вероятно, на клеточном, геномном уровне, и каким бы ее испытаниям ни подвергали, она была, есть и будет. Ее не истребить ничем. Поэтому и должна школа развивать ребенка в нравственном, эстетическом смысле.

Классные «летописи» последних лет пестрят записями: «Вторую четверть можно смело назвать Литературной. Поэтические часы и вечера, составление биографических «эссе» и «досье» писателей, выпуск рукописных журналов, стенгазеты «Перлышки», часы, посвященные Визбору, Окуджаве, Высоцкому, сибирским поэтам, вечера памяти Есенина, Шукшина...»

Одной справиться трудно: активно помогают ребята и библиотекари, Людмила Терентьевна Гламаздина и Любовь Алексеевна Кондрашкина. Устраивают книжные выставки, читательские конференции.

Ученики последних лет. Восьмой класс: Руслан Хидриев, Ирочка Суркова, Таня Коростелева. Потрясающая работоспособность, желание сделать лучше и больше

любое задание. Неумная фантазия, жажда творчества. Придумывают танцы, иллюстрируют рукописные журналы, создают художественные образы на сцене, пишут милые детские стихи.

В 9-м я - руководитель. Повезло, как всегда: одна девочка, Таня Иванова, и шестеро мальчишек. Один из шести - мой сын Борис. Передо мной - дилемма: как вести себя, чтоб сына не обидеть и чтоб не показаться субъективной по отношению к собственному ребенку. Выбираю единственно правильное решение: хвалю и ругаю Бориса только вместе с классом. Но объективность в маленьком селе, где почти все родственники, возможна постольку-поскольку. Вот и у меня в каждом классе учатся родные племянники, сыновья и дочери двоюродных братьев и сестер, дети сватов и кумовьев. Иногда путаю, называю именами родителей или старших братьев и сестер.

Что касается любви, то мы их любим всех, просто так, потому что они вечно чем-то удивляют, постоянно чем-то радуют.

Мальчишки мои: Алеша Паньков, Саша и Алеша Банниковы, Женя Насонов, Борис, Сережа Храбрый, - обыкновенные ученики. Принимают участие в агитбригаде, поют, на классные часы приглашают людей, чья жизнь кажется им интересной: И.Г.Гламаздина, Т.Н.Банникову. Тамара Николаевна, бабушка Алеши, рассказывает: «Я была ребенком, когда нас вывезли за Васюган. Ох, лучше и не вспоминать: жили в землянках, голодали, многие так и не смогли пережить зиму». И запись ребячьей рукой в «Классной летописи»: «Было страшно при мысли о возможности подобного». А дальше цитата из речи Тамары Николаевны: «А все равно Родину любишь, к ней стремишься. Родина - как глоток свежего воздуха. Хочется еще и еще».

Иван Галактионович... История Остяцкой школы, как и история села, не-мыслима без его имени, без его добрых дел. Судьба не была к нему милосердной. В 37-м - арест отца, потом адское пекло войны, гибель однополчан, сверстников-однокурсников. В послевоенное время-смерть первой жены, Анны Григорьевны, потом уход из жизни сына и дочери. Казалось бы, можно сойти с ума от горя, ожесточиться, разувериться.... Не ожесточился, не потерял веры в жизнь. До последних дней служил людям.

Тех, кто знал Ивана Галактионовича, поражали его необычайное жизнелюбие, мудрость, блестящий ум, универсальность знаний в разных областях, уважение к человеку, кем бы он ни был, почитание традиций отцов и дедов. О чем бы ни говорил Иван Галактионович: об остячке Марфе, ходившей с рогатиной на медведя, о репрессиях, о школьном друге Михаиле Шадловском, не пришедшем с поля боя, об учителях - во всем чувствовался серьезный подход к теме, заинтересованность рассказчика в том, чтобы то, о чем он говорит, непременно дошло до слушателя. А каким веселым был Иван Галактионович в кругу друзей! Как пел песни, шутил! Какие «золотые» руки у него были! Во многих дворах до сих пор сохранились бочки и кадушки, сделанные им в свободное от общественных дел время...

Нет уже ни Тамары Николаевны, ни Ивана Галактионовича, а слова их, а главное, дела, живы в ребячьей памяти...

Накануне Дня Знаний и Дня Учителя - ток-шоу о профессии педагога. В гостях у ребят побывали В.М.Макарова, Н.А.Бирюкова, Л.Я.Лаврова, В.И.Веселова. Дебютанты и асы. Нужно повышать престиж учительского труда. Равно как и интерес к учебе. Ведь учиться хотят не все и не всегда. Постоянно хитрят. Вот один забавный случай. Конец рабочего дня и конец четверти. От усталости валюсь с ног. Позади шесть уроков, а они просят о сдаче «долгов» (как обычно, дотянули до последнего, а мне еще

журнал нужно заполнить, подготовиться к педсовету...). Не хочется, но соглашаюсь, пытаюсь совместить полезное с приятным (хотя непонятно, где «полезное», а где «приятное»): заполняю журнал и слушаю учеников. Сначала все идет как по маслу. Выходят, рассказывают материал, читают наизусть. Но вот поднимается из-за стола Сережка. Сережка - добрый малый, безобидный, растет в трудолюбивой семье, но литература - явно не его стихия, получить «тройку» для него большое событие. Выходит к доске, на губах - озорная улыбка, глаза хитрющие. Выжидает несколько минут, когда я отвлекусь. Я и впрямь отвлекаюсь, уткнувшись в журнал. Сережка медленно, чуть нараспев, вполголоса начинает читать. В классе - смех. Ничего не понимаю. Смех усиливается. Поднимаю, наконец, глаза: кое у кого слезы на глазах выступили, кто, согнувшись в три погибели, взялся за живот. Прислушиваюсь, и сама не могу сдержаться. Да, такого еще не было. Просто гениально! «Молитву» Лермонтова пересказать прозой! «Когда тебе грустно, а на сердце кошки скребут, пойдешь в церковь, помолишься Богу, и печали растают».

«Сережа, ты молодец, верно смысл понял, но у Лермонтова гораздо красивее».

Пришлось опять, в который раз, говорить об отличии стихов и прозы, о том, зачем нужна поэзия, трудноусвояемая и красивая одновременно...

Прошли годы. Находчивый Сережа вырос. И живет там, где сейчас труднее всего - на селе. Может быть, законов стихосложения он и не усвоил, но уж человеком стал, точно. Потому что односельчане хвалят Сергея Храброго за трудолюбие и рабочую смекалку.

Так, в трудах праведных и заботах, в поисках и находках, с весельем и грустью живет школа. Бывают и конфликты, и непонимание, и взаимные обиды. И твердые, волевые решения с твоей стороны.

И я благодарна родителям за их терпеливую мудрость, за помощь в решении сложных воспитательных задач. Как благодарна я и своим коллегам-учителям, с которыми проработала не один год.

Старшее поколение педагогов: А.С.Лаврова, М.В.Стрельцова, Р.И.Никулина. Часто появляются в школе, делятся богатым опытом, проповедуют гуманизм и терпение в отношении детей.

Валентина Васильевна Позднякова. С начала 90-х - бессменный директор школы. Распределение учебной нагрузки, родительский и учительский всеобуч, внедрение инноваций и обобщение опыта - вот неполный перечень проблем, входящих в круг обязанностей Валентины Васильевны. Многочисленные административные заботы Валентина Васильевна успешно совмещает с преподаванием литературы.

О Нине Алексеевне Бирюковой выпускники отзываются с уважением: «Спокойная, уравновешенная!» Эти личные качества позволяют ей не только налаживать контакты с детьми, но и познавать законы истории, заниматься общественной работой: много лет Нина Алексеевна была профоргом школы, вела правовую и поисковую работу.

Строгого, требовательного и одновременно справедливого Владимира Федоровича Сидорова дети ценят за прочные знания по математике, которую он преподает много лет.

Импульсивная, эмоциональная Марина Георгиевна Зуева влюблена в преподаваемый ею предмет до безумия. Два высших образования и у Валентины Владимировны Бирюковой. Разнообразными формами отличаются уроки Любви Алексеевны Кондрашкиной, учителя физкультуры.

А к кому больше всего обращаются жители села со всякого рода бытовыми просьба-

ми, кто «человек-универсал», ибо и стол отремонтирует, и проводку починит? Конечно, Геннадий Николаевич Сурков, учитель труда. Его «золотые» руки не знают усталости. Учителя начальных классов: В.И.Веселова, Л.Я.Лаврова, Н.Ф.Санникова, Т.Е.Дудинская (царство ей небесное!)... Энергичные, много знающие и умеющие.

Надежда Викторовна Власова появляется в нашем коллективе позже остальных, но дети и педагоги успели полюбить ее за миролюбивый характер, добрую душу, за умение петь и танцевать.

Молодое поколение: Алла Александровна Гламаздина, Светлана Сергеевна Пермякова (Лаврова), Виктория Михайловна Лебедева (Макарова)... Новые взгляды, новые педтехнологии, но все то же стремление служить детям, стремление, с которым трудились наши педагоги, которому учили и мы. Как могли, как умели.

Вот он, коллективный портрет учителя Остяцкой школы. Если к мудрости Антонины Сергеевны, Марии Васильевны, Раисы Ивановны добавить деловитость Валентины Васильевны, внутреннюю гармонию Нины Алексеевны, душевность Надежды Викторовны, разбавить страстью к физическому совершенствованию Любови Алексеевны, получится образ Идеального учителя. Но лишь на бумаге. На деле мы очень разные.

Школа для нас - и первые робкие шаги, и профессиональное мужание, и обмен опытом, и вечное обновление. Школа - судьба от Бога, жизнь наша, которая, какой бы трудной ни была, всегда прекрасна. А главное, школа - духовное горнило, где показателями являются не оценки, не проценты (они все равно не могут быть одинаковыми, потому что способности разные, хотя и это тоже важно), а лучшие человеческие качества: честность, гуманизм, благородство, мужество, вера... И подавляющее большинство выпускников школы стали достойными людьми. А многие получили или получают специальность педагога: сестры Буньковы, сестры Поздняковы, Светлана и Сергей Лавровы, Юрий и Наталья Ульныровы, Виктория Ситникова и Виктория Макарова, Сергей Капориков и Сергей Аксенов, Елена Кондрашкина, Ольга Антипкина, Виктор Санников, Константин Баев, Анастасия Лебедева, Елена Антипкина, Ирина Суркова, Татьяна Коростелева...

Молодые, энергичные, вооруженные современными знаниями, завтра они войдут в класс, чтобы продолжить наше Великое дело. Удачи вам, мои коллеги!

P.S.: Холодным декабрьским днем я уезжала из Остяцка к новому месту работы. Меня пришли провожать последние мои ученики: Саша Ивашкевич, Сережа Коростелев, Артем Кондрашкин, Настя Лебедева. Впопыхах сборов кого-то целую, кого-то обнимаю, кому-то даю последние наставления. На душе - черные кошки скребут. Жжет душу «беспощадная совесть»: не довела до ума, бросила, оставила на полпути. Тем более, знала, скоро войдет в эксплуатацию новое здание школы. Столько упущенных возможностей!

Я уехала жить в Коб-Кордон, а здание школы в Остяцке, в самом деле, открылось: с компьютерным классом, кабинетами, холлом, вестибюлем, столовой... Красивое, светлое, уютное... А меня почему-то тянет больше к старому, полуразрушенному. Вероятно, потому что с ним много связано.

2006 год «Кто виноват?» и «Что делать?»

Поводом к написанию моей заметки послужило экстраординарное событие - показ по первому каналу телевидения документально-го фильма: «Школа: бои без правил».

Спросите: «Что же здесь экстраординарного? Обычный фильм о современных жестоких нравах». Но так ли это?

Первое впечатление уже от названия: «Дожили! Школа, которая испокон веку считалась Храмом науки и духовности, представляется рингом для борьбы, да еще и «без правил», то есть каких-либо, как я понимаю, моральных ограничителей...».

Потом, когда приходит осмысление увиденного, понимаешь: авторы фильма языком кино говорят о том, о чем молчать уже нельзя. Страшные цифры, страшные факты, страшная действительность...

Унижение и доведение до самоубийства учеников, поборы денег и конфликты с родителями, жестокое убийство старой учительницы... И вечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Не буду оригинальной, если скажу: школа - слепок того, что происходит в обществе. Да, к сожалению великому, мир наш стал более жестоким. Не нужно далеко идти за примерами, они здесь, рядом. Откройте любое печатное издание, посмотрите любую информационную программу - масса негатива: в Новосибирске идет суд над «Белым братством», в Петербурге убили девочку-таджичку, в Москве совершено нападение на министра культуры Кабардино-Балкарии Заура Тутова... Молодчики, как утверждают очевидцы, кричали лозунги: «Россия для русских!»

И это происходит в стране, которая долгие годы была родным домом, оплотом, защитой не только для граждан остальных 14 республик, но и для людей, приезжавших к нам со всего света Белого... Человеконенавистничество этих людей (сказала бы «особей», потому что язык не поворачивается именовать их «людьми») распространяется и на иноверцев, и на родной русский народ, издавна славящийся гостеприимством и добросердечием.

Какие школы, какие педагоги разбудили их животные, звериные инстинкты? Какие матери учили их убивать, грабить, совершать жуткие по своей жестокости преступления? О какой «России» они кричат?! О той, что хотят превратить в оплот неонацизма?!

Думаю, ни один педагог, ни одна школа, ни один родитель не желают, чтобы их воспитанник стал преступником. Можно обвинять государство за то, что создало определенные социальные условия для расцвета преступности, телевидение за то, что без конца показывает фильмы ужасов, боевики, тем самым возбуждая неустоявшуюся психику подростков. Но у любого человека всегда есть выбор: остаться человеком или выбрать «скользкий» путь, дорожку, что ведет к моральной гибели.

Стать человеку человеком всегда на Руси помогали семья с ее традиционным уважением к старшим и заботой о младших, и школа.

Учитель - не только тот, кто дает прочные знания, это, в первую очередь, тот, кто является духовным наставником. И, поверьте, большинство наших педагогов, несмотря на всякого рода общественные катаклизмы, остаются порядочными и бескорыстными людьми. Как-то в одном из сибирских журналов был напечатан дневник сельской учительницы начала 20 века. Запомнились строчки: «Получила годовое жалование - 5 рублей. Купила платье для классных занятий, новые книги и тетради ребятам». Это книжный пример. А вот пример живой. Я росла в учительской семье, и знаю, как в 60-70 годы моя мама и ее коллеги по работе во внеурочное время проводили дополнительные занятия с отстающими, воспитательные мероприятия. Оплата за эти виды педагогических услуг, если так можно выразиться, в те годы не была предусмотрена. А теперь еще одно, более позднее, подтверждение моим словам. Всем памяты 90-е

годы, когда учителя, как и другие категории населения, не получали месяцами зарплаты. Борясь за свои права, бюджетники организовывали митинги протеста, шествия... Мы, работая в сельской школе, поддерживали своих коллег письмами, но ни разу, ни на один день не оставили свое рабочее место. Знали: в классах нас ждут дети. Знали: многие из них, так же, как и наши собственные ребяташки, тоже нуждаются в одежде, еде, потому что у многих родители тоже бюджетники или работники агропромышленного комплекса, а в этой области и сейчас с зарплатой туго...

Слава Богу, страшные 90-е позади. Но последствия мы пожинаем до сих пор. Прежде всего, последствия духовного кризиса 90-х годов, когда беспощадно было уничтожено то, что было накоплено 70-летним опытом советской школы, а взамен ничего не предложено. Согласна с теми, кто скажет, что система прошлого тоже не была идеальной, но в ней было много и рационального, что стоило сохранить.

Кто-то, прочитав мои рассуждения об учительстве, скажет: «Защищает свои интересы!». Да, я защищаю права учителей, но вижу и негативные стороны школьной жизни. В фильме «Школа: бои без правил» поднимается проблема поборов. Считаю: брать деньги с детей, даже если школа находится в трудном финансовом положении, аморально. Любые платные услуги должны быть законодательно оформлены. Что касается подарков, которыми якобы снабжают педагогов, то для многих моих коллег главным подарком были и будут добрые поступки наших воспитанников, успешность их взрослой жизни. А если случилось, что родители кому-то дарили на 8-е Марта сервиз или шоколадку, то наши учителя или возвращали «презент» дарителю или поступали так: шоколадку делили между ребятами, а посуду оставляли в классе - всем вместе пить чай по праздникам.

Труд наших учителей благороден, но как никакой иной, труден и требует больших эмоциональных затрат, огромного терпения и изрядный запас юмора. И в моей практике, и в практике моих коллег бывали разные случаи. Казалось бы, уже все сделано, все методы испробованы, а у одних есть интерес к учебе, а другие учиться не хотят. Казалось бы, приложил массу усилий для того, чтобы они совершали только красивые поступки, но вот опять узнаешь, что сегодня один мучил кошку, а другой дразнил девочек... И снова все начинаешь с азов. И так без конца, много лет подряд. На то мы и учителя, чтобы терпеливо разъяснять детям простые истины добра. А если терпение твое иссякло, лучше уйди из школы. Раздраженный, грубый человек вызывает неприятие окружающих, а учитель - тем более. И преступен тот учитель, что поднял руку на своего ученика (это я вновь об одном из сюжетов уже названного мной телефильма). Мудрый учитель найдет выход из любой, даже самой патовой, ситуации. Найдет нужное слово, что дойдет до ученика. Может, не до всех, не до каждого, не до всех сразу. Кто-то поймет сегодня, кто-то через год, пять лет... Что ж, у каждого свой путь познания истины... Лишь бы поняли. Лишь бы до момента прозрения не совершили ничего дурного, противоправного.

Кстати, о словах. Довелось мне лет 10 тому назад наблюдать, как во время перемены общалась со своими учениками известная в районе учительница Ульяна Павловна Гридина. За 5-6 минут столько восхищенных эпитетов в ребячий адрес, столько уменьшительно-ласкательных суффиксов в обращении к школьникам! Не в силах сдержать эмоции, восклицаю: «Господи, как же они Вас любят!». И в ответ слышу застенчивый голос Ульяны Павловны, вижу свет-

лый взгляд: «А как их я люблю, если б Вы знали...» Вот и весь секрет педмастерства: светло, без всяких оговорок, любить детей. Уметь прощать и забывать и милые детские шалости, и крупные проступки. Уметь признавать свои педагогические просчеты, ведь от ошибок не застрахован даже самый маститый и заслуженный... И неустанно заботиться о развитии духовности. Совестьливость - вот какого качества, на мой взгляд, не хватает некоторым молодым людям. Не говорю: «многим», потому что считаю: в большинстве своем современная молодежь все же порядочные люди.

О том, что юмор может использоваться в качестве воспитательного средства, нам с подругой поведала наша руководительница педпрактики еще в вузе. Было так: на заре моей туманной юности давала я свои первые уроки в 10-м, тогда выпускном, классе одной из пригородных школ. Класс, и без того не отличавшийся особым рвением к учебе и дисциплинированностью, теперь и вовсе расхлябался. Еще бы! Вместо привычных учительниц, одетых в строгие костюмы, с прической «шишечка» на голове, достаточно опытных и мудрых, уроки ведут юные, хрупкие, тоненькие, модно одетые, может быть, хорошо знающие теорию, но совсем не имеющие практики студентки, которые по возрасту чуть старше своих учеников...

Какой простор для деятельности! «Изобретениям» не было конца! То принесут на урок пушистого сиамериканского котятку, жирного и наглого даже по виду, а он замыкает в самый неподходящий момент, как раз тогда, когда ты говоришь о любви великого Маяковского, то острят весь урок, то спорят напропалую о нужности литературы, которая, по их мнению, «в обществе себя, уже, в общем-то, изжила ...» Не уроки, цирк какой-то!

Используя, как нам тогда казалось, весь арсенал средств педагогического воздействия: увещания, уговоры, назидания - и ничего не добившись, мы с подругой обратились за советом к нашей Людмиле Прокофьевне.

Людмила Прокофьевна улыбнулась: «Девочки, милые, что же вы все строжитесь, сердитесь? Прямо как чопорные классные дамы из прошлого века. Вы же молодые, они подспудно тянутся к вам. Вот и хотят, чтоб вы все время на них внимание обращали. Урок превращают в театр юмористических миниатюр? Воспользуйтесь этим! Посмейтесь вместе с ними над их «изобретениями». Помните, у Распутина в «Уроках французского» молодая учительница, увидев синяки на лице ученика, говорит: «Ну, вот у нас в классе уже и раненые появились».

Совет нашей преподавательницы помог. Стоило лишь один раз проявить сообразительность, поиронизировать по поводу «хохмы» кого-то из учеников, как дети наши посерьезнели, перестали смеяться без оснований, да и на уроках стали активнее.

Сейчас мне, вероятно, возразят мои коллеги-педагоги: «Юмор-это хорошо, но до смеха ли, когда давят бытовые, финансовые проблемы, когда хамят дети?»

Да, зарплата учительская, как и у других категорий интеллигенции, очень мала. Особенно у молодых специалистов, недавно пришедших в школу со студенческой скамьи. Еще нет практики, нет возможности защититься на категорию. А как ничтожна пенсия у педагогов-пенсионеров! Не пенсия, слезы! Перспектива такой пенсии, думаю, приводит в ужас. Вот и вынуждены педагоги, чтобы прокормить семью и заработать хоть немного стоящее содержание в ста-

рости, увеличивать себе нагрузку учебных часов, совмещать несколько должностей. Порой о качестве такого совместительства лучше не говорить. А какой ущерб наносится учительской семье! Ни о каком полноценном общении с собственными детьми и речи не может быть.

Многие учителя-пенсионеры, уже не имея крепкого здоровья, трудятся лишь по одной причине: хотят поддержать материально повзрослевших детей, не имеющих стабильного постоянного заработка. Такова жизненная реальность.

К слову, о здоровье. Не знаю, существует ли статистика учительского здоровья вообще, но если бы была, то была бы плачевной. Ведь физические и эмоциональные перегрузки еще никому на пользу не пошли.

Это, так сказать, материальная сторона дела.

Но для учителя было и остается главным в профессии призвание, о чем мы в пылу полемики порой забываем говорить. Семантика слова «призвание» прозрачна. Слово это имеет один корень со словами «призыв», «зов». Именно зов души, а не перспектива больших денег, заставлял людей приходить в школу 100, 70, 30 лет назад. Люди приходили и оставались верными профессии не год-два, десятки лет. Сколько у нас в районе педагогов, отдавших школе 30-40 лет!

Л.И.Воробьева и Т.И.Крапивина из Коб-Кордона, Л.А.Николаева и К.В.Якимова из Биазы, Т.Г.Врагова и Л.А.Смык из Верх-Красноярки, З.Н.Голубева из Чувашей, М.Е.Капорикова из Останинки, Л.П.Юревич, М.К.Сидорова, Г.Ф.Кемелева, А.А.Устьянчик, А.Е.Новикова из Северного... Список можно продолжить.

Есть у нас и человек-легенда - заслуженный учитель России Анатолий Павлович Гламаздин. Думаю, что его педстаж составляет 50 (или больше) лет. А учительские династии! Я горда тем, что принадлежу к таковой. Общий стаж моих многочисленных родственников составляет 90 лет, одна моя мама Антонина Сергеевна Лаврова отдала школе 35 лет...

Главным побудительным мотивом в семейной династии, считаю, все же является уважение к труду, к семейной традиции.

Что касается грубости и хамства со стороны учеников, то настоящий учитель, как тонкий психолог, всегда поймет, что стоит за таким явлением: обыкновенная подростковая бравада, желание любым способом оказаться в центре событий или уже укорененное зло. Если «зло», то кто виноват в том, что ребенок стал таким? Родители, пьющие, и потому не воспитывающие ребенка? Школа, которая выпустила ребенка из поля своего зрения? Или улица, что неустанно подвигает на «темные» дела? Каковы бы ни были причины, мы обязаны бороться за ребенка до конца. Спасать всеми имеющимися средствами. Иначе отступить дальше уже будет некуда.

Авторы фильма «Школа: бои без правил»: поднимают еще один острый вопрос - проблему детского алкоголизма и наркомании. Всем известно: под воздействием зелья человек теряет всякие нравственные тормоза, утрачивает контроль за собой и своими поступками. Возраст наркоманов и алкоголиков постоянно снижается. Цифры пугают. Что делать? Принимать жесткие меры на уровне государства? Штрафовать? Организовать анонимные общества?

Если необходимо, применять и жесткие меры. Особенно, если речь о преступлениях на расовой почве. Но, прежде всего, воспитывать. Увлекать полезными делами, прививать любовь к труду, спорту, культуре... Лечить физически и

нравственно. Даже оступившихся, чтобы они не потянул за собой других, юных и здоровых, чтоб не пошла еще большая цепная реакция зла. Ведь дурной пример заразителен. Важно, чтобы вся общественность помнила, в какой опасности молодые. И еще раз повторюсь: многое зависит и от самого человека. Можно от безысходности податься в киллеры, а можно ухаживать за больными, тем самым сознавая полезность бытия. Пусть и плата за твой благородный поступок не велика. Главное, чтоб ты сам ощущал себя человеком. Можно, разбогатев, заботиться лишь о собственном благополучии, а можно заняться благотворительностью. Примеров много и в нашем районе.

Важно, чтобы школа и семья и в этом вопросе, и других, касающихся ребенка, занимали единую позицию. Чтобы учителя уважали интересы ребенка и семьи, а родители прислушивались к мнению школы, профессиональным советам педагогов. Чтобы не было унижительных разборок, жалобных писем, нервотрепки ни с той стороны, ни с другой стороны, чтобы родительская и учительская энергия служили бы одному делу - воспитанию граждан страны. Чтобы конфликты решались все-таки цивилизованным путем.

Хорошо, если государство примет документы, регулирующие отношения семьи и школы. Хорошо, если в обществе неустанно будет повышаться авторитет семьи. Если средства массовой информации будут больше говорить о положительном семейном опыте. Любовь Николаевна Плучевская, наверное, не помнит наше кратковременное знакомство на совещании директоров в июне 2002 года, но мне общение с замечательной мамой 26 детей запомнилось: так поразили меня ее воспитанные и талантливые ребята. Многодетные, приемные, просто благополучные семьи, чей опыт заслуживает внимания, есть и у нас в Северном. О чем не раз писалось в местной газете, за это спасибо журналистам. Хотелось бы, чтобы этот опыт был обобщен на более высоком уровне.

Хорошо, если будет повышаться престиж учительской профессии (и не только материально). Если чаще будет говориться о труде как о духовной категории, и не только о труде педагога, а и о труде земледельца, врача, ученого, военного...

Хотелось бы, чтобы кинематографисты больше экранизировали классику, где семейные и общественные ценности стоят на должной высоте... Чтобы героями фильмов были не банкиры или супер юноши, а простые люди, честно исполняющие человеческий и гражданский долг, в том числе и учителя. Чтобы воспитание шло, прежде всего, на положительном примере. Положительный пример не только показателен, а еще и вдохновляет, дает установку на добро, на дела ради других, на собственное самоусовершенствование... А это так необходимо: постоянно работать над собой, служить людям...

Вот к каким размышлениям привел меня просмотр фильма по ТВ. Хотелось бы, чтобы откликнулись читатели: коллеги-педагоги, родители, ученики - что они думают по данному поводу.

2007 год

С любовью через все испытания

Рождение Тамары Леонтьевны Зуевой (в девичестве Гламаздиной) пришлось на 1936 год, один из страшных годов отечественной истории. Тамаре было всего девять месяцев, когда ее отца, Леонтия Васильевича, арестовали. Забрали сентябрьским днем

1937 года. В тот день в Остяцком сельсовете были арестованы 20 человек: лучших колхозников, активистов, тружеников. Как утверждают очевидцы, всех сажали в один сарай посреди деревни и держали всю ночь взаперти, не давая разговаривать с родными и близкими, плотным кольцом стоявшими вокруг сарая. И целую ночь над селом был слышен вой собак и бабий плач. Голосили так, что волосы стояли дыбом на голове. Знали бабы: никто назад не вернется. А наутро арестованных увезли на лошадях в неизвестном направлении.

Как было жить в родном селе семье «врага народа», когда, опять же, по словам очевидцев, даже воду из общего колодца в некоторых деревнях им запрещалось брать, не говоря уже о других, более существенных правах?! Людей лишали с трудом нажитого имущества, жилья, запрещали голосовать на выборах.

Вот и семьи Гламаздиных (а всего было арестовано несколько братьев) тоже оказались в родной деревне в изоляции. Односельчане, еще недавно искренне любившие и уважавшие их, теперь проходили мимо, не замечая. Некоторые были настроены откровенно враждебно. Односельчан можно было понять: одни вели себя так из боязни, что трагическая участь может и их постигнуть, другие - оттого, что свято верили - перед ними в самом деле враги советской власти (хотя не могу не заметить: нет оправдания трусости и предательству. Всегда нужно оставаться человеком).

Что было делать Марфе Васильевне, матери Тамары Леонтьевны, в такой ситуации? Марфа Васильевна была настоящей матерью, а настоящие матери, прежде всего, заботятся о детях. Сильная и мудрая женщина, она приняла единственно правильное решение: спасением для шестерых детей - пятерых дочерей и сына (мальчик потом умер, не вынес всех тягот судьбы) - будет уход туда, где тебя мало знают, где тебя не будут притеснять, где можно стать незаметным в толпе незнакомых людей. Этим местом стала Петровка, деревня Кыштовского района, что в пятидесяти километрах от Остяцка.

Уходили быстро, среди бела дня, незаметно, так, чтобы не было погони, ничего не взяв из личных вещей, чтоб не было и тени подозрений. Уходили холодным осенним днем. На душе у Марфы Васильевны камень лежал: от разлуки с родными местами, от неизвестности, от страха за детей. Наверно, думалось ей: «А как же там, на новом месте? Вдруг и там будет плохо?»

Но этого не произошло. В Петровке, где не было у Гламаздиных ни родственников, ни друзей, нашлись добрые люди. Приютили, обогрели, дали жилье, еду и кое-какой скраб.

И прижилась семья в Кыштовском районе. Только все началось у них складываться, как новая общая беда грянула - война. В годы войны семья Марфы Васильевны жила, как все советские семьи того периода. Голод, холод, нищета и работа до изнеможения. Люди, пережившие революцию, коллективизацию, раскулачивания, 37-й год, непомерные налоги, честно любили свою Родину и делали все, чтобы страна выстояла, не сдалась фашистам.

Вместе с другими Марфа Васильевна и старшие дочери Анна и Елена работали на колхозном поприще. Работали в поле и на ферме изо всех сил, так, что ноги переставали двигаться. А нужно еще было как-то семью содержать, о детях заботиться. И откуда только силы брались! Марфа Васильевна жила верой, святой верой, которой жили многие женщины в то время, женщины, что остались одни волею судьбы: у одних мужья были на фронте, у других - арестованы. А каждая ждала и надеялась:

вот откроется дверь, и на пороге - муж, молодой и красивый, как в день разлуки. Каждая верила: уж ее-то точно вернется! Верила и Марфа Васильевна, что ее муж жив. Гораздо позже семья Гламаздиных узнала о судьбе мужа и отца: в 1944 году погиб в рудниках Магадана, где отбывал наказание за несуществующую вину. (Запрос о реабилитации делал наш земляк И.Г.Гламаздин.)

А между тем маленькая Тамара подрастала и в 43-м году пошла учиться в школу. Была старательной и исполнительницей ученицей. Но, как многие ее сверстники, в школу ходила недолго. После окончания четвертого класса Тамара начала помогать матери и старшим сестрам на ферме. Поила телят, коров доила. А потом и сама стала работать дояркой. Школу пришлось оставить, чтобы помочь семье выжить. Поэтому трудовой стаж Тамары Леонтьевны исчисляется с 12 лет, что было обычным для поколения послевоенного времени.

Жила в своей Петровке Тамара, расцветала, несмотря на все перипетии судьбы, и превратилась постепенно в красивую юную девушку. А в соседнем селе Алексеевке жил веселый симпатичный парень Павел Зуев, на все руки мастер: и шофер, и тракторист, и гармонист. Павел родом был из многодетной семьи фронтовика. Прослышал он, что в Петровке есть такая работающая и красивая девушка по имени Тамара, приехал свататься. Тамара до сватовства с Павлом знакома не была, а увидела потенциального жениха, и он ей приглянулся. И Тамара понравилась Павлу. Так образовалась новая семья.

Вначале жили в Алексеевке в старом домике, потом Павел Антонович вместе со своим отцом поставили новый, светлый, просторный четырехкомнатный дом. Постепенно обзавелись большим хозяйством: во дворе всегда было три коровы, целый табун коз и овец, гуси, куры, свиньи, телята. Отец семейства увлекался пчеловодством, поэтому и сладкого в доме было достаточно.

Люди трудолюбивые по натуре, Зуевы не только в колхозе были на хорошем счету, но и успевали сажать и обрабатывать по два огорода картошки и овощей. И при этом о личном развитии не забывали: Павел Антонович, будучи уже зрелым человеком, заочно закончил техникум по специальности «ветеринария».

Но главной радостью супругов Зуевых были дети. В 1960 г. родилась Люда, в 61-м - Сергей. Потом Дима, Таня, Коля, Нина. Всего 10 детей. Тамара Леонтьевна носит высокое звание «Мать-героиня». Когда ей вручали в Кыштовке эту награду, много было сказано добрых слов в ее адрес. А она была очень смущена всеобщим вниманием. И с тех пор медаль свою никуда не надевала. Такой она скромный человек.

В конце 80-х годов большая семья Зуевых переехала в Остяцк, на малую родину Тамары Леонтьевны, где уже давно жили старшие ее сестры - Мария Леонтьевна и Елена Леонтьевна. Кстати, и у этих женщин семьи тоже многодетные: Мария Леонтьевна (ныне уже покойная) вырастила семерых, а Елена Леонтьевна - четверых детей.

Зуевы поселились в большом кирпичном доме на берегу Тары на старой улице, где райповский магазин.

В те годы довелось мне побывать по своим учительским делам в доме Тамары Леонтьевны и Павла Антоновича. И что я увидела? На веранде - множество всякой посуды с кормом для домашней скотины, на плите - огромная кастрюля с супом, большая сковорода с котлетами. И во всей большой квартире - ни пылинки, ни соринки. Помню, не сдержалась, спросила у хозяйки: «И как вам это все удается?» А в ответ услышала: «А я сама все и не делаю. Что - Паша, что - дети, что - я!» Вот такая традиция была у

них - обязанности по хозяйству делить между членами семьи.

И еще одна традиция существовала в семье Зуевых - умение сохранять лад и согласие в доме. Люди никогда не слышали, чтобы старшие Зуевы ссорились, между собой, чтоб повышали голос на детей, чтобы они когда-то дурно отзывались друг о друге или о посторонних. И где бы ни появлялись супруги Зуевы, они всегда были вдвоем: и в магазине, и в клубе сельском, где Павел Антонович играл на гармонии, а Тамара Леонтьевна танцевала со сверстницами польку и кадрили, и в райцентр вместе выезжали, и в лес по ягоды-грибы. Даже на зимнюю рыбалку Тамара Леонтьевна с мужем ходила, как рассказывала мне Зоя, младшая дочь Зуевых. И куда бы они ни приходили, лица у них всегда были добрые, и смотрели они друг на друга просветленно, как будто только что встретились. Таким гармоничным отношениям по-хорошему можно позавидовать, а ведь они, пожалуй, про психологию семейного существования и не слышали, просто жили по каким-то своим, веками выработанным в их семьях традициям.

Побывав в доме Зуевых, я поняла, что хозяева - люди скромные, приветливые, добросердечные. И что в этом доме ценят истинные, а не ложные ценности: порядочность, уважение к людям, честность, справедливость, искренность, открытость, что присуще людям этого поколения, любящим не внешний лоск, не стремление к материальной выгоде, хотя Тамара Леонтьевна и Павел Антонович делали все, чтобы их дети не знали нужды, нет, - то, что зовется народной духовностью и что годами культивировалось в русской нации: милосердие, взаимопомощь, трудолюбие, семейственность. И младшее поколение семьи Зуевых под стать родителям.

Все дети Зуевых - трудолюбивые, хозяйственные и талантливые. Я, работая в Остяцкой школе, учила троих младших. Помню, как выступала на сцене Зоя, как пел частушки, играл в спектаклях Андрей. И старшие - Нина и Николай - активно участвовали в жизни села.

Казалось бы, все хорошо и гладко шло в большой дружной семье. Старшие выросли, обзавелись своими семьями. Людмила с мужем и детьми, Сергей с женой и приемной дочерью, а потом и с родными сыном жили в Алексеевке, остальные находились рядом с родителями здесь, в Остяцке.

И тут нежданно-негаданно пришла беда. Нет ничего страшнее для сердца матери, чем потеря ее детей. Тамара Леонтьевна уже однажды пережила такую трагедию в 80-х, когда в Красноярске при невыясненных обстоятельствах погиб сын Дима. А в 90-х целая череда несчастий обрушилась на семью Зуевых. Сначала погиб зять Алексей Сыропятов, тихий, спокойный, скромный человек. Дочь Татьяна через несколько лет вновь вышла замуж, ждала ребенка. Как говорили врачи, не одного, а сразу двух. Рождение ребенка - всегда радость, а здесь ожидалась сразу двойная радость. Но огромная радость обернулась тяжким горем. Таня, молодая, красивая, безобидная, слова дурного никому не сказавшая, умерла во время родов.

Вся деревня переживала в те дни вместе с семьей Зуевых их беду. Вся деревня переживала за судьбу детей Татьяны, ведь их осталось пятеро: трое дошкольного возраста и двое новорожденных мальчиков. И здесь опять можно только поразиться мужеству и стойкости Тамары Леонтьевны. Когда-то ее мать Марфа Васильевна приютила у себя в доме двух родных внуков, оставшихся после смерти старшей дочери Анны, не побоялась никаких трудностей. Теперь Тамара Леонтьевна, находясь уже в преклонном возрасте, повторила подвиг своей матери.

Тамара Леонтьевна не отдала детей на воспитание в общественное заведение. Опекунство на трех старших оформил сын Павел, но фактически все заботы и хлопоты легли на плечи Тамары Леонтьевны, ведь Павел жил тогда в родительском доме. Двух младших детей забрал к себе их отец, но и там в воспитании сирот активное участие принимала бабушка - Валентина Ивановна Лаврова.

Тамара Леонтьевна и Валентина Ивановна - из когорты тех женщин-жертвенниц, готовых ради семьи отдать все. Такими, наверно и должны быть настоящие матери: ответственными не только за жизнь своих детей, но и за внуков, правнуков, весь род человеческий. И главное их достижение в жизни - успешные, благополучные дети.

Да, дети Тамары Леонтьевны выросли достойными гражданами страны. Нина закончила пединститут, работала заведующей детсадом. Николай живет в Коченево. Зоя - библиотекарь в Остяжке. Паша и Саша работают на Севере. Дети Тани - Наташа, Ваня, Максим - тоже взрослые. Наташа успешно закончила школу, учится в Куйбышевском пединституте. Позади у Тамары Леонтьевны остались бессонные ночи, переживания, походы к врачу, посещение родительских собраний - все атрибуты того, что называется родительским долгом. И выполнила она его не один раз, не два, а целых тринадцать, если учитывать внуков. А это под силу не каждой.

Перед написанием статьи я долго пыталась Зою, младшую дочь, что же значит для нее мама? Зоя поведала мне о жизни родителей, о том, какие наказания давала ей мама: «Главное - берегите друг друга, одному человеку плохо», а потом сказала: «Мама - это мама. И этим все сказано». Видно, так оно и есть: настоящие матери не нуждаются в красочных определениях-эпитетах.

...А Тамара Леонтьевна теперь живет одна. Как-то при встрече в райцентре сказала мне: «Ушел мой Паша». И посмотрела куда-то вдаль, за поворот, как будто он туда ушел ненадолго, и скоро вернется. А мне подумалось в ту минуту: «Вот откуда они силы черпали: и Тамара Леонтьевна, и мать ее Марфа Васильевна, и другие женщины, что пережили все трудные годы нашей страны. Из любви». Ведь только любовь делает человека сильным и окрыленным. И только любви все подвластно.

2015 год

Умение ценить жизнь

Небольшое поселение Ургуль, затерявшееся в глуши девственной тайги. Одна длинная, вытянутая вдоль речки Тары улица. Грунтовая дорога. Сирень и черемуха в палисадниках. Резные наличники на окнах деревянных домов. Из местных достопримечательностей – лишь клуб да магазин. Когда-то здесь была начальная школа, но теперь ее нет: ребяташек возят учиться в соседнее село. Сотни километров отделяют Ургуль от города, от большой шумной цивилизации. Но это не значит, что здесь нет жизни. Она есть. Она другая, но тоже яркая, насыщенная, интересная.

Все, что происходит в стране, происходит и в российской глубинке. Потому что в каждой деревне, в каждом доме – люди. Люди со своей судьбой, своей личной историей. Как отдельные жемчужины, нанизываясь на нить, образуют блестящее сокровище, так и отдельные истории человеческие, нанизываясь на нить событий, образуют Великую историю России. И каждая судьба – не просто цепь событий, а звено этой истории. И если выпадет хотя бы одно звено, обеднеет и история. Потому что каждый человек уникален и неповторим.

Ургульцы – люди настоящие, без капли фальши, игры, притворства. Искренние,

честные, трудолюбивые, творческие. О сокровенном предпочитают молчать, не любят рассуждать на философские темы о смысле бытия, о сути вещей, о том, кто есть люди и зачем они приходят на свет Божий. Предпочитают доказывать все делом. И делом, в основном, добрым. В трудную минуту поддержат, в счастливый момент – от души за тебя порадуются. За успех – похвалят, за дурной поступок – осудят вслух, не осуждая за спиной. Осудят – и тут же простят тебе твой грех, забудут и никогда не упрекнут.

Любить и прощать здесь умеют. Прощают здесь все, кроме того, что противоречит подлинно человеческой сущности. Не терпят только предательства и подлости, лицемерия, жизнь для себя и во имя собственного «я». Это великодушные и доброта, милосердие и любовь к ближнему, откровенность и прямота передаются от детей к внукам, от внуков к правнукам. И законы эти созданы настоящими людьми.

Моя героиня – из таких. Имя у нее сказочное, характер жизнелюбивый, а судьба трудная, как у всех, на чью долю выпала война. Родилась Василиса Николаевна Пешкова в далеком 33-м, и к началу войны ей было 8 лет. Дитя войны, она сполна хлебнула все горести лихолетья. Отец со своими тремя братьями с первых дней войны был на фронте. Мать Екатерина Зиновеевна Макарова одна поднимала пятерых детей. Как и многие женщины-солдатки, без устали работала на колхозном производстве. Василиса росла девчонкой бойкой и работающей. Умела делать любую работу по дому: и пряла, ткала, и вязала. Связанные носки варежки часто относила в школу, чтобы отправить в общей школьной посылке на фронт в действующую армию. И была очень горда от сознания того, что и она со своими подружками приближает победу.

А меж тем почти в каждую деревенскую семью, в каждый дом приходило горе: погиб, пал смертью храбрых или пропал без вести сын, отец или брат. И Василисин отчий дом беда не обошла: мать получила «похоронку» на отца.

И все. Закончилось детство для Василисы. Началась взрослая трудовая жизнь. Нужно было помогать матери содержать семью, растить младших. И пошла Василиса работать в колхоз. Работу выполняла всякую: пахала на конях, возила сено, косила, жала, а было тогда юной труженице 13 лет.

В 1952 году правление колхоза отправило смышленную девчонку в Чистоозерное, учиться на тракториста. Тракторист – профессия по тем временам уважаемая, не каждый удастаивался высокой чести быть направленным на учебу от сельхозпредприятия. А Василисе эта честь выпала. Честь честью, а работать на тракторе, скажем прямо, было тяжело. Трактор «Универсал», хоть и был, по теперешним меркам, малогабаритным, но заводился с рукоятки, часто ломался. Приходилось самой заводить, ремонтировать, отогревать. Словом, хлопот хватало. Но хрупкая девушка с достоинством выходила из любой ситуации. И фору давала взрослым и сильным мужчинам, постоянно перевыполняя план.

Работа в колхозе занимала все время. Но были и благодатные редкие минуты отдыха. В теплые летние вечера бежала Василиса с подружками на берег реки Тары, где собиралась молодежь из всех окрестных деревень. Задорно играла гармошка. Парни и девушки веселились, плясали, пели. И летели в звездное небо, разливаясь над рекой, протяжные песни, забористые частушки. Пели не только то, что слышали по радио, с киноэкрана. Мастерницей сочинять припевки и частушки была ее сестра Анастасия.

Любое событие сельской жизни находило отражение в частушках: высмеивали пьяниц и лодырей, пели про измену и любовь. Петь в то время в деревне умели, невзирая на нищенство быта, голод и холод. «Идем, бывало, с Таисьей на работу – поем от самой калитки, с поля вечером едем – поем. Купила мама одно-единственное

платье красное на выход – я рада», - рассказывает Василиса Николаевна.

Умение ценить жизнь, радоваться обычным вещам, удивляться тому, что нас окружает – положительное качество сестер Василисы и Анастасии. Как и привязанность к песне, которую они пронесли через всю жизнь. Пели в местном Доме культуры, на фольклорных фестивалях.

И еще одна черта, присущая Василисе Николаевне, импонировала людям, знавшим ее – врожденное чувство справедливости и порядка во всем: в быту, работе, отношениях людей. Она не раз была «третейским судьей» в спорах односельчан, могла утихомирить пьяного хулиган.

Мое повествование было бы неполным, если бы я не рассказала о семье своей героини. Любовь Василиса Николаевна нашла здесь же, в родном селе. Алексей Иванович был из семьи тех самых Пешковых, чей прадед повторил подвиг Ивана Сусанина, завел отряд колчаковцев в глухие сибирские болота. Вырастили Василиса Николаевна с Алексеем Ивановичем троих сыновей. Николай закончил Высшую школу милиции, много лет служил в одном из ОВД Новосибирска. Геннадий с семьей живет на Алтае. А старшего сына Василисы Николаевны – Сергея, я называю своим спасителем. Когда со мной в 2002 году случилась страшная авария, Сергей Алексеевич вместе с Надеждой Викторовной первыми оказались рядом. Просто проезжали мимо и не остались равнодушными. Они вызвали «Скорую», помогали грузить носилки, успокаивали... Так что я еще и лично благодарна Василисе Николаевне за сына и сноху.

Много испытаний и трудностей выпало на долю Василисы Пешковой. После того, как перестала работать на тракторе, она освоила другую технику – по сортировке и очистке зерна. Потом 17 лет трудилась в колхозе «Борьба за мир». А уйдя на заслуженный отдых, не стояла в стороне от общественной жизни, всегда откликалась на просьбы бригадира, правления колхоза. В ее послужном списке много грамот, благодарностей, есть медали. Но главное – признание окружающих.

Василиса Николаевна – человек скромный. На вопросы о себе отвечает кратко, больше говорит о родных, близких, сослуживцах. Вспоминает тех, с кем вместе трудилась, жила: В.П. Бузургина, Т.Н. Крюшкину, К.В. Бузюргину. На мои рассуждения о счастье отвечает просто: «Счастье – это хорошее здоровье».

«Откуда этот свет души, сильная энергетика?» - задаю я себе вопрос. И сама на него отвечаю: «От отца, погибшего на фронте. От матери, трудившейся день и ночь ради общего дела. От односельчан, что были рядом всю жизнь. От русской песни, что так она любит. Словом, от всего, что зовется жизнью». Ведь только человек, любящий жизнь, остается молодым на долгие годы.

2014 год

Заметки о Родине

Образ Родины многолик. Можно писать о природе родного края, можно рассказать о его богатой радостными и печальными событиями истории, можно посвятить свое повествование замечательным людям, Великим и простым смертным, живущим на нашей «малой» родине. Но чаще всего эти составляющие сливаются своими гранями в сознании в одно целое, именуемое этим Высоким и святым понятием – «Родина».

Моя Родина – Россия, и я знаю, что в отличие от многих моих современников, я никогда не покину ее пределы, как бы хорошо и комфортно ни было за границей. Я слишком русская, чтобы стать иностранкой. Может, это звучит пафосно, но я из тех, у

кого судьба родиться и умереть в России, не за «кордоном». И не потому, что нет возможностей и средств. Нет. Просто мне там не будет хватать всего русского: берез, песен, стихов, людей. Так я устроена. Такая у меня душа.

Моя малая родина – Сибирь, мой родной Северный район, мое родное село Остяцк.

И свои заметки о родине я посвящаю природе, истории и людям этого края, но больше, конечно, людям, ибо история без них не делается, и природа без человека ничто.

Рассказ первый. О моей родине

Слово «Родина» - однокоренное со словами «род», «родня». И, говоря о Родине, нужно, конечно же, писать о своем роде, ибо из истории тысяч российских семей – родов складывается история страны.

Мой род по отцу – это род Лавровых-Санниковых (бабушка до замужества носила такую фамилию), род коренных жителей Сибири, которых именуют чалдонами.

В детстве окружающие часто говорили мне, что внешностью: лицом, манерой двигаться, говорить – я здорово напоминаю свою бабушку, мать моего отца, Наталью Тимофеевну. «Шустрая такая же была, говорила так же быстро», - утверждали те, кто знал хорошо бабушку. Оценить сходство с бабушкой, к сожалению, я смогла лишь по портрету: Наталья Тимофеевна ушла из жизни очень рано, едва переступив пятидесятилетний порог. Мне в то время было чуть больше года. Но, по воспоминаниям моих родных, знаю, что была бабушка человеком работающим, светлым. Слова дурного никому не говорила. Вместе с мужем Иваном Константиновичем вырастили пятеро детей.

Дед Иван Константинович, ветеран войны, в отличие от бабушки, прожил долгую жизнь, много трудился. И до конца своих дней стремился быть полезным людям: часто бывал на встречах с молодежью, рассказывал о своих фронтовых товарищах.

Было у деда Ивана и бабы Натальи пятеро детей, как я уже сказала. Белокурая, длинноволосая красавица тетя Маша с детьми и мужем жили в Новокузнецке, старшая папина сестра тетя Мотя с четырьмя дочерьми – в Куйбышевском районе. Здесь, в Остяцке, находились двое родственников – дядя Илья и тетя Тася, моя крестная.

Дядя Илья... Определяющими в его характере были две черты: вечная неутомимость и вечная забота о родных и близких. Проработав в сельском производстве более тридцати лет, сначала шофером, потом бригадиром, Илья Иванович, перенеся в конце семидесятых тяжелую операцию, не оставался в стороне от колхозных дел, участвуя по мере возможности в трудовом процессе.

К работе относился с большой ответственностью.

А каким он был добрым и внимательным к людям, я знаю не понаслышке. Помню, как меня, пятилетнюю, больную, с высокой температурой вез в больницу в соседнее село. Вез на своей дребезжащей полторке по наводнению, по большой весенней воде. Вез и постоянно спрашивал у отца, держащего меня на коленях: «Дышит? Жива?» отец трогал мой горячий лоб холодными руками, и от этих родных вопросов и прикосновений, казалось, становилось и дышать легче, и жить.

В мои студенческие годы, в пору, когда не было еще хороших дорог в районе, дядя Илья отвозил меня в соседний район, в Межовку, где раньше был аэропорт.

«Ну, лети, Рая. С Богом, а то опоздаешь на занятия после праздников, будешь плохо учиться», - напутствовал он меня.

Держа в хозяйстве пасеку, Илья Иванович каждое лето считал своим долгом обнести вкусным медовым кушаньем не только родных детей, братьев и сестер, но и мно-

гочисленных племянников, крестников, кумовьев... Такая широкая, хлебосольная душа у него была!

Горе, пришедшее в дом дяди Ильи и его жены тети Клавы, черной тучей легло на нашу родню. Не верилось: Нет больше Нади, дочери дяди Ильи, добродушной, гостеприимной, молодой, красивой, едва перешагнувшей за 30... Какой-то подонок убил прямо в собственной квартире.

Помню, пришла я в дом дяди Ильи в день похорон, не решаясь заглянуть в комнату, где лежало бездыханное тело двоюродной сестры. Стою в углу, боюсь даже глаза поднять. И вдруг чувствую чью-то руку на плечах. Дядя Илья! «Это ты, Рая? Не бойся. Держись!» И потом в сторону, отцу: «Вот что, братка, делается в больших-то городах».

И в каждом слове – боль, боль... И желание поддержать в трудную минуту более слабого. Слабой, как ни странно, в этой ситуации была я.

Под стать своей добротой мужу и Клавдия Ивановна, жена дяди Ильи. Когда-то давным-давно взяла она в дом младшую сестру, тетю Надю, ставшую инвалидом в голодные военные годы. Тетя Надя, мастерица на все руки, в далекие годы дефицита товаров обшивала всю деревню, не то что многочисленных родственников. А еще помогала тете Клаве нянчить пятерых детей. Они так ее и звали – «нянька». Дети выросли, живут уже отдельными семьями.

А тетя Клава живет теперь одна в доме. Потому что нет уже дяди Ильи, ушла в лучший мир тетя Надя...

Как живет одна в доме, где много комнат, моя тетя и крестная Анастасия Ивановна Коростелева.

В доме тети Таси все блистает чистотой: и окна, вымытые особым способом, и посуда в шкафу, и пол, и потолок, и стены. На плите – борщ, а на столе – пышные, неземной вкусноты пироги.

Пожалуй, радуется она лишь тогда, когда навещают ее дети и внуки. Потому что скоро уже 9 лет, как ушел из жизни муж тети Таси, Николай Васильевич. Но ни единого дня не проходит, чтобы не вспоминала тетя Тася своего мужа. Ведь сорок два года вместе прожито. Не было в совместной жизни моих родственников клятв в вечной любви, дорогих подарков, романтических путешествий куда-нибудь на Канары или в Египет, что так модно сейчас в свете.

Нет, не было ничего такого. Было одно желание – находиться рядом, встречать вместе солнце, радоваться новому дню. И радовались, и трудились вместе. Вырастили пятерых детей. Старшая дочь Галина больше тридцати лет работала директором Остяцкого Дома культуры, Людмила была сельским библиотекарем. Много лет приобщали они сельчан к Красоте и Добру.

О себе тетя Тася рассказывает просто, без всяких словесных изысков: «Училась я в школе хорошо, была грамотной, но учиться мало пришлось. Война. Твой папа Ваня нянчился с Марусенькой (отцу тогда было лет 7-8, тете Маше несколько месяцев), а я пошла работать с мамой в колхоз. Замуж первый раз вышла рано. Писала письма Терентию в армию. Красивым почерком писала, без ошибок. Сослуживцы его думали – я учительница, а я в колхозе работала. Ждала его, родила двух дочек. А не сложилось вместе. Расстались».

Вот тогда-то и встретила тетя Тася свою вторую и настоящую любовь – дядю Колю.

Вообще, семейные отношения многих моих родственников можно сформулировать словами с приставкой «со»: содружество, сопонимание, сопереживание, совет, союз.

Союз двух родных душ. Недаром существует поговорка «Жить душа в душу». И она существует только в русском языке, где слово «любовь» сопрягается со словом «душа». И только русские могут любить так беззаветно, всей душой: и друг друга, и мать, и Родину...

Рассказ второй. Светлая душа

В России всегда, даже в самые трудные годы, есть люди, чье пребывание на земле делает жизнь других краше.

В известном печальном 37 году, когда в Остяцке было арестовано более двадцати человек в одну сентябрьскую ночь, председателем колхоза был Герасим Петрович Почепкин. Именно в его годы правления в Остяцке построили мельницу-крупорушку, Народный дом, завели лекомобиль. Герасим Петрович, как мог, делал жизнь колхозников более легкой и интересной. И разделил вместе с теми, кого незаконно обвинили, их участь.

Прошло много лет. И лишь в 90-е вновь заговорили об этом человеке. «Душа у него была светлая», - вспоминали о нем Дарья Степановна Гламаздина и Александра Давыдовна Суркова, старейшие жительницы села.

Вот этот свет души человеческой и делает русского человека человеком. Уважение к людям, забота о них, беззаветная преданность. А еще желание сделать клочок Земли, где ты живешь, пусть не райским уголком, но вполне цивилизованным местом. Вопреки всем сложившимся обстоятельствам.

Рассказ третий. Мои учителя по школе и по жизни

В жизни у меня было много учителей, которых я вспоминаю с благодарностью. Я о многих писала, о многих рассказывала в своих заметках. Сегодня расскажу еще о двух.

Году в 75, я по окончании Остяцкой восьмилетки, поступила учиться в Биазинскую среднюю. Когда впервые увидела нового классного руководителя, ахнула! Не бывает таких учителей! Я привыкла к важным дамам, с царственной осанкой, с менторским голосом, с вечными поучениями, как жить и что делать (мы все становимся с годами такими). А тут стоит перед нами девочка чуть постарше нас, маленькая, хрупкая, с большими серыми глазами в пушистых ресницах, чернобровая и черноволосая, с нежным лицом. Улыбается, представляясь: «Надежда Лукинична!» Ей бы где-нибудь в театре играть с ее внешностью, а она математику нам преподавала, пытаясь разъяснить все сложности - трудности науки.

Скажу сразу: математику я любила меньше, чем литературу. Я по природе своей гуманитарий. А вот классного своего мы обожали. За что можно любить учителя? За знание предмета, за умение вести диалог с учениками, за личное обаяние. Все это было у Надежды Лукиничны Профорук. А еще мы любили ее за то, что не умела сердиться, защищала нас до самозабвения, до слез на педсоветах, за то, что всегда была рядом: и в походы с нами ходила, и на вечерах школьных танцевала, и пела с нами, и корчи на необъятных колхозных просторах собирала. Быть рядом с учениками – вот главное качество настоящего учителя. Быть искренним с ними. Верить в них.

Моими учителями по жизни считаю родителей, Ивана Ивановича и Антонину Сергеевну Лавровых, и Ивана Галактионовича Гламаздина. Человек этот был примером для моих односельчан. Умный, талантливый, порядочный, хороший руководи-

тель. Наша дружба с ним началась в 90-е годы, когда Иван Галактионович появился в классе, где я была руководителем, с рассказом о событиях 30-х годов, произошедших в нашем селе. Необыкновенный рассказ его заинтересовал нас с ребятами. Мы начали собирать сведения по истории Остяцка. Главным консультантом по всем вопросам был, конечно же, он, Иван Галактионович. Потом он еще ни раз приходил и в мой класс, и в другие, и каждое его выступление было открытием для ребят.

Талант повествователя, энциклопедичность знаний, внутренняя интеллигентность, присущие этому человеку, не оставляли никого равнодушным. В присутствии Ивана Галактионовича люди как-то морально подтягивались, становились дисциплинированнее.

Рассказы его: о возникновении Остяцка, об остячке Марфе, ходившей с рогатиной на медведя, о коллективизации, о Великой Отечественной, участником которой он был, поражали одновременно и обилием фактов, и живостью образов, которые он обрисовывал. Так не каждый может. А он мог. Соединять несоединимое. И в жизни он был таким, что хотелось ему подражать. Не пил, не курил, грубые слова не употреблял. И уважал любого человека, с кем ему приходилось встречаться. Сдержанный и терпеливый, мог убедить в своей правоте любого, даже самого неубеждаемого собеседника.

Иван Галактионович хорошо пел, знал наизусть множество стихов, сам пробовал писать. Хорошо знал историю страны и очень переживал за то, что происходило в тревожные 90-е.

Про то, сколько он сделал для Остяцка, находясь на посту руководителя села, разговор особый. Когда Ивана Галактионовича не стало, долгое время было ощущение пустоты. Не только душевной, но и пространственной. Казалось, в мире образовалась бездна, которую ничем и никогда не заполнишь. Так, наверное, бывает, когда уходит с Земли очень хороший человек. Хорошая ему Память!

Рассказ четвертый. Сибирские Ярославны или О соседях, литературных традициях и прототипах

Люди. Близкие, родные, односельчане, соседи... Сколько их живет рядом с нами, сколько судеб с нашей переплетается! Но в каждом селе есть личности, особенно колоритные, яркие, кем-то когда-то увековеченные и оттого особенно заметные.

Бергуль славится тем, что там побывал Павел Бажов, великий сказочник.

В Биазе в 50-е отбывал ссылку и работал в местной школе белорусский писатель Сергей Граховский. У нас в Остяце в начале шестидесятых вместе с другими студентами трудился в колхозе будущий писатель Виктор Лихонос, который впоследствии написал книгу «Чалдонки», теперь известную любому жителю.

Прототипы героев книги Виктора Ивановича и до сих пор живут на моей малой родине. Одна из них – Ольга Ивановна Панова, прообраз знаменитой Оньки. Ольга Ивановна много лет была моей соседкой. Соседи после родни в деревне – самые близкие люди. И помогут, если нужно, и совет добрый дадут, и отругают, если что не так.

Ольга Ивановна и подруга ее тетя Шура Панькова – из таких. Веселые, остроязыкие, работающие и открытые, они не раз поддерживали меня морально, делились редкими экземплярами цветов из своей садовой коллекции. Обе высокие, статные, румяные, напоминают они мне русских сказочных красавиц Василис Прекрасных или Ярославну из «Слова о полку Игореве». Недаром имя у Ольги Ивановны такое княжеское – Ольга, что в переводе означает «священная». Недаром увидел в ней Лихонос

героиню своей будущей повести. Противоположностью Ольги Ивановны является другая соседка – тетя Таня Веселова. Имя ей – Нежность и Доброта. Когда-то работала Татьяна Яковлевна в детском саду нянечкой, и ребятишки просто обожали ее за заботу и ласку, которыми она их награждала в изобилии.

Нет уже на Земле Дины Никаноровны Лаптевой, тети Фроси Корецкой, а память все хранит их образы. Дина Никаноровна была библиотекарем и до безумия любила свое дело. Где могла, там и пропагандировала книгу: и на местном радио, и в школе, и на полевом стане.

А меня, маленькую, в детстве учила пить молоко. Случилось так, что в детстве я совсем не любила есть. А молоко и вовсе ненавидела. Книга интересная и игра были для меня важнее. Мама перепробовала все методы, а ничего не получилось. «Куда же растущему организму без молока? А она на него даже смотреть не хочет», - сокрушалась мама. Тогда за дело взялась тетя Дина. Пришла к нам домой, налила большую кружку себе, а мне –поменьше. Налила и приговаривает: «А, ну-ко, давай наперегонки!» (Никаноровна не была коренной сибирячкой, приехала в Остяцк откуда-то из Центральной России, вот и «окала» не по-местному). Хочешь-не хочешь, а наперегонки не только кружку молока опустошишь, а любое дело сделаешь.

Тетя Фрося Корецкая была по профессии дояркой. Но не простой, самой передовой в колхозе. А по духу своему – мудрецом, знающим рецепт единственно правильного решения. На любой случай жизни... Рассудительность ее не только делала Ефросинью Алексеевну самой рачительной хозяйкой и самой справедливой женщиной на нашей Зеленой (по-старому улице), но давала ей право давать советы другим, учить людей жизни.

Сколько людей хороших проживало или живет у нас в Остяцке и в соседнем Ургуле! Маловы, Тишкины, Тебеньковы, Сидоровы, Коростелевы, Гламаздины, Зуевы, Евдокимовы, Бузюргины, Антипкины, Санниковы, Поздняковы, Егоровы... Всех не перечислишь! У каждого своя судьба с завитыми жизненными узорами, свой путь. У кого – узкая дорожка, у кого – гладкая, как асфальтовое шоссе, широкая дорога, у кого, что тоже бывает, - непроезжая колея с ухабами и крутыми поворотами – виражами... Главное на такой колее – не вылететь из седла, остаться настоящим наездником, не сломаться под натиском переломов судьбы. Что и делают мои Земляки, с честью и достоинством неся звание сибиряка-северянина.

Несколько лет назад в Остяцке опять побывал Виктор Лихоносов. Встречался с людьми, записывал их рассказы - о себе, о родном селе. Пообещал продолжить литературную традицию – написать большой роман об Остяцке. Может быть, кто-то из нас станет героем или героиней этого еще не написанного романа. А пока каждый пишет свой роман жизни: живет по человеческим законам, по законам рода, семьи, по соседскому закону. Людей ценить и свое лицо не терять.

Рассказ пятый. Незримые связи или А наши березы лучшие

Мой сын Борис недавно побывал в Испании. Ездил туда по своим профессиональным медицинским делам. А попутно посмотрел страну и привез массу впечатлений и фотографий. Выложил фото к себе на страничку в одной из социальных сетей.

Посмотрела я эти фото. Чего там только нет! Вот Музей Сальвадора Дали, вот Морской пейзаж, вот памятник Дон Кихоту... Но одна фотография меня особенно тронула. Среди пальм, мандариновых деревьев и прочей экзотики затерялась одинокая береза. И не просто одинокая, а какая-то неестественно согнутая, кривая и потому

очень жалкая. Я спросила у сына, почему же в Испании березы не такие высокие и стройные, как у нас, в России. «Климат, вероятно, слишком жаркий», - ответил мне сын. «Наши, конечно, гораздо красивее», - добавил с гордостью.

Да, таких, как наши березы, нет во всем мире. Ибо привлекают они нас не только внешней красотой, а служат символом связи с родной землей. Ведь у каждого россиянина есть свое заветное дерево: черемуха ли, береза, тополь или рябина. Идем мы к нему, обнимаем тонкий ствол, чтобы поделиться великой радостью, выплакать невыплаканную боль, набраться живительной силы, что идет по стволу и ветвям снизу, от земли родной.

Незримые нити – связи существуют не только между природой и человеком, но и между людьми, живущими в одной местности. И неслучайно возникают в интернете содружества людей, объединенных проживанием в каком-то селе или учившихся в одной школе. «Наши», «свои», «родные». Так и никак иначе называют себя земляки. А родство это от Земли, что когда-то их взрастила. Земля не хочет отпускать никого: ни того, кто живет на ней сейчас, ни того, кто покинул ее когда-то в силу жизненных обстоятельств. Вот и радуемся мы несказанно, встретив земляков в большом городе случайно или обнаружив новое старое лицо на страничке «Остяцк – моя малая родина».

Вот и плачем по ночам с годами все чаще и чаще, вспоминая далекие детство и юность. Это, вероятно, и есть чувство Родины: даже уехав, не предать ни березки, ни людей, ни память...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чувство Родины</i>	3
<i>Эти чистые и светлые образы</i>	6
<i>Машикина любовь</i>	15
<i>Апельсины в январе</i>	26
<i>Счастливая</i>	49
<i>Домой</i>	63
<i>Короткие рассказы о вере и верности</i>	71
<i>Оптимистка</i>	71
<i>О гранях поэзии</i>	71
<i>Вечно юное сияние</i>	72
<i>На родине</i>	73
<i>Тезки</i>	75
<i>О школьной любви и подлинной красоте</i>	75
<i>Тетя Надя</i>	76
<i>Публикации разных лет</i>	78
<i>Все начинается с любви</i>	78
<i>Одна судьба на всех</i>	80
<i>Незабываемая школьная пора</i>	83
<i>Где грань между педагогом и учителем</i>	85
<i>Слово об учителе</i>	90
<i>Увлекает детей своим примером</i>	93
<i>«Память рисует эпизоды..»</i>	95
<i>«Кто виноват?» и «Что делать?»</i>	105
<i>С любовью через все испытания</i>	110
<i>Умение ценить жизнь</i>	114
<i>Заметки о Родине</i>	116
<i>Рассказ первый. О моей родине</i>	117
<i>Рассказ второй. Светлая душа</i>	119
<i>Рассказ третий. Мои учителя по школе и по жизни</i>	119
<i>Рассказ четвертый. Сибирские Ярославны или О соседях,..</i>	120
<i>Рассказ пятый. Незримые связи или А наши березы лучшие</i>	121

